

Патерсон Франко Коста

СССР 2.0

Патерсон Коста

СССР 2.0

«Издательские решения»

Коста П. Ф.

СССР 2.0 / П. Ф. Коста — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748627-3

— Но... но как?! — недоумевает советский президент.— Это долгая история, в которую вовлечена машина времени, и страна на грани вымирания, — отвечает Сталин, закуривая трубку. Что бы подумал Сталин о сегодняшней Москве? Какой была бы его реакция? Это центральный вопрос романа «СССР 2.0», который охватывает век революций, с 1917 года до появления Сталина в российской столице в 2017 году и восстановления Советского Союза, которое приведет к Третьей мировой войне.

ISBN 978-5-44-748627-3

© Коста П. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Секрет Гитлера	6
Глава 2. Паника на Октябрьском поле	14
Глава 3. Подготовка	23
Глава 4. Экспедиция	38
Глава I. Однажды в Арктике	48
Глава 5. Сталинская гвардия	75
Глава 6. День победы	83
Глава 7. Темное будущее	89
Конец ознакомительного фрагмента.	101

СССР 2.0

Патерсон Франко Коста

© Патерсон Франко Коста, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Воле

Все события и персонажи вымышлены,
любые совпадения с реальными людьми случайны

Глава 1. Секрет Гитлера

Берлин, 1945. По руинам фашистской Германии победоносно маршируют советские войска. Фюрер покончил с собой, боясь быть схваченным Красной Армией, которую он так презирал и считал отсталой, как и все остальное советское население. Гитлер умер, забрав с собой Третий Рейх и угрозу нацизма, нависавшую над Европой.

Вокруг руин Рейхсканцелярии, когда-то величественного здания, красноармейцы выполняют разведывательную операцию в фюрербункере, который был последним оплотом Гитлера, до его самоубийства во время Берлинского сражения. Огромный подземный комплекс заполнен многочисленными трупами бывших жителей бункера, не хватает только тел фюрера и его супруги Евы Браун, которые были кремированы, а также других обитателей, которые пытались сбежать, но были схвачены советскими войсками снаружи. Военные прочесывают периметр в поиске врагов, но не находят ни одной живой души. Весь комплекс теперь подчинен советам, но солдатам это не мешает собирать военные «сувениры»...

– Ну-ка посмотри, это, скорее всего, гитлеровская! – восклицает Виктор Серафимов, один из солдат разведывательной операции, поднимая красивую золотистую зажигалку.

– Говорят, эта сволочь даже не курила, – недоверчиво возражает Лев Литвин, другой солдат. – Наверно, это Геббельса, или еще какого-нибудь фашиста.

– Неважно! В конце концов, она из фюрербункера! Буду рассказывать внукам, как мы дали под зад этим сучьим детям немцам и что Красная Армия – величайшая армия всех времен!

– Это верно, – кивает сослуживец.

– Фашисты наверняка сделали бы то же самое, если бы захватили Кремль: «А ну-ка гляньте, трубка Сталина! Заберу себе на память и буду рассказывать внукам, как мы покорили СССР!» Ха-ха-ха! Вот им! – говорит Виктор, показывая средний палец трупу офицера гестапо – бывшей грозной секретной полиции Гитлера.

Немного дальше солдаты натываются на огромный черный ящик. Сначала, в темноте, казалось, что это стена в комнате, как они полагали, Гитлера, на нижнем уровне бункера.

– А это что такое? – спрашивает Виктор, освещая ящик фонарем.

– Похоже на огромный металлический сейф. Как думаешь, что там внутри? – Лев осторожно приближается к предмету, опасаясь, что это ловушка.

– Возможно, это последнее сокровище Гитлера! Должно быть, там внутри, невероятная сумма в немецких марках, иначе для чего еще такой огромный сейф!

– Не мели чепуху! – возражает Лев.

– Почему? Ты не веришь, что Гитлер мог бы хранить здесь свои богатства? – смущается Виктор.

– Да верю, но только не в немецких марках, которые теперь ничего не стоят! – отвечает солдат с сарказмом. – Гитлер, наверное, хранил все в золоте, это намного более надежно!

– Тем лучше! – радуется Виктор, направляясь к сейфу. Однако, он защищен множеством замков с кодами, так что открыть его совсем непросто.

– Ты, наверное, с ума сошел, если вздумал сам вскрыть этот *Panzer*! – предупреждает Лев, сравнивая сейф с немецким танком. – Мы должны сообщить Воронину, чтобы он принял соответствующие меры.

– Ты прав... – признает Виктор. – Но хоть бы одним глазком взглянуть, что там внутри...

Солдаты возвращаются и встречают генерала Игоря Воронина, одного из офицеров разведывательной операции бункера.

– Товарищ генерал! Разрешите доложить! Найден неизвестный объект на нижнем уровне! – хором сообщают солдаты.

- Что за он? – спрашивает генерал, занятый осмотром бункера.
- Похоже на большой сейф, товарищ генерал! – говорит Виктор.
- Ммм... И вы, полагаю, не смогли его открыть.
- Так точно! Думаю, нам понадобится взрывчатка или паяльная лампа.
- Периметр чист?
- Так точно, все под контролем! – докладывает Лев.
- Понятно, – отвечает генерал. – Букейханов!

– Я! – отзывается Тимур Букейханов, специалист по бомбам, назначенный Ворониным для разведывательной операции в бункере, чтобы обезвреживать возможные взрывные устройства в помещениях.

– Спускаемся для изучения объекта, который нашли парни. Нам нужно твое оборудование, быстро, – приказывает генерал.

- Есть! – говорит солдат, готовясь к операции.

Все четверо спускаются на нижний уровень бункера, где находится сейф. Место мрачное, повсюду трупы бывших обитателей, которые покончили с собой или не успели убежать и погибли на месте при атаке красноармейцев. Повсюду разбросаны вещи, как свидетельство об отчаянии людей в ужасных условиях войны.

– Толщина 10 см, чистое железо. Трудно будет открыть, – заключает Тимур, осмотрев сейф.

- Может, код записан где-нибудь здесь? – спрашивает Воронин, светя вокруг фонарем.
- Сильно сомневаюсь. Наверное, только Гитлер знал комбинацию и забрал ее с собой в ад, – отвечает Тимур, зажигая сигарету.
- Верно. Какие у нас варианты? – спрашивает Воронин.
- Могу использовать взрывчатку на шарнирных петлях. С точной дозой, этого должно хватить, – отвечает специалист.
- Но взрыв не повредит содержимое? – уточняет Виктор.
- У нас нет особого выбора. Попробую прямо сейчас.

Тимур устанавливает небольшие взрывные заряды на дверных петлях огромного сейфа, поджигает их и машет, чтобы остальные отошли подальше. Раздается несильный взрыв, в темноте вспыхивает пламя и комната заполняется дымом. Спустя несколько мгновений, когда дым рассеивается, солдаты приближаются и пытаются открыть дверь, но напрасно.

– Похоже, будет труднее, чем мы думали, – говорит Лев, рассматривая огромную дверь, казавшуюся невредимой.

– В сейфе, наверное, есть внутренние замки. Даже когда мы взорвали шарниры и внешние замки, внутри осталось что-то, что мешает открыть дверь. Придется использовать паяльную лампу, – говорит Тимур.

Спустя около двух часов нелегкой работы с мощным паяльным пламенем, дверь наконец вырезана. Трое солдат вместе пытаются вытащить ее и, наконец, обнаружить таинственное содержимое сейфа. Напряжение ожидания усиливается. Воронин внимательно наблюдает за сценой, ожидая, когда им, наконец, удастся отодвинуть дверь и он сможет увидеть, что там внутри, но она, упрямая, никак не поддается.

– Черт побери! Неужели есть еще какой-то замок, который мешает двери открыться?! – возмущается Лев.

– Она десять сантиметров толщиной, тяжелая, невозможно ее так просто вынести, как фанеру, – объясняет Тимур, не теряя спокойствия.

- Дурацкая дверь! – кричит Виктор, разгоняется и в прыжке яростно ударяет сейф ногой.
- Ты чего?! – встревоженно кричит Тимур.

Русский падает, ударив дверь, которая, пошатнувшись, со скрипом начинает заваливаться в его сторону.

– Мама! – паникует солдат, в ужасе глядя на падающую дверь.

Лев молнией бросается к другу, выкатываясь вместе с ним из-под приближающейся двери, которая тут же обрушивается на пол разгневанной лавиной, создавая кратер и гроыхая так, что ее слышно даже за пределами фюрербункера, на поверхности.

– С ума сойти! Я чуть не умер! – восклицает Виктор, приходя в себя.

– И заслужил бы это! Не видишь, какую глупость натворил? – возмущается Лев вспыльчивостью сослуживца.

Оправившись от испуга, они замечают удивленные лица Тимура и генерала Воронина, которые, светя фонариками, заглядывают внутрь сейфа, теперь открытого. Они так увлечены – кажется, даже не заметили, что Виктор «чуть не умер». Солдаты мигмом поднимаются, чтобы посмотреть на содержимое таинственного сейфа, к которому прикованы взгляды их товарищей.

– А где золото? – спрашивает Виктор, разочарованный отсутствием яркого блеска, характерного для драгоценного металла.

– Какое еще золото? – удивляется Воронин, обращая внимание на солдата.

– Никакого! Он просто думал, что в сейфе было золото, бредни из его пустой головы! – отвечает Лев, который, также как и все остальные в помещении, ожидал увидеть сокровища.

– Ну, осталось посмотреть, что там внутри этих коробок, – говорит Тимур о шести здоровых металлических ящиках, занимающих сейф.

– Похоже на боеприпасы, – комментирует Лев. – Может, это какое-то секретное оружие?

– Вот сейчас и узнаем, – Воронин с трудом вытаскивает один из ящиков из сейфа, Лев помогает поставить его на упавшую дверь.

– По крайней мере, это уже не сейфы, на них обычные замки, – замечает Виктор.

Тимур ищет в своих инструментах гвоздодер, которым открывает первый ящик. Казахский великан наваливается всем телом, чтобы открыть тяжелый замок, и после долгих усилий это ему удается.

– Ох, – вздыхает Тимур. – Посмотрим, что же фюрер так хотел от нас скрыть.

Солдат поднимает крышку под напряженными взглядами товарищей, которые одновременно возбуждены в ожидании увидеть артефакт и опасаются за то, что может произойти, если это окажется оружием или каким-то предметом, несущим большую опасность. Тимур осторожно наконец-то обнажает таинственное содержимое ящика: металлический предмет, похоже, какое-то устройство непонятного назначения.

– Что это? – заинтересованно спрашивает Виктор.

– Понятия не имею! – восклицает Воронин. – Наверное, секретное оружие, которое спрятали фашисты.

– Интересно, в остальных ящиках такие же штуковины? – спрашивает Лев, глядя на другие пять коробок.

– Есть только один способ узнать, – говорит Тимур, притягивая к себе еще один ящик, и вооружившись гвоздодером, чтобы открыть замок.

Снова, после изначального усилия, солдату удается открыть коробку и извлечь еще один предмет, похожий на первый, но не такой же.

– Смотрите... Кажется, эти части можно соединить, – комментирует Лев, показывая на очертания предметов, которые, видимо, дополняют друг друга.

– Наверное, это разобранный на шесть частей оружие, – делает вывод Воронин.

– Давайте откроем остальные, – предлагает Тимур, возвращаясь к сейфу.

В оставшихся ящиках солдаты находят другие предметы – некоторые идентичные, другие нет – которые, похоже, складываются в одно целое. Наконец, в последнем, Тимур обнаруживает маленькую брошюру, написанную по-немецки, с иллюстрациями деталей и, очевидно, объяснениями о том, что с ними делать, то есть, инструкцию к данному устройству. А с ней –

карту севера СССР, с обведенным в круг центром архипелага Новая Земля, где подписано: «*Höchste Priorität: Arktikum*».

– Кто-нибудь здесь говорит по-немецки? – спрашивает Воронин, рассматривая инструкцию.

Солдаты переглядываются и качают головами, пока Виктор не решается произнести:

– Я думал, вы говорите, товарищ генерал.

– Ну... Я говорю то, что нужно! *Хэндэ хох, Гитлер канут*, и всех делов! – отвечает генерал. – В этой инструкции, очевидно, содержатся технические термины, гораздо более сложные. Мне немедленно необходим переводчик! – приказывает Воронин.

Выполняя распоряжение, ему приводят красноармейца, свободно владеющего немецким.

– Сержант Руслан Дубовой прибыл!

– Ты точно хорошо говоришь по-немецки? – спрашивает генерал, опасаясь, что переводчик владеет языком не лучше, чем он сам.

– Так точно, товарищ генерал! Всегда был лучшим в группе! – отвечает юноша.

– Отлично. А вы можете быть свободны, – обращается Воронин к остальным.

– Но, но... – бормочут Лев, Тимур и Виктор, удивленные таким приказом.

– Вон! – кричит генерал, указывая на выход из помещения. Солдаты удрученно удаляются, разочарованные внезапным изменением поведения генерала, который провожает их до двери, чтобы убедиться, что они не останутся там шпионить: «Чем меньше людей знают об этой находке, что бы там ни было, тем лучше!» – думает Воронин, отдавая инструкции Дубовому.

– Скажи мне, что здесь написано?

Солдат смотрит на брошюру и не может скрыть испуг.

– Ну, говори! Что это за устройства? – нетерпеливо спрашивает Воронин.

– Ну... – начинает парень, очевидно, пораженный содержанием. – Согласно этой инструкции...

– Ну? Давай, не заикайся! – нервничает генерал.

– Мне нужно больше времени, чтобы перевести.

– Да это я знаю, перевести ты можешь потом! Сейчас я хочу, чтобы ты мне сказал, о чем там речь! – теряет терпение генерал.

– Вы уверены, что это надежный источник? – дрожа, уточняет Руслан.

– Да что там, в этой чертовой инструкции, отвечай! – срывается на крик Воронин, направляя пистолет солдату в лоб.

– Машина времени, товарищ генерал! – отвечает солдат, покрываясь холодным потом.

Генерал будто поражен громом, не зная, как реагировать на услышанное.

– Машина... времени? – переспрашивает Воронин, на этот раз заикается уже он.

– Так точно! Если это не шутка, здесь написано, что данное устройство – машина времени.

– Машина, на которой можно отправляться в будущее и в прошлое? – спрашивает генерал, все еще пытаясь понять, что это за объект.

– Так точно! Для более детальной информации, мне нужно сделать перевод инструкции, если позволите.

Воронин задумывается на некоторое время и кивает головой.

– Хорошо, сержант Дубовой. Переводи инструкцию, но учти, ты не выйдешь отсюда, пока все мне не расскажешь, – предупреждает генерал.

– Но, товарищ генерал, я нужен там, на поверхности... И еще мне понадобится словарь, бумага и ручка, чтобы писать! – умоляет солдат.

– Это не проблема. Ты будешь мне объяснять, и мы посмотрим на практике, как работает машина! – отвечает Воронин.

– Так точно... – неуверенно отвечает Руслан.

Солдат устно переводит инструкцию генералу, который собирает машину согласно указаниям, и, наконец, поднимает части металлической структуры, похожей на портал, около двух метров в высоту и в ширину, с возможностью изменения размера с помощью двух выдвижных стержней, расположенных на пьедестале. Очевидно, путешественник во времени должен проходить через них, чтобы попасть в будущее или в прошлое, выбирая эпоху на маленькой клавиатуре на одном из стержней. Однако, сколько генерал не пытается запустить машину, она не работает.

– Чего тут не хватает? – нетерпеливо спрашивает Воронин.

– Я не знаю, товарищ генерал! Я уже сказал все, что нужно было, чтобы собрать аппарат.

– Лучше бы тебе поскорее догадаться, почему машина не работает, если ты не хочешь спросить лично у Гитлера! – угрожает генерал, направляя оружие на солдата, который нервно ищет подсказку на страницах инструкции.

– Насколько я понимаю, этой машине нужен компонент, который называется «арктикум». Наверное, это какое-то топливо.

– А где его найти-то? Оно должно быть где-то здесь! – допрашивает генерал.

– Клянусь, здесь не написано, где найти этот арктикум! – восклицает испуганный солдат, листая брошюру дрожащими от страха руками. – Но полагаю, что если это такое важное устройство, то вряд ли топливо окажется в доступной близости.

– Для такого умника, с кучей предположений и гипотез, не должно быть трудно найти ответы в этой книге! – Воронин снова угрожает солдату пистолетом.

– Я уже все прочитал, нет никакой информации о расположении... Погодите! Кажется, я понял!

Солдат ищет карту в приложении к инструкции, где отмечен архипелаг Новая Земля.

– Вот, товарищ генерал. Топливо здесь! – говорит юноша, показывая на карте.

– Но это же СССР! Ты что, хочешь сказать, что топливо для этой машины, которую мы нашли в Берлине, находится на севере Советского Союза? – недоверчиво спрашивает Воронин.

– Это единственная информация о расположении топлива. Тут написано: «Максимальный приоритет: Арктикум» – возле этого кружка. В инструкции упоминается только, что арктикум – это минерал, добываемый из руды. Возможно, он есть только на Новой Земле, и фашисты планировали захватить архипелаг, чтобы воспользоваться его шахтами.

– Это имеет смысл... – произносит генерал, пораженный такой гипотезой.

Если это правда, значит, фашисты затеяли огромную войну, чтобы захватить Советский Союз, не из-за плодородных полей Украины или нефтяных скважин Азербайджана, не из-за бассейна Волги, величайшей европейской реки, не из-за бескрайних сибирских лесов или огромных трудовых ресурсов – миллионов советских граждан, которых они собирались поработить, а из-за какого-то ледяного острова, затерянного в Арктике. У Воронина эта мысль вызывает смех. Однако, если информация верна, то загадочный минерал намного ценнее любого территориального или политического богатства. С машиной времени Гитлер мог не только покорить мир, но и перестроить его по своему усмотрению.

– Признаюсь, я удивлен твоей силой рассуждения и переводческими способностями. Ты талантливый парень! Теперь можешь идти, дальше я этим займусь, – говорит Воронин.

– Есть! – отвечает Дубовой, отдавая честь и направляясь к выходу.

– Ах, еще один момент, сержант.

– Да? – откликается юноша.

– Ты обещаешь никому не рассказывать? – спрашивает Воронин.

– Так точно! – отвечает Дубовой.

Они кивают друг другу, солдат поворачивается к выходу, и, сразу же настигнутый пулей в спину, падает на пол.

– Я тоже, – произносит генерал, пряча пистолет.

Воронин знает, что с таким открытием чем больше секретности, тем лучше. Он сам хочет воспользоваться машиной для своих целей, но без арктикума может только отвезти устройство в Москву, где его детально изучат и отправят в Арктику экспедицию за топливом, которое, судя по всему, необходимо будет переработать в лаборатории. Осталось воспользоваться знаниями из инструкции, которую перевел Руслан, чтобы добиться доступа к машине, как только она будет в рабочем состоянии.

В это время Лев, Виктор и Тимур снаружи обсуждают, что это за странное открытие и как генерал внезапно изменил свое поведение:

– Он это сделал, чтобы мы не узнали, что это за штуковина, – предполагает Тимур.

– Ясное дело! Но что это может быть? – задается вопросом Виктор.

– Наверное, секретное оружие, которое Гитлер подготовил, но в итоге не использовал на войне, – подозревает Лев.

– Если так, то почему он им не воспользовался, чтобы защитить самого себя? – недоверчиво спрашивает Виктор.

– Может, оружие еще не полностью готово, – отвечает Тимур.

– Спросим Руслана, как только он выйдет! – предлагает Виктор.

– Парни! – кричит Воронин, выглядывая из помещения, где находится машина.

– Да, товарищ генерал! – солдаты прибегают на его зов, в нетерпении утолить свое любопытство. Но там они видят совсем не то, что ожидали. Ящики закрыты и составлены в ряд, а тело Дубового, недвижимое, лежит в луже крови.

– Отнести коробки вверх! – приказывает Воронин.

– А что случилось с Дубовым? – испуганно спрашивает Виктор.

– Он застрелился, признавшись, что его немецкий недостатокно хорош. Он почти ничего не смог перевести, так что это устройство я отвезу в Москву, где лучше разберутся, что с ним делать, – спокойно объясняет генерал, делая вид, что не произошло ничего особенного.

– Выстрелом в спину? – спрашивает Виктор, пораженный, как и его сослуживцы.

– Почему нет? Каждый застреливается, как ему угодно! Мы для этого и победили фашистов, чтобы иметь свободу выбора! – возражает Воронин.

– Простите, товарищ генерал. Я просто никогда раньше не видел, чтобы кто-нибудь застрелился таким образом... – продолжает Виктор, пытаясь исправить ситуацию и понимая, что случилось на самом деле.

– Будешь много болтать, и я тебе покажу, как самоубиваются выстрелом в спину! – угрожает Воронин. – Теперь вы двое, выносите коробки к выходу! А ты, Литвин, иди узнай, когда отправляется следующий рейс на Москву!

– Так точно! – подчиняется Лев, отправляясь к лестнице.

Группа быстро выносит коробки к выходу из бункера, где их погружают на военный автомобиль, наполненный другими военными трофеями.

– Черт! – возмущается Виктор, ударяя кулаком в стену. – Не могу поверить, что Руслан погиб из-за нас! Как я об этом раньше не подумал? Было же очевидно, что генерал его убьет, чтобы он никому не рассказал! А мы так и не знаем, что в этих ящиках!

– Спокойно, Виктор! – говорит Лев. – У нас не было другого выбора. Что мы могли сделать? Кроме того, нельзя было предсказать действия генерала!

– Какие еще действия, парни? – спрашивает Воронин, неожиданно для солдат выходя из бункера.

– Ничего особенного, генерал! – испуганно отвечает Лев.

– Мы обсуждали военные стратегии, товарищ генерал, очень трудно предсказать действия генерала вражеской армии, – добавляет Виктор, которому хорошо удается импровизация.

– Я уже заметил, что вам нравятся стратегии... – язвительно замечает Воронин. – Но ваша задача – выполнять мои приказы, понятно?!

– Так точно! – хором отвечают солдаты, отдавая честь.

В этот момент из глубины бункера раздается выстрел. Солдаты пугаются и оглядываются на генерала, который почти сразу падает. За ним по лестнице ползет окровавленный Дубовой с пистолетом в руке.

– В следующий раз... целься... в голову! – произносит смертельно раненный солдат на последнем издыхании.

– Руслан! – кричит Виктор, подбегая к уже недвижимому телу сослуживца.

На звук выстрела прибегают другие солдаты.

– Что случилось? Фашиста нашли? – спрашивает один из них.

– Можно сказать и так! – замечает Лев. – Похоже, генерал Воронин был фашистским шпионом, он пытался убить сержанта Дубового, после того как тот раскрыл его, и в итоге они перестреляли друг друга на наших глазах. Это произошло очень быстро, мы даже не успели ничего предпринять!

– Именно, – добавляет Виктор. – Руслан героически погиб в схватке с этим самозванцем!

– Я так и подумал! Шрам, конечно, не подарок, и внушал подозрения. Но как вы узнали? – спрашивает один из солдат, называя Воронина прозвищем, данным ему из-за шрама на лице, вероятно, от задевшей щеку пули.

– Руслан говорил нам раньше, что не доверяет генералу, еще во время битвы за Рейхс-канцелярию, когда ему казалось, будто Воронин нарочно промахивался, стреляя в фашистских солдат. Похоже, он узнал о чем-то, что не должен был, и генерал решил его убить, но мы увидели это только сейчас, как и вы, – продолжает Тимур, добавляя свой свидетельский рассказ.

– Ну, это нужно будет детально расследовать, – говорит один из солдат, отправляясь вместе с другими доложить начальству.

Увидев, что военные удаляются, Тимур приближается к телу генерала и обыскивает труп.

– Что ты делаешь? – спрашивает Виктор.

– Ищу инструкцию, она должна быть где-то здесь! – отвечает солдат. – Нашел! – триумфально восклицает он, доставая карту и брошюру из кармана кителя генерала.

– А теперь, что будем делать? – спрашивает Лев.

– Не знаю, как вы, а я поеду сопровождать ящики! Не хочу стать жертвой начальства, если оно засомневается в правдивости нашей версии! – говорит Тимур, пряча инструкцию и направляясь к грузовику, который уже собирался отъезжать.

– И правда! Пойдемте, быстро! – говорит Лев, идя впереди сослуживцев. Именно он договорился с водителем, поэтому белорус надеется, что их пустят даже в отсутствие командира.

Солдаты приближаются к трем военным грузовикам, отправляющимся на Москву, в один из которых уже погружены ящики.

– Здравия желаю! Генерал Воронин плохо себя чувствует и отправил нас ехать без него. Нужно отвезти груз начальству в Москве! – объясняет Лев, стараясь держаться как можно более естественно и уверенно.

– Да мне какая разница! Вообще, уже пора, а то скоро стемнеет! – отвечает водитель, заводит машину и сигналист, чтобы остальные грузовики ехали за ним.

Дороги, как и все остальное в Берлине, разрушены войной. Вечером из-за плохой видимости проехать почти невозможно. Поэтому машины едут к взлетно-посадочной полосе в пригороде Берлина, откуда отправят груз на самолете, их уже ждут. Дорога нелегкая, и грузовики добираются до авиабазы только через три часа. Солдаты почти не разговаривают, чтобы не провоцировать лишних вопросов.

– Приехали, мужики! – объявляет водитель, военный лет двадцати пяти.

Солдаты спускают груз и его относят к самолету. Им казалось, что содержимое шести ящиков было распределено таким образом, чтобы вес был равным и шесть человек могли бы нести их.

– Готово? – спрашивает один из военных авиабазы, убеждаясь, что весь груз уже на борту.

– Так точно! – подтверждают солдаты.

Самолет готовится к взлету. Через несколько часов солдаты должны приземлиться в Москве, где еще неизвестно, что их ждет.

– С ума сойти! Когда я проснулся этим утром, ни за что бы ни подумал, что вечером полечу в Москву, – восхищается Виктор.

– И правда. Хотя это было несложно. Сейчас столько грузов отправляют в Москву ежедневно, что даже трудно контролировать поток, – комментирует Лев.

– Здорово, что нам удалось избежать серьезной проблемы в Берлине, где нас могли обвинить в смерти Воронина и Дубового... – замечает Тимур. – Но что меня беспокоит, это как нас примут в Москве. Мы даже не знаем, что везем. К тому же нас могут встретить, как предателей, сбжавших с задания!

– Ну, надо что-нибудь придумать, – говорит Лев. – Вы видели это устройство, изучить его не так просто. Полагаю, что Воронин собирался отправить его для этого в какую-нибудь лабораторию.

– Я слышал, что в Троицком, под Москвой, есть секретные лаборатории. Может, там разберутся, – предлагает Виктор, пытаясь придумать выход.

– Ладно, ребята. Смотрите: приедем в Москву и сообщим местному начальству, что нас отправил генерал Воронин отвезти этот груз, приказав сопровождать до Троицкого, где его будут изучать. Тимур, спрячь инструкцию, пока мы не будем уверены, что ситуация стабильная. Это наш единственный козырь, – серьезно говорит Лев.

– Так точно! – иронизирует казах.

– Нам надо действовать сообща, если хотим спастись. Хорошо бы перевести эту инструкцию как можно скорее. Словарь бы нам не помешал, – заключает Лев, стараясь не звучать надменным, а помочь ситуации.

– Он прав, – соглашается Виктор. – Пожалуй, если действовать так, то проблем не должно возникнуть.

– Парни, мы победили фашистов, самое тяжелое позади! – оптимистично добавляет Тимур. – Нас встретят как героев!

Лев и Виктор кивают головами, улыбаясь.

– Да, думаю, нам не стоит так бояться. Мы же возвращаемся на родину, в конце концов! Мы герои! – ободряет себя и сослуживцев Виктор.

Глава 2. Паника на Октябрьском поле

В 4:45 утра 4 мая 1945 года самолет приземляется на Октябрьское поле в окрестностях Москвы. На авиабазе военные принимают грузы в режиме строгой секретности и распределяют их в соответствии с пунктами назначения. Самолеты везут самые разнообразные объекты: шедевры искусства, оружие, секретные документы, военнопленных, особенно ученых и высокопоставленных военных, от которых СМЕРШ может получить важную информацию, и так далее.

– Ну, мужики, положитесь на меня, пойду разберусь с ребятами внизу, – уверенно говорит Виктор.

Задняя рампа грузового самолета с солдатами опускается, и они выходят, вынося ящики. На полосе самолет принимает группа военных. Когда весь груз на земле, подходит офицер, чтобы зарегистрировать его.

– А вы кто такие? – сурово спрашивает офицер – рыжая девушка невероятной красоты.

Виктор, который до сих пор был уверен, что все под контролем, зная точно, что говорить в такой ситуации, теряется и не находит слов перед этой женщиной. Несмотря на слабый свет холодного утра, огней самолета и полосы, освещающих ее фигуру, достаточно, чтобы восхищаться красотой и гармоничными линиями офицера. Ее голос звучит, как ангельская симфония, а тело – воплощение шедевров Ренессанса, идеала красоты, перед которым ничего больше не имеет значения.

– Мы... Вы... Герои... Э-э-э... – бормочет солдат, непонятно жестикулируя.

Лев и Тимур тоже впечатлены красотой офицера, тем более после стольких месяцев войны, проведенных в основном в мужском обществе.

– Ну! Будете отвечать или бормотать? – возмущается девушка.

Пронзительный голос офицера пробуждает солдат от оцепенения, хотя они продолжают восхищаться ее красивым лицом, даже выражающим злость.

– Извините, товарищ...? – спрашивает Тимур, пытаясь быть вежливым и узнать, как зовут офицера.

– Вы что, оглохли?! – кричит девушка, доставая пистолет. – Кто вы такие?!

Испуганные агрессивным поведением офицера, солдаты понимают, что она не шутит и сейчас нужно действовать соответственно.

– Спокойно, мы можем все объяснить! Мы прибыли из Берлина, чтобы доставить этот груз в Троицкий по приказу генерала Игоря Прокофьевича Воронина, – отвечает Виктор за троих.

– Генерала Воронина, который погиб вчера в фюрербункере? – с еще большим подозрением спрашивает офицер.

– Погиб? Что, правда? – удивляется русский, стараясь быть убедительным.

– А вы, видимо, те трое, замешанные в его гибели! – восклицает девушка, как будто все знает.

– Мы не знаем о никакой гибели, а уж тем более в ней не замешаны! – отвечает Лев, который до этого молчал.

– Отведите их под стражу, – приказывает офицер сопровождавшим ее военным.

– Стойте! Это, должно быть, какая-то ошибка! – восклицает Виктор, пока солдаты с винтовками окружают их. – Мы не враги! Мы воевали против фашистов, мы взяли Берлин, мы заслуживаем медалей, а не пуль!

– Ах, вы думаете, что лучше других, только потому что дрались против фашистов, когда они уже проигрывали? – возражает один из солдат. – Так знай, что это мы остановили их здесь, когда они побеждали! Это мы помешали им захватить Москву! – заявляет он, упоминая крова-

вое сражение между советскими войсками и фашистами в окрестностях столицы, еще во время операции «Барбаросса» в 1941 году.

– Я совсем не это имел в виду... – оправдывается Виктор.

– Они были связаны с предполагаемым фашистским шпионом, внедренным в наши войска в Берлине, и имеют отношение к его гибели и смерти еще одного солдата при загадочных обстоятельствах. А теперь прилетают сюда без какого-либо предупреждения, направляясь с этим неизвестным грузом в Троицкий! Только шпионам может быть известно о секретных лабораториях! – заявляет девушка, направляя оружие на солдат. – Арестуйте этих бандитов! – приказывает она. – Отведите их в штаб СМЕРШ!

– Так точно! – отвечают подчиненные офицеру.

– Разрешите объяснить! Вы неправильно поняли! – отчаянно кричит Лев.

Охрана игнорирует мольбы парней, надевает на них наручники и провожает в автомобиль. Ящики с аппаратом относят в другую машину не церемонясь. Девушка наблюдает за сценой, будто ей приятно видеть отчаяние солдат.

Молодые люди очень хорошо представляют, что их ожидает. Официально, СМЕРШ расшифровывается как Специальные Методы Разоблачения Шпионов, но известен он по другой аббревиатуре: СМЕРТЬ Шпионам. Созданное Сталиным, управление контрразведки состоит из отделений с разнообразными задачами, такими, как контртерроризм, поиск предателей и дезертиров Красной Армии, допросы военнопленных, защита информации и конфиденциальных данных, помимо прочего. Солдат наверняка осудят по всем этим и другим статьям, о существовании которых они даже не предполагают. Агенты СМЕРШ будут пытаться их, пока те не расскажут все, что произошло в фюрербункере, а потом будут безжалостно убиты.

Лев, Виктор и Тимур оглядываются по сторонам, замечая довольный взгляд офицера, отправившей их на верную смерть, и охрану, которой безразлично, что произойдет с арестованными. Поразмыслив, Лев решает действовать. Их сопровождают шестеро: двое впереди, четверо сзади. Он смотрит на Виктора, который замечает характерный взгляд друга, когда тот замышляет что-то грандиозное.

– Покурить есть? – обращается белорус к конвойным. – Seriously, мужики, это наверняка будет последняя сигарета в моей жизни!

– И мне бы! – подыгрывает Виктор. – Я даже не против разделить сигарету с этим придурком! Хоть бы разок затянуться, мужики!

Охранники смотрят на них с презрением. Тимур, не понимая плана сослуживцев, замечает связку ключей одного из охранников, в которой наверняка есть и ключи от наручников.

– Заткнулись, идиоты! – возмущается конвойный, как раз тот, с ключами, замахиваясь кулаком Льву в лицо, но тот уклоняется, и охранник падает, потеряв равновесие.

Сослуживцы упавшего конвойного подбегают помочь ему и наказать арестантов. Виктор пинает одного из охранников в пах, тот падает, завывая от боли, в то время как Лев разбивает другому нос сильным ударом головой. Пока военные сцепились в драке, Тимур прыгает на упавшего охранника, ломая ему несколько ребер и отстегивая ключи от его ремня. Освободившись, казахский великан бросает ключи Виктору, который пытается открыть наручники, продолжая бороться и уклоняться от ударов врага. Виктор, которому никак не удается освободиться, бьет нападающего скованными руками, как мощным молотом, в висок, и тот теряет сознание.

В это время другие охранники базы уже заметили потасовку и бегут на подмогу. Лев и Виктор, которым уже становится трудно сражаться каждому с одним конвойным, даже подумывают сдаться, увидев десяток приближающихся военных. К их счастью, охранники не стреляют, опасаясь ранить своих. Однако, даже так, двенадцать против двоих в наручниках – это слишком. В момент, когда охранники объединяются, чтобы напасть на арестантов, атакующих

сбивает большая военная машина. Это Тимур, который, захватив ключи, завел автомобиль и приехал на помощь товарищам.

– Давайте сюда! Быстрой!

Те послушно запрыгивают в машину, и он спешно отъезжает. Издалека, загадочная рыжая офицер поражено наблюдает, как резко изменили ситуацию трое солдат, в наручниках и без оружия нокаутировав 15 охранников и угнав военную машину.

– Понятно, как они фашистов победили, – говорит офицеру удивленный охранник.

– Далеко они не уйдут! – кричит рыжая, достав пистолет и стреляя по автомобилю. – Давайте, идиоты! Стреляйте! – приказывает она военным.

– Надо что-то делать! – говорит Виктор, освобождаясь от наручников.

– Черт! В машине нет никакого оружия, не отстреляться! – говорит Лев, после быстрых поисков.

– Ребята, кажется, они попали в мотор! – говорит Тимур, заметив черный дым из выхлопной трубы.

Военные, в том числе и офицер, безжалостно палят по машине, которая внезапно разворачивается и мчится на них.

– Они с ума сошли! – кричит один из охранников. – Они хотят нас раздавить! Бежим! – пугаются солдаты, прекращая стрельбу.

Машина подъезжает на полной скорости, ее двери открываются, и оттуда выпрыгивают трое солдат, которые жестко ударяются о землю и быстро катятся назад, пока автомобиль, уже без водителя, несется в сторону стрелков, где осталась только офицер, которая стреляет до последнего момента, когда охранник бросается к ней, отталкивая в сторону и спасая от столкновения с машиной.

– Отпусти меня, придурок! – рыжая кричит, как одержимая, солдату, только что спасшему ее жизнь.

Офицер резко поднимается и бежит в сторону солдат, с пистолетом в руке, когда с ее головы падает фуражка, и длинные огненные волосы развеваются на ветру, обрамляя ее лицо – столь же красивое, сколь и злое.

– Сдавайтесь, мерзавцы! – приказывает рыжая солдатам, которые оправляются от падения, дезориентированные и израненные. Тимур, Лев и Виктор с усилием поднимают руки вверх, а рыжая теперь триумфально улыбается. Внезапно раздается мощный взрыв и поднимается огромный огненный столб, уничтожая большую часть авиабазы. Это был автомобиль, который продолжал нестись к запасам топлива, пока не наехал на склад с десятками контейнеров бензина и дизеля.

Офицера взрыв за спиной застает врасплох. Она оборачивается и смотрит на гигантское пламя, которое на несколько мгновений ослепительно освещает базу. Как только она снова поворачивается к тройке, Виктор молниеносно вырывает ее оружие и крепко обхватывает женщину.

– Пусти меня, подлец! – кричит рыжая, отбрыкиваясь, как сумасшедшая. – Я тебя убью! Я убью твоих друзей! Подождите, вот приедет мое начальство и...

Не зная, как успокоить женщину, которая привлекала слишком много внимания своими истерическими воплями, Виктор крепко целует ее в малиновые губы. Как будто под транквилизатором, рыжая постепенно перестает сопротивляться, пока их лица медленно отдаляются и они смотрят друг на друга, освещаемые пламенем продолжающихся взрывов.

– Стоять! Всем стоять! – кричат охранники, которые, оправившись от взрыва, подбегают к ним.

Рыжая, как будто пробудившись ото сна, ударяет Виктора в пах, и он падает, корчась от боли. Военные с обеих сторон не могут сдержать громкое «ух!» и морщатся, представляя боль от удара.

– Этот маньяк на меня напал! – кричит рыжая, поправляя одежду. – Арестовать его!

После жесткого падения из машины на ходу, а еще и после подлого удара коленом, в случае Виктора, в окружении вооруженной охраны, не имея возможности сбежать, у ослабленных солдат не остается другого выхода, кроме как сдаться. Их сопровождают, в этот раз приставив к спинам стволы винтовок, охранники, разозленные настолько же, насколько напуганные разрушительной силой этих бойцов.

По авиабазе как будто прошелся ураган: она практически разрушена, там и тут полыхают пожары, которые трудно потушить. Десятки раненых на последнем издыхании ожидают медицинской помощи, а самолеты изменяют траектории, совершая аварийные посадки на других базах в радиусе до 20 км, не имея возможности приземлиться здесь.

Рыжая офицер смотрит на троицу, задерживая взгляд на Викторе. Тот оглядывается на рыжую, которая тут же отворачивается, краснея. Солдат улыбается, замедляя шаг, и охранник толкает его винтовкой вперед. Офицер вспоминает о ящиках, которые солдаты оставили на полосе, и идет посмотреть, что в них. Она осторожно открывает первый и находит одну из частей странного аппарата. Разобрав остальные, замечает, что содержимое – это части одного набора из трех пар деталей, но все еще не понимает их назначения.

– Лидия! Ты в порядке? – спрашивает ее коллега Антанас.

– Нормально, – сухо отвечает рыжая, сконцентрированная на таинственном аппарате.

– А что это? – интересуется мужчина.

– Не знаю, но планирую выяснить очень скоро! – уверенно отвечает Лидия.

– Гениальная идея – направить машину на бочки с топливом, Тим! Это был потрясающий взрыв! – улыбается Лев.

– Да ладно! Это твоя идея попросить закурить, с которой все началось – вот это гениально! Если бы ситуация не была такой серьезной, я бы умер от смеха прямо там! – отвечает Тимур.

Пока Тимур и Лев весело беседуют о своих подвигах во время неудачного, но фантастического побега с Октябрьской авиабазы, Виктор может думать только о рыжей незнакомке, которую он целовал посреди борьбы и взрывов. Солдаты находятся в следственном изоляторе в окрестностях Москвы, ожидая наказания за устроенную ими катастрофу.

– Все еще думаешь об ударе рыжей колдуньи, Виктор? – спрашивает Лев, издевательски имитируя момент, когда офицер ударила его друга, и тот согнулся от боли.

Солдат не отвечает, лежа в углу и глядя в потолок.

– Оставь его в покое, Лев. У моего народа есть поговорка: «Поцелуй любимой важнее, чем удар по яйцам».

– Правда?! У вас есть такая поговорка? – поражается Лев мудрости казахского народа.

– Нет... Я только что придумал, ха-ха-ха! – смеется Тимур.

– Не понимаю, как можно шутить в такой ситуации, – бормочет Виктор. – Мы в заключении, ждем, когда будем казнены этими здоровяками, и пока даже не знаем, куда пропал аппарат, который мы привезли. А еще у нас больше нет инструкции! Ее изъяли при обыске, когда нас сюда привели. Мы потеряли единственный козырь! – грустно восклицает солдат.

– Ты прав, Виктор... – отвечают его товарищи, погрустнев, как дети, которые только что узнали, что перемены между уроками не будет.

– Кроме того, после бардака, который мы устроили на авиабазе, я даже удивлен, что нам еще не поотрывали головы, – озабоченно продолжает Виктор, хотя на самом деле больше всего он переживает, что никогда не увидит ту девушку снова.

В этот момент в камеру входит сержант в сопровождении нескольких солдат, раненных в стычке на авиабазе, вооруженных винтовками и с довольными улыбками на лицах.

– Ну что, ветераны, пора заплатить за то, что вы натворили! – угрожает один из солдат.

– Заткнись! Я не давал тебе разрешения говорить, ефрейтор Иванов! – кричит сержант. Военный замолкает, опозоренный перед заключенными, которые не могут сдержать смех.

– Радуйтесь, солдаты! – обращается к ним сержант.

– Что такое? Вы нас отпустите? – оживляется Виктор.

– Вроде того... Вас отпустят из этой жизни! – отвечает военный, открывая камеру. Заключенные нервно переглядываются.

– А почему мы должны радоваться своей казни? – спрашивает Тимур.

– Потому что по крайней мере вы удостоитесь чести быть похороненными на своей родине, зная, что победили в войне! – отвечает сержант так естественно, что солдаты сомневаются, есть ли в этой речи хоть толика сарказма.

Заключенных сопровождают к стене расстрела, пока они думают о словах сержанта. Для советского солдата умереть на родной земле, победив в мировой войне, на самом деле большая честь, но и большая ирония. Лев, Виктор и Тимур героически воевали еще в операции «Барбаросса», когда фашисты напали на СССР, до самой победы над Третьим Рейхом.

Солдаты идут навстречу смерти с высоко поднятыми головами, уверенные, что они сделали все, что считали правильным, даже если, к их сожалению, столько людей пострадало из-за этого. Жаль, конечно, умирать, так и не узнав, что это за таинственный аппарат, открытие которого привело их к теперешнему положению. У стены, под дулом направленных на них винтовок, сослуживцы переглядываются и легко одобрительно кивают головами друг другу, в знак взаимного признания.

Внезапно, когда охранники уже держат пальцы на спусковом крючке, ожидая только приказа сержанта, появляется другой военный со срочным сообщением. Сержант читает его и удивленно смотрит на заключенных.

– Ну, ребята, похоже, сегодня ваша смерть взяла отпуск, – констатирует сержант.

– А что случилось? – спрашивают парни.

– Невероятно, как быстро распространяются новости. Похоже, Сталин узнал о ваших приключениях и – внимание! – хочет с вами встретиться! Вы только что стали особо важными персонами! – отвечает сержант.

Солдаты не показывают никакой реакции, опасаясь, что сержант все это придумал, чтобы расстрелять их без предупреждения.

– Что такое, мужики? Вы разве не слышите? – спрашивает сержант. – Вперед, вас ждут в Кремле!

Как будто погоняя их, сержант отталкивает солдат от стены и жестом отпускает стрелков, раздосадованных, что не смогут убить своих врагов, которые к тому же стали известными даже в Кремле, после устроенных ими разрушений.

Солдат, все еще не верящих в происходящее, сопровождают к машине. Из окна автомобиля они смотрят на советскую столицу, ее широкие проспекты и внушительные здания. Виктор, выросший в Москве, решает прервать тишину путешествия:

– Кажется, город приветствует своих защитников! Смотрите, ребята, какая наша столица красивая и невредимая, по сравнению с разрушенным Берлином.

Лев кивает головой и грустно смотрит вдаль. Его родной город Минск практически сметен с лица Земли за время войны.

Замечая, что некрасиво поступил, Виктор пытается поднять настроение друга:

– Не грусти, Лев, скоро и твой город поднимется из руин, более великолепный, чем когда-либо!

– Если бы Сталин имел хоть капельку благоразумия, он бы подготовил войска к войне еще когда фашисты напали на Польшу, – грустно комментирует белорус. – На нас напали внезапно, на неготовых, из-за неорганизованности действий Кремля. У меня такое чувство, что именно этого они и хотели – сделать нас пушечным мясом, чтобы удовлетворить свои националист-

ские желания, издеваясь над населением, как во время украинского большого голода. Теперь, когда значительная часть народа погибла, правительство собирается перестроить города и заселить русскими, чтобы колонизировать белорусские земли и русифицировать нас еще больше, чем прежде. И мы заплатили нашей кровью и жизнями, чтобы защитить москвичей, которые столько зла нам приносили на протяжении веков...

– Зла? Да если бы вы даже были независимым государством, история была бы абсолютно такой же, если не хуже, как в случае с Польшей, которая моментально сдалась фашистам, и только Красная Армия смогла ее освободить. Победа принадлежит советским людям, вне зависимости от происхождения! Вот здесь и Тимур, который воевал, чтобы выгнать фашистов из нашей страны, а ведь его республику война не затронула.

– Ну, ребята, во время операции «Барбаросса» я служил в Ленинграде. Но, на самом деле, эту войну мы бы не выиграли без мобилизации всего советского народа. Казахскую ССР война не затронула напрямую, но наши поля и заводы производили многое необходимое Красной Армии во время войны, и тысячи солдат сражались на фронтах.

– Это все в прошлом, – вздыхает Лев. – Нельзя вернуться в прошлое и переписать историю, но можно научиться на ошибках и изменить будущее.

Солдаты замолкают и в тишине смотрят на пейзаж за окном.

Наконец, спустя около часа, они входят в Кремль, где их обыскивают и провожают в секретную лабораторию в подвале крепости. Там они встречаются нескольких стариков в белом пальто, очевидно, ученых, и рыжего офицера с судьбоносного инцидента на Октябрьской авиабазе. Все они расположились вокруг странного металлического аппарата, похожего на портал. Это машина, привезенная солдатами, но на этот раз собранная по инструкции, которая оказалась у военной. Глядя на девушку, Виктор чувствует, как его сердце бьется сильнее, но она игнорирует его, делая серьезное лицо.

– Вот они, доктор Валк, – говорит один из охранников, показывая на солдат.

– Добро пожаловать, парни, – приветствует их старик в белом пальто и толстых очках. – Присаживайтесь, пожалуйста.

– Нам и стоя хорошо, – недоверчиво отвечает Лев.

– Как хотите. Охрана может быть свободна, прошу, – говорит Валк.

Как только те уходят, доктор приветливо представляет себя и остальных присутствующих:

– Я доктор Эндель Валк, а это мои коллеги Всеволод Хмельницкий, Алмаст Нохчий и Камал Самани, а еще с нами прекрасная спецагент Лидия Кайсина, которой вы должны быть благодарны за спасение ваших жизней, – говорит улыбчивый доктор с эстонским акцентом.

– Как так? Это же она нас отравила на расстрел! – возмущается Тимур.

– Что ж, ребята, видимо, груз, который вы сопровождали, изменил ее решение. Если бы она не действовала оперативно, сообщив о происшедшем в Кремль, возможно, вас уже бы и расстреляли, – отвечает доктор.

– Хватит бесполезных объяснений! – раздражается офицер, – Будь моя воля, вы бы уже горели в аду, но, узнав об инциденте на Октябрьском поле, вместо того, чтобы разозлиться, товарищ Сталин рассмеялся и решил, что было бы «неразумно убить трех талантливых солдат, которые без оружия и в наручниках смогли разгромить целую советскую авиабазу и настучать по голове охранникам», – рыжая, очевидно возмущенная, цитирует Сталина, преувеличивая грузинский акцент советского вождя.

Солдаты стараются, но не могут сдержать смех в такой ситуации.

– Кроме того, – продолжает рыжая, – ему очень интересно узнать, где вы нашли этот артефакт.

– Да, товарищи солдаты, – перебивает доктор Нохчий. – Нам нужна вся возможная информация об этом фантастическом аппарате. Где вы его нашли? Кто его создал? Вы им уже воспользовались?

Солдаты переглядываются. Виктор, как обычно, решает взять на себя роль представителя группы:

– Мы нашли его в бункере Гитлера, в Берлине. Мы не знаем ни кто его создал, ни что это такое. Знаем только, что это, должно быть, нечто важное, его хранили в огромном сейфе в комнате самого фюрера.

– И не было никого, кто мог бы сообщить о свойствах аппарата? – спрашивает Хмельницкий.

– Живых – никого, – отвечает Виктор. – Вы наверное, представляете, насколько кровавой была битва за Берлин. Те немногие, что остались в бункере, либо покончили с собой, либо погибли, когда наши войска вошли в периметр.

– А вокруг? Не поймали никакого ученого? Это наверняка работа очень талантливых ученых, – продолжает доктор.

– Нет, насколько мне известно, никаких ученых не было замечено в окрестностях бункера, – отвечает Виктор.

– Пойдите! Я думаю, что видел ученого там, во время битвы, – говорит Лев. – Помнишь, Виктор, тот дылда на входе в рейхсканцелярию, вместе с невидимым монстром? В белом халате, и он казался бессмертным: даже пулеметная очередь его не брала!

– Точно! Если не ошибаюсь, он был еще с каким-то мужчиной, и шел к бункеру, наши выстрелы его не останавливали. Думаешь, это он изобрел аппарат? – спрашивает Виктор.

– Вполне возможно! – отвечает Лев.

– Бессмертный ученый? Невидимый монстр? О чем вы говорите, молодые люди, о битве за Берлин или о научной фантастике? – спрашивает Валк.

– Нет, товарищ Валк. Сражение за Берлин было похлеще любой фантастики... – серьезно отвечает Лев. – Это правдивая история. В тот день мы потеряли одних из лучших бойцов, но начальство настаивает, что это всего лишь коллективные галлюцинации, возникшие от нервной военной обстановки.

– А вы узнали, что это за машина? – спрашивает Тимур, будучи прагматичным, как обычно.

– А что, вы привезли этот аппарат в Москву, так и не зная, что это? – заинтригованно спрашивает Лидия.

– Ну, единственная подсказка – это инструкция и карта на немецком, но никто из нас не говорит на этом фашистском языке, – отвечает Виктор.

– А генерал, который вас прислал, тоже не знал, что это? – спрашивает девушка.

– Если и знал, то нам не сказал. А теперь, когда он умер, как Вы нам сообщили, боюсь, что никогда не узнаем, – говорит Виктор, скрывая инцидент между Дубовым и Ворониным.

– Так вы тоже не выяснили, что это за аппарат? – спрашивает Тимур.

– Выяснили. Мой немецкий не идеален, но его было достаточно, чтобы разобраться, – отвечает Лидия, демонстрируя инструкцию.

– И? – хором спрашивают солдаты.

– Полагаю, что ваше звание не соответствует уровню секретности этого аппарата, – отвечает офицер, как будто подчеркивая свое превосходство над солдатами.

На самом деле, по иерархии, она тоже не должна была ни знать о существовании машины, ни иметь доступ к секретной лаборатории. Офицер оказалась там лишь по воле судьбы, когда к ней в руки попала инструкция, изъятая у заключенных солдат.

– Это машина времени, товарищи! – отвечает из глубины лаборатории голос с заметным грузинским акцентом.

– Товарищ Сталин! – хором восклицают удивленные ученые.

Солдаты отдают честь, переполненные восхищением и страхом перед человеком, ради которого они рисковали жизнями в самой большой войне всех времен.

– Вольно, солдаты! – приказывает Генеральный Секретарь Центрального Комитета Коммунистической Партии Союза Советских Социалистических Республик Иосиф Сталин, вошедший через секретный ход, который он сам приказал построить в лаборатории.

Сталин, будучи осторожным человеком, создал секретные пути передвижения внутри огромного комплекса исторических зданий Кремля. Говорят, что он приказал построить даже линию метро под крепостью, с помощью которой можно было бы эвакуироваться в случае войны. Эта лаборатория особенно важна для диктатора, ведь там развиваются революционные технологии разведки и контрразведки, такие как автомобили, оборудованные ракетами, пуленепробиваемая одежда, ботинки и перчатки с присосками, чтобы подниматься по стенам, ручка-дротик, заряженная смертельным ядом, помимо многих других интересных изобретений.

– Так это вы те самые три богатыря, о которых мне доложили утром? Это честь познакомиться с вами лично! – улыбается в усы Сталин, пожимая руки солдатам, пораженным происходящим. Для них это огромная честь – стоять перед советским вождем, главнокомандующим Красной Армии, но слышать, что это для него честь познакомиться с ними, а еще и сравнение их с былинными богатырями кажется невероятным сном, искаженной реальностью, до которой могло додуматься только самое смелое воображение.

– Это для нас большая честь, товарищ главнокомандующий! – отвечают солдаты.

– Данные, собранные о вас нашей разведкой, прямо скажем, впечатляют. Вы сражались на протяжении всей Великой Отечественной войны, от нападения Германии на СССР до взятия Берлина. Не удивительно, что вас так трудно было поймать на Октябрьском! Я хочу, чтобы вы были в составе моей личной гвардии. Вы вместе с другими выдающимися бойцами Красной Армии будете отвечать за мою безопасность, в случае необходимости!

Солдаты удивленно переглядываются. Для них, отправленных на смертную казнь всего несколько часов назад, ситуация повернулась совсем неожиданно. С другой стороны, предугадать мысли Сталина невозможно.

– Это большая честь, товарищ главнокомандующий! – восклицает Тимур, а за ним Виктор и Лев.

– Вот и отлично! – говорит вождь. – А вы, товарищи ученые? Как проходит исследование машины?

– Мы уже выяснили, что она из бункера Гитлера. Анализируя документы, которые нашли вместе с аппаратом, можно прийти к выводу, что еще в декабре 1938 года Адольф Гитлер планировал напасть на нашу страну, – сообщает доктор Валк.

– Сукин сын! Он придумал проклятый договор взаимного ненападения как первый шаг операции «Барбаросса»! – возмущается Сталин.

– Но это не все, товарищ Сталин. Главная цель фашистов, судя по написанному здесь, – захватить не Москву, не Ленинград, и даже не Сталинград, а Новую Землю!

– Новую Землю? Арктический архипелаг у черта на куличках? – удивляется диктатор.

– Да... По-видимому, топливо для машины времени добывают из минерала, который, похоже, можно найти только там. Как Вы можете видеть, машина полностью готова, и уже примерно понятно, как ее использовать. Только не можем завести ее из-за отсутствия минерала, – заключает ученый.

– Так отправляйте экспедицию как можно скорее! – приказывает Сталин. – У вас есть карт-бланш использовать любые необходимые ресурсы для выполнения этой операции!

– Так точно! – отвечает Валк.

– А Вас, товарищ Кайсина, – обращается Сталин к агенту, целуя ее руку, – благодарю за службу и за точные и быстрые действия.

– Я всего лишь выполняла свою задачу, товарищ Генеральный Секретарь... – отвечает офицер, смущенная галантностью грозного советского вождя.

– Держите меня в курсе новостей экспедиции в Арктику, – шепчет Сталин на ухо агенту. – А теперь проводите этих солдат к Берии, для дальнейшей подготовки. Они должны сопровождать меня уже на Параде Победы! – на этот раз громко приказывает главнокомандующий.

– Так точно! – отвечает Лидия.

– И, думаю, не нужно объяснять, что никто больше не должен знать об этой машине, понятно? – надменно продолжает Сталин.

– Так точно, товарищ генеральный секретарь! – кивают они.

– Отлично. А теперь, разрешите... – говорит вождь, покидая помещение так же незаметно, как пришел.

Тишина. Солдаты все еще молчат, пораженные неожиданной встречей.

– Ну что ж, товарищи, похоже, нужно отправлять экспедицию. Давайте обсудим этот вопрос, – говорит доктор Валк, направляясь к круглому столу вместе с остальными учеными.

– За мной, – приказывает Лидия солдатам, идя к выходу.

– Куда мы? – спрашивает Тимур.

– Скоро узнаете, – отвечает Лидия.

Снаружи их ожидает Антанас, облокотившись на дверь внушительной правительственной машины.

– Почему так долго? – спрашивает агент, который подъехал пять минут назад.

– Не доставай меня, – сурово говорит Лидия.

Антанас сдержанно смеется, привыкший к плохому настроению коллеги. Пятеро садятся в машину и молча покидают Кремль.

– Мне показалось, или товарищ Сталин приказал рыжей колдунье отвезти нас к Берии? – шепчет Лев своим товарищам.

– А что такое Берия? – любопытствует Тимур.

– Не «что», а «кто». Ты никогда не слышал о нем? – удивляется Виктор.

– Это глава секретной службы, правая рука Сталина! – шепчет Лев.

– Вот как... – впечатляется Тимур.

Глава 3. Подготовка

Машина подъезжает к площади Дзержинского, до 1926 года называвшейся Лубянка, а ныне носящей имя основателя ВЧК, предшествовавшего НКВД, Народному Комиссариату Внутренних Дел, – это одно из многих названий грозной советской секретной службы. Главное управление занимает внушительное необарочное здание XIX века, являющееся пейзажной доминантой. Антанас и Лидия заходят в здание с солдатами, их обыскивают охранники. Спустя некоторое время ожидания, им наконец разрешают пройти в кабинет Лаврентия Берии, народного комиссара внутренних дел. Одно только имя Берии пугает врагов. Известный как сталинский палач во время Большого Террора 1930-х, Берия ответственен и за многие другие преступления против человечества, о чем не сразу догадаешься, глядя на его добродушное лицо в очках с круглыми линзами.

– Лидия и Антанас, мои дорогие. Присаживайтесь, пожалуйста. Чай, кофе? – предлагает Беря.

– Не хотим отнимать ваше время, товарищ Берия, – говорит Лидия, как обычно, стараясь держаться на расстоянии от этого человека.

– Как хотите... – отвечает комиссар, фальшиво улыбаясь.

– Товарищ Сталин поручил нам доставить этих солдат к вам для подготовки, – сообщает Антанас.

– Ах, вы наверно Букейханов, Литвин и Серафимов, ветераны битвы за Берлин, которые без оружия и в наручниках разрушили целую советскую авиабазу! – поражается комиссар.

«Кошмар! Такое ощущение, что Левитан объявил по радио об инциденте. Все сразу узнали о катастрофе!» – думает Лидия, имея в виду знаменитого советского диктора.

– Да, это мы, – говорит Виктор, не зная, позор это или слава.

– Так знайте, что здесь ваша слава ничем вам не поможет! Никакие героические подвиги в траншеях вас не спасут, если хотите выжить, будучи личной охраной товарища Генерального Секретаря! – восклицает Берия, изменившись в лице, сильно отличаясь теперь от мирного и спокойного человека, которым он выглядел несколько секунд назад. – Вы должны быть хладнокровными и расчетливыми, рассуждать как настоящие психопаты в мрачном мире кремлевского закулисья. пытки, обманы, конспирация станут обычными словами для вас. Все под подозрением, никому нельзя доверять!

Пораженные резким изменением настроения комиссара, парни внимательно его слушают, понимая, что подготовка, которая их ждет, будет совсем не такой легкой, как им казалось.

– Посмотрите на себя! – показывает Берия на большое зеркало на стене. – Если, повторяю, если вы сможете вернуться живыми в этот кабинет, вы уже не будете такими же парнями, каких видите сейчас! Вы будете жестокими, кровожадными бойцами, всегда готовыми к любым трудностям и переменам, станете живучими, неустающими и безжалостными! – говорит комиссар пророческим голосом.

Солдаты видят, как мужчина кричит и машет руками, будто ополоумев, и думают, представляет ли он ужасы, через которые они прошли в Великой Отечественной войне. Нет более жестокой и кровавой подготовки, чем эта. Уставший от шарманки комиссара, Лев перебивает его:

– Понятно, товарищ народный комиссар, где будет тренировка, здесь?

– Что такое? Куда спешите, товарищ Литвин? Я еще не начал объяснять! – кричит комиссар. – Как я вам говорил...

Берия молниеносно приближается к белорусу, с маленьким острым ножом, который он скрывал в рукаве пиджака. К его удивлению, Лев предугадывает это движение и хватает напа-

дающего за кулак, сжимающий холодное оружие, приставляя его к горлу, одновременно скручивая другую руку противника за спиной, и толкает его на стол, к которому он прижат, обездвиженный, с ножом приставленным собственной рукой к своему же горлу. Все это действие занимает не более трех секунд, под пораженными взглядами Лидии и Антанаса.

– Довольно... солдат...! – произносит Берия.

Лев отпускает его, но прежде вынимает нож из руки комиссара, который оправляется от испуга, разминая руки и хрустя больной шеей. Пораженный унижительной сценой, начальник грозной советской секретной службы пытается сделать вид, что так и должно было быть:

– Весьма неплохо, солдат! Я нарочно *медленно* приблизился, и позволил контратаку, чтобы посмотреть на Вашу реакцию, и, должен сказать, она не так уж плоха... – говорит комиссар, пытаясь уменьшить свой позор перед гостями. – Однако, нет предела совершенству! Агенты Кайсина и Чюрленис, можете быть свободны. Теперь я позабочусь о них. Парни, за мной!

Солдаты следуют за комиссаром, который провожает их на нижний этаж, где видна акустическая изоляция и мишени на стенах.

– Товарищ Исаев, этих солдат прислал сам товарищ Сталин для подготовки секретных агентов, здесь, у тебя. Примерно через месяц будет парад в честь Дня победы, и он хочет включить их в свою личную охрану.

– Вас понял, товарищ Берия, – отвечает страшный бородатый мужчина, большой и сильный, с повязкой на глазу – редкое дело в НКВД.

– Удачи, парни! – говорит комиссар, быстро удаляясь, как будто опасаясь гиганта.

Как только солдаты поворачиваются обратно к Исаеву, бородатый гигант, больше похожий на пирата, мощно ударяет кулаком в лицо Виктора, который падает на пол, как бревно. Пораженные, Тимур и Лев не успевают даже подумать, прежде чем гигант нападает на них, хватая за шеи и ударяя их головами со страшной силой. С искрами из глаз, солдаты падают на пол, присоединяясь к Виктору, который едва ли понимает, что его ударило.

– Правило номер один: Быть всегда настроже! – говорит гигант своим грубым надтреснутым голосом, доставая два пистолета и направляя их на солдат. – Вы бы уже были мертвецами, вместе с товарищем Сталиным! Без Сталина народ в опасности! Экономика распадется, политика превратится в хаос, вспыхнет гражданская война, миллионы людей умрут, конфликт распространится по всему миру и снова случится мировая война, которая скорее всего станет последней и положит конец этому бардаку, называемому человечеством! И все из-за вашей неповоротливости!

Трое солдат поднимаются, оправляясь от очередного сюрприза. Похоже, тяжелая атмосфера этого страшного, чудовищного здания влияет на психику находящихся в нем людей. Агент Исаев меняет направление оружия, предлагая пистолеты солдатам, которые сначала недоверчиво смотрят на этот жест. Исаев настаивает, чтобы они взяли оружие, Виктор и Тимур подчиняются, как можно быстрее направляя его на гиганта.

– Стреляйте! – приказывает агент.

Солдаты не выполняют команду, не желая убивать мужчину.

– Почему вы не стреляете?! – разгневанно спрашивает Исаев.

– Потому что Вы – наш инструктор! – говорит Виктор.

– Правило номер два: Никому не доверять! – объясняет бородатый гигант. – Вы никогда раньше меня не видели, откуда у вас жалость к нападающему? Из-за вашего тугодумства все под угрозой, товарищи!

Прежде, чем здоровяк скажет что-то еще, Тимур нажимает на спусковой крючок, но раздается лишь пустой щелчок – он не заряжен.

– Правило номер три: Не доверять уловкам врага! – выкрикивает агент, разгневанно направляясь к солдатам и избивая их кулаками и ногами. – Сейчас я вам покажу, почему меня называют Казанским Кошмаром!

Солдаты втроем сражаются с гигантом, обладающим чудовищной силой и невероятной скоростью для такого большого и тяжелого мужчины. Бьют его изо всех сил, но он словно не чувствует ударов, как будто железный. Зато его сила разрушительна, он отбрасывает здоровяка Тимура на несколько метров одним ударом кулака. Даже с одним глазом агент демонстрирует отличное пространственное видение, замечая любое движение солдат. В итоге: даже один Исаев против их троих – это слишком.

– Теперь понятно, почему вы были такими храбрыми на войне: оружие! С ним вы уверены и сильны. Но теперь у вас нет оружия, нет патронов, зато есть враг, который мощнее вас, что будете делать, солдаты?! – бушует агент, неустанно борясь с бойцами, которые пытаются защищаться и не успевают отдышаться, чтобы ответить на вопрос. – Если вы не можете пройти даже первую часть тренировки, вы не достойны уйти отсюда живыми. И не думайте, что я не имею полномочий вас убить! Эти стены – свидетели бесчисленных потерянных жизней, на которые никто даже не обратил внимания!

Даже нападая одновременно, троем солдатам не удается справиться с Исаевым, который сразу нокаутирует Виктора. Растерянные, Тимур и Лев отбегают, пытаясь выиграть время и что-нибудь придумать.

– Правило номер четыре: не оставляйте сослуживца без сознания! Убейте, если потребуется, но не дайте врагу его пытать и получить конфиденциальную информацию, даже если вам удастся сбежать! – кричит агент.

Когда гигант, наконец, загоняет их в угол, солдаты видят фигуру, которая подбегает к агенту сзади, хватая его за шею и душил. Это Виктор, который сделал вид, что потерял сознание, чтобы напасть на Исаева, пока тот занят остальными.

– Эта техника называется Неожиданное Нападение Дубового! – пронзительно кричит солдат, сжимая шею гиганта изо всех сил. Лев и Тимур восхищенно смотрят на друга, вдохновившегося героическим примером их сослуживца, погибшего в Берлине.

Однако, Исаев спокойно откидывается назад, чтобы раздавить Виктора, прижав его к полу своим огромным весом. Заметив это, солдат уклоняется, но попадает в когти громадного агрессивного агента, который заламывает ему руку, практически вывихнув плечо.

– Не смейся! Ты правда думал меня так задушить? Не знаю, что за дурацкое название ты придумал, но это один из старейших боевых приемов, от которого любой боец должен знать контрприем! – поучает агент, выкручивая руку Виктору, стонущему от боли.

Лев и Тимур пораженно наблюдают за поворотом событий после неожиданного нападения Виктора, не зная, как помочь другу, схваченному агентом Исаевым, как будто в смертельных объятиях анаконды. Исаев – специалист по советской борьбе САМБО основными характеристиками которой являются броски, удержания и болевые приемы. Виктор немного занимался борьбой, еще до войны, помимо практики в боях с врагами, и это позволяет ему освободиться от тисков гиганта, выигрывая время, но не дает реальных шансов на победу.

– Ха-ха-ха, Серафимов! Твоя техника не так плоха, как я думал! Может, мою бабушку ты бы и победил... если бы она была в наручниках и с повязкой на глазах! – издевается агент, борясь с солдатом.

Лев смотрит вверх и кое-что придумывает. Мишени для тренировки агентов в этом зале закреплены на железных рельсах на потолке с помощью блоков, так, что можно регулировать расстояние.

– Скорее, помоги мне залезть! – шепчет Лев на ухо Тимура, и тот, сразу же поняв план друга, соединяет руки, чтобы белорус, который легче его, подпрыгнул и добрался до рельсов под потолком. Под его весом рельс обрушивается, разваливаясь на железные палки. Тимур

и Лев хватают железки и нападают на агента Исаева, который, обездвиженный Виктором, перестает выглядеть победителем перед солдатами, разгневанно приближающимися к нему.

– Ну, ладно, мужики! Хватит! Вы прошли перву... – прежде, чем Исаев успевает закончить предложение, Тимур и Лев бьют его железными палками по голове так сильно, что те сгибаются, а гигант теряет сознание и тяжело падает на пол.

– Правило номер пять: Нельзя недооценивать врага! – восклицает Виктор, опуская тело агента, у которого на голове появляются две огромных шишки, как рога, которые вместе с кожей, покрасневшей от борьбы и крови, делают его похожим на карикатурного черта.

В этот момент появляется Берия со своими сотрудниками, которые наблюдали за дракой через пуленепробиваемое зеркальное стекло.

– Ну, ну... Видимо, мне стоило пожелать удачи тебе, Анвар, а не солдатам! – говорит нарком, ссылаясь на код, употребляемый между ним и агентом: человека, которому он желал «удачи», нужно было убить.

– Ну... Теперь можете похвастаться, что вместе победили одноглазого безоружного старика... – ворчит бородатый гигант, связанный телефонными проводами, которые Тимур вытянул из стены, пока тот все еще был без сознания.

– Смешно слышать от тебя такое, товарищ Исаев. Всем в штаб-квартире известна эта фраза в другом контексте, когда ты победитель: «Теперь вам будет стыдно, что вас, дравшихся вместе, победил одноглазый безоружный старик...», – говорит Берия, пародируя секретного агента.

Возмущенный гигант молчит, став объектом насмешек сотрудников, называющих его «Товарищ Черт», из-за его нового облика.

– Вместо того, чтобы ржать надо мной, помогли бы лучше мне освободиться! – ворчит инструктор секретных агентов, который раньше был гордым и независимым, а теперь просит помощи.

– Охxxx! – театрално восклицает Берия. – Великий Анвар Исаев просит помощи у нас, простых смертных! Теперь я точно видел все в этом мире! – хохочет комиссар. – На, Анвар! – говорит он, бросая ножик, с которым пытался напасть на Льва некоторое время назад, на пол, примерно в метре от инструктора, чтобы посмотреть, как он ползет, пытаясь дотянуться до предмета.

Исаев злобно смотрит на комиссара и ругается пророческим голосом:

– Смейся пока можешь, Лаврентий! Когда-нибудь и я посмеюсь на твоей казни!

Берия быстро перестает смеяться и становится серьезным, даже грустным. Он пытается найти такой же дерзкий ответ, но ему не хватает слов. Расстроенный, он сменяет тему, поворачиваясь к солдатам:

– Пройдемте, парни, я покажу ваши апартаменты!

Солдат провожают в маленькую и неудобную камеру, одну из немногих пустующих. Наверно, последний заключенный вышел оттуда недавно, на смертную казнь. В этом огромном загадочном здании царит тяжелая, мрачная атмосфера, от ужаса и тоски заключенных – в большинстве своем обычных людей, оказавшихся там лишь из-за того, что были против власти или просто задавали много вопросов, по мнению социалистического режима, или, по крайней мере, в этом их обвинили враги по своим личным причинам. Здесь же находились и бывшие члены партии, вовлеченные в заговоры или обвиненные в этом. Трудно сказать, сколько заключенных томится в мрачных камерах и почему они там оказались.

– Да, ребята, просто хоромы! – иронизирует Лев.

Камера в ужасном состоянии. Холодно, потолок течет, солдатам придется спать на грязном голом полу.

– Похоже, Берия хочет нам показать замечательную тюремную систему нашей страны! – говорит Виктор, пытаясь устроить себе постель из куртки.

– Это его способ отомстить за проклятие Исаева и за то, что мы прошли первую часть подготовки. Мне кажется, этот урод хотел нас убить, просто потому, что мы ему не понравились, – говорит Тимур.

– Я думаю, что человеку в его положении не нужны особые причины, чтобы кого-то убить. К тому же, он сам знает, что его конец будет жестоким и бесславным, поэтому слова Исаева так его расстроили, – комментирует Лев.

Солдаты ощущают ссадины и синяки по всему телу, после жестокого сражения с Исаевым, не говоря уж о произошедшем на Октябрьском поле. Уже второй раз за день они оказываются в тюрьме, хоть теперь и в качестве «гостей».

– Прекратите ныть, – говорит Тимур, пытаюсь уснуть. – По сравнению с немецким фронтом, мы в раю, товарищи!

Виктор думает о словах Тимура и вспоминает обо всех трудностях, которые они пережили во время войны. Солдат прав. Несмотря на то, что Виктор ожидал более теплого приема на родине, он рад уже тому, что больше не слышит взрывов, выстрелов и криков. Тишина вечерней Москвы – это больше чем подарок, это чудо, которое он никогда бы не оценил, если бы не война.

«И все-таки я бы предпочел, чтобы не было войны и чтобы вечерняя тишина не казалась чудом», – шепчет Виктор, думая вслух.

– Чего? – спрашивает Тимур.

– Ничего... – отвечает Виктор. – Ты не скучаешь по семье, Тим?

– Очень. Мне не хватает семьи и друзей, и свободных бескрайних степей Казахстана, – грустно говорит солдат. – Уже год я не пишу домой, может, они думают, что я умер... Когда война закончилась, я надеялся сразу же вернуться в Семипалатинск, но, как видишь, это оказалось не так просто. Для меня, вернуться домой – это цель, которая помогает выжить. Для тебя разве нет?

– Ну... Не принимай это близко к сердцу, но... я уже дома. Моя семья живет недалеко, хоть я еще не смог их увидеть и не знаю, когда мне это удастся.

– Все получится, не переживай, – говорит Тимур, по-дружески хлопая товарища по плечу.

Лев, который уже лег и казался спящим, грустно слушает этот разговор, ведь он потерял связь со своей семьей, когда фашисты напали на Минск. Ненависть к немцам была его самой большой мотивацией на войне, но теперь, даже после победы, неизвестно, есть ли ему куда возвращаться.

Уставшие, солдаты быстро проваливаются в сон.

– Подъем! – объявляет охранник, открывая камеру.

Солдаты с трудом просыпаются. Сейчас около 6 утра, холодно, они спали очень плохо. Страх стать мишенью в еще какой-нибудь выдумке агентов в процессе подготовки, мешал им глубоко уснуть, но после войны они к этому уже привыкли.

– Какой странный сон, – бормочет Лев, растирая глаза.

– Что такое? – спрашивает Виктор.

– Мне снилось, что я был рыцарем, и в каком-то лесу, со старым мечом, которому я клялся убивать врагов. Сражался три дня и три ночи в бесчисленных боях... Синие Воды, Грунвальд, Крапивна, Смоленск... Три дня и три ночи...

– Что-то будет, – заключает Тимур.

– И это не самое ужасное... Прошло 25 лет, я вернулся домой и узнал, что мои родители умерли, а сестра вышла замуж и уехала куда-то далеко... И остался только мой младший брат, и я спрашиваю, почему он не женился: потому что беден, или девки его не любят?

– И? – ждет продолжения Виктор.

– И он отвечает, что деньги у него есть, и девки его любят, а жениться он не хочет! Нормально, да? Как несправедлива жизнь... Я, как старший, иду на войну, а он там развлекается...

– Это раньше так было. А сейчас вы бы оба на войну пошли, – улыбается Тимур, как будто это могло успокоить сослуживца.

– Думай о хорошем, Лев. Представь, сколько приключений произошло с тобой, сколько препятствий ты преодолел, сколько историй сможешь рассказать, каких друзей нашел! – ободряет Виктор, приобнимая товарищей, пока они идут по темному коридору навстречу неизвестности.

Охранники провожают их на верхний этаж, в темное помещение. Как только включается свет, от которого болят глаза, привыкшие к темноте, солдаты видят мужчину с мешком на голове, сидящего на табурете. Возле него – Исаев, в берете, натянутом так, чтобы скрыть повязку на голове. Агент приближается к ним и сурово говорит:

– Что ж, солдаты, вчера вы прошли первую фазу подготовки – оценка физического состояния, устойчивости и гибкости. Теперь рассмотрим ситуацию, соответствующую функции, на которую вы претендуете. Здесь, возле меня, находится террорист, антикоммунист, который покушался на Сталина. Посмотрим на вашу способность выполнять приказы... Виктор Степанович Серафимов, будьте добры...

Виктор приближается к агенту, который выдает ему пистолет, пока мужчина, с накрытой мешком головой кричит и выкручивается изо всех сил, но из-за кляпа во рту невозможно ничего разобрать.

– Вы помните, что я говорил вчера насчет важности охраны Сталина, верно?

– Так точно! – хором отвечают трое.

– Вот и хорошо, вы уже знаете, что этот человек покушался на Сталина. Чего он заслуживает за это?

– Смертной казни, за измену родине, товарищ Исаев, – отвечает Серафимов.

– Тогда вперед, товарищ, – говорит агент.

Виктор, под напряженными взглядами Льва и Тимура, прицеливается в голову мужчины.

– Ах, чуть не забыл... – здоровяк снимает мешок с головы заключенного. Здесь Виктора ожидает сюрприз, настолько же трогательный, насколько кошмарный.

– Папа! – удивляется парень.

Глаза Степана Серафимова, полные слез, говорят больше, чем могли бы выразить слова. Он рад видеть сына, который так давно ушел на войну, но в ужасе от обстоятельств встречи с ним. Не зная, что делать, Виктор, естественно, не способен выстрелить в собственного отца и оглядывается на Анвара, который смотрит на него серьезно и непреклонно.

– Что такое, солдат? Дал слабину, узнав, что враг народа №1 – твой отец? – издевается агент.

– Это, должно быть, ошибка, товарищ Исаев! Он коммунист, член партии, он не может быть врагом народа. Я уже понял, в чем заключается тренировка, теперь отпустите его, пожалуйста!

– Лев Васильевич, будьте добры.

Лев делает глубокий вдох и приближается к агенту, с ужасом подозревая, что тот от него хочет.

– Видишь, как появляется предатель, слабое звено внутри Кремля?

– Так точно...

– И как следует поступить с ними?

Виктор и Степан смотрят на солдата в отчаянии, зная, что у него нет другого выбора, кроме как казнить их. Если Лев не возьмет оружие и не убьет обоих, все пропадут и будут убиты либо Тимуром, которому придется расстрелять товарищей вместе с отцом одного из них, либо самим Анваром, если Тимур тоже откажется, тем более зная, что агент жаждет мести.

За все годы работы инструктором никто и никогда не унижал Исаева так, как эти трое. Унижение было настолько сильным, что в тот же день Берия приказал уволить инструктора, так как тот не справляется со своими обязанностями. Логично, что причиной такого решения могла стать неосторожно брошенная комиссару фраза, но громкое поражение от кандидатов само по себе достаточно сильным аргументом для увольнения. Теперь все зависит от Льва.

– Сослать их в Сибирь, товарищ Исаев, – уверенно говорит солдат.

Все таращат глаза от такого предложения. Как это они не додумались раньше? В Сибири расположены крупнейшие исправительные лагеря Советского Союза. Туда уже отправили и продолжают отправлять миллионы заключенных, политических и нет, отбывать наказание, которое часто хуже смерти. Мало кто возвращается оттуда, а кому удается – уже совсем не те, какими попали в лагеря. Суровый климат, плохое обращение и непосильный труд убивают большинство заключенных. Несомненно, сослать этих мужчин в Сибирь – не самая приятная идея, но все же лучше, чем убить их на месте.

Анвар, удивленный предложением белоруса что-то бурчит, пытаясь найти контраргумент, и наконец восклицает:

– Никто не спрашивал твоего мнения, что с ними сделать, солдат! Я отдал приказ, и если ты его не выполнишь, то я лично вас расстреляю!

– Вы никакого приказа не отдавали, – говорит Лев, глядя в глаза инструктора. – Вы только спросили Виктора, как ему надо было поступить, и дали ему инструмент, чтобы действовать по его же усмотрению, а Вы сами не указывали прямо, что нужно сделать. А меня Вы спросили, как поступить с ними, и я ответил: сослать в Сибирь. Если откажетесь от этого решения, значит, Вы, видимо, сомневаетесь в идеологии наказания заключенных в советском государстве и не верите в способности собственно системы ГУЛага.

Анвар старается сдержаться, чтобы не ударить солдата-всезнайку. Если бы не сам Сталин отправил их сюда, Исаев убил бы их, пока те спали в камере.

– Отличная наблюдательность, Литвин! Жаль, что они не доживут до Сибири! – говорит покрасневший от гнева Анвар, доставая свой пистолет, целясь в Виктора и Степана и выстреливая по разу в голову каждого.

– Нет!!! – отчаянно кричат Лев и Тимур.

– Ха-ха-ха! – заходится смехом Исаев, стреляя во Льва.

Белорус видит, как тот нажимает на спусковой крючок, но не чувствует пули. Он смотрит на Виктора и его отца, которые оправляются от испуга, невредимые. Патроны холостые.

– Чуть не обделались, а?! – издевательски хохочет бородатый гигант. – Скажите спасибо бульбашу, если бы не его смекалка, вы бы все уже были покойниками. Хотя, Сибирь тоже не курорт. Я лично думаю, что уж лучше умереть тут, быстро и от рук друзей, чем в ГУЛаге, измученными и больными, – продолжает Исаев.

Виктор и Степан вздыхают с облегчением и, наконец, обнимаются.

– Пап, ты в порядке? – спрашивает Виктор, вынимая кляп.

– Да, сынок! Теперь уже лучше, самое худшее позади! Я так рад тебя видеть! – говорит старик, обнимая сына.

– А где остальные? – спрашивает солдат.

Анвар ухмыляется:

– Вы правда поверили, что самое худшее позади? Это только начало подготовки! Если хочешь увидеть свою семью, товарищ Серафимов, иди за мной!

Униженный недавним поражением, Анвар жадно собирал всю информацию, которую можно было найти о солдатах, и выяснил, что семья Виктора живет в Москве. Гигант немедленно похитил его родных, чтобы использовать их в подготовке и уничтожить морально человека, который стал причиной его позора в том сражении.

– Видишь этот коридор, Серафимов? Здесь много дверей, ведущих в склады, камеры и другие помещения, где могут находиться твоя мать, сестра и брат. Везде есть ловушки и вооруженные охранники. У вас пять минут, чтобы освободить их и доставить сюда невредимыми, иначе заложенные бомбы взорвутся вместе с вами.

– Вы с ума сошли?! – Виктор возмущен не меньше, чем его сослуживцы и отец, услышав этот жуткий сценарий.

– 4 минуты 58 секунд... – отвечает Анвар, глядя на часы.

Вспомнив о пистолете, Виктор направляет его на агента:

– Освободите их немедленно, или попрощайтесь с жизнью!

– Ой, боюсь-боюсь! – кривляется Анвар. – Давай, Серафимов, стреляй!

Русский нажимает на крючок и понимает, что его оружие не заряжено.

– Правило номер три... – напоминает гигант, с дьявольской усмешкой.

Виктор, ругаясь, поворачивается к сослуживцам. Борьба с Исаевым, от которого никогда не знаешь, чего ожидать, означало бы потерять время, тогда как его семья в опасности. Не имея выбора, солдаты продумывают план поисков.

– Папа, ты видел, куда этот урод дел наших? – спрашивает Виктор.

– Нет, сынок... На моей голове с самого начала был мешок, – безнадежно отвечает Степан.

– Разделимся. В коридоре должно быть около 20 дверей, я проверю первые пять, Тимур последние 5, по правой стороне. По левой, ты, Виктор, проверяешь первые пять, а твой отец – последние. Осторожно с охранниками и ловушками. Если будем действовать быстро и рассудительно, все должно получиться! – инструктирует Лев, стараясь сохранять спокойствие.

Остальные кивают и разбегаются.

Лев вышибает первую дверь справа, отчего приводится в действие взрывное устройство внутри, раздается грохот и коридор освещается адским пламенем. Все смотрят на огромный взрыв и видят солдата, обожженного пламенем.

– Ты в порядке? – спрашивает пораженный Виктор.

– Сейчас увидим! – отвечает солдат, поднимаясь и подбегая к помещению, в котором раздался взрыв: внутри никого нет.

– Черт возьми! – бормочет Анвар, надеявшийся, что от этого взрыва солдат станет хоть на одного меньше.

Лев и Виктор оглядываются на агента с ненавистью в глазах, но тут же продолжают поиски в других помещениях, зная, что времени мало. Тимур и Степан проверяют двери в конце коридора. В первом помещении Тимура – военный, охраняющий тело, накрытое черной тканью. Как только казах входит, он стреляет.

«Этот патрон не холостой», – думает казах, замечая след от пули на пороге.

Тимур выбегает, понимая, что надо зайти обратно и спасти заложника. Он выглядывает из-за двери, но охранник сразу замечает и стреляет в него. Вспоминая похожую ситуацию, когда он проник в кабинет фюрербункера, где находился агент СС, Тимур резко ныряет в помещение, зависает в воздухе на секунду, затем касаясь руками пола, группируется и крутится, как волчок. Охраннику трудно сообразить, что произошло – солдат мячом катится к нему, слишком быстро, чтобы можно было прицелиться. Приблизившись вплотную, казах поднимается, мощно ударяя в подбородок охранника, который теряет сознание. Он молниеносно выхватывает оружие врага, самозарядный пистолет Токарева, и убирает черную ткань, покрывающую заложника, чтобы выяснить, кто это, и...

– Вот черт! – ругается Тимур, обнаружив кучу мусора под тканью: бутылки водки, бумажки, картонные коробки сложены вместе в форме человеческого тела.

Тимур выбегает в коридор, стреляя из револьвера по всем дверным ручкам, открывая пять дверей – четыре своих и одну Степана, чтобы было проще войти. Уже прошла минута,

четыре из двадцати дверей открыты, но пока не найден ни один заложник. Кроме двух дверей Тимура и Льва, Серафимовы открыли еще две. В одной было устройство, при открытии выделявшее токсичный газ, от которого Степан чуть не задохнулся, а Виктор, открыв другую дверь, столкнулся с автоматом, стрелявшим во все стороны. Несмотря на быструю реакцию солдата, пуля задевает его плечо, когда он падает на пол, уворачиваясь от выстрелов.

– Как ты, сынок?! – волнуется Степан.

– Порядок! – отвечает Виктор.

Исаев наблюдает за солдатами в отчаянной гонке против времени, между перестрелками с охранниками, автоматными очередями, газовыми бомбами, взрывами, фальшивыми заложниками и смеется, восхищаясь своей жестокостью:

– Ха-ха-ха-ха! У вас нет никаких шансов! Это только начало! Готовьтесь умереть вместе с этими бесполезными людишками!

Стараясь игнорировать насмешки агента, Лев открывает еще одну дверь, откуда появляется толпа охранников, готовых на него напасть.

– *Халера!* – ругается Лев по-белорусски, увидев агентов.

Тимур и Виктор бегут к нему на помощь.

Понятно, что эти десять мужчин нужны только для того, чтобы солдаты потеряли еще больше времени в и без того сложном задании. Не имея другого выхода, трое отчаянно сражаются против десяти агентов, пока Виктор не замечает, что его отец куда-то пропал. Вспомнив о помещении с токсическим газом, Виктор движется туда, резко толкая противников. Поняв план друга, Лев направляет свои удары в ту же сторону, а затем и Тимур, направляя агентов к помещению, все еще наполненному газом. Агенты, находившиеся дальше по коридору, первыми теряют сознание от токсичного вещества. Мощные удары Тимура сбивают с ног других охранников, а Лев и Виктор все еще стараются закрыть их в ловушке, пока большая часть не падает в обморок. Испуганные, агенты пытаются воспользоваться той же стратегией и солдат к газовой камере, но у Виктора появляется новая идея. Он бежит в другое помещение за автоматом и притаскивает его, с трудом, из-за тяжести, в коридор, откуда кричит своим товарищам лечь на пол. Лев и Тимур немедленно бросаются вниз, а Виктор делает вид, что стреляет, так что и агенты пригибаются.

– В атаку!!! – призывает Виктор товарищей, которые только теперь поняли, что автомат не заряжен. Как только противники оказываются на полу, солдаты бьют их ногами, откатывая в газовую камеру, где они присоединяются к своим лежащим без сознания коллегам. Виктор закрывает дверь и бежит за отцом, а остальные открывают новые помещения. Стратегия Льва уже неважна; он берется за последние двери справа, а Тимур за первые двери слева.

– Отличная идея отправить их в газовую камеру! – одобрительно замечает Лев.

– Идея была в другом! Я переживал об отце, он исчез, и я думал, что он там! – отчаянно возражает Виктор.

– Понятно, – смущается Лев. – Последний раз, что я его видел, он шел вон туда, – показывает белорус на одну из дверей, которую Тимур открыл выстрелом.

Виктор направляется в зал, где находит свою мать, связанную и с кляпом во рту, и видит отца, попавшего в ловушку и подвешенного за ногу под потолком.

– Витя! Сынок, я уже полчаса тебя зову! Где ты был? – ругается отец.

– Отбивался от агентов, папа, прошу прощения! – отвечает Виктор, развязывая отца, который, скорее всего, повредил ногу от резкого движения. Затем оба освобождают Ирину, мать Виктора и жену Степана, которая, расстроившись, обнимает их.

– Витя, как я рада тебя видеть! – плачет мама, увидев сына впервые после стольких лет войны, в совсем не мирной ситуации.

– И я очень рад, мама, но нужно поспешить, чтобы спасти Аню и Диму! – говорит солдат.

В это время Тимур и Лев открывают седьмую и восьмую двери. Тимур, войдя в помещение, видит агента в красной маске, обмундированного ножами в ножнах, как маленькими мечами. Противник сразу же мечет два ножа в солдата, скрывающегося за дверью, как за щитом, и бегущего к следующей двери, но быстрый агент настигает его в коридоре, бросая нож, задевающий шею казаха, так что сразу идет кровь. Тимур поднимает нож с пола и мечет обратно в противника, который ловит оружие на лету и бросает обратно, попадая в плечо солдата.

Тимур замечает, что человек в маске хорошо умеет метать ножи, но, судя по тому, что все время держится на расстоянии, не очень хорошо умеет пользоваться ими в драке. Тогда он вытаскивает оружие из плеча и нападает на агента, который бросает нож в лицо казаху, тот уклоняется, но другой нож пронзает его бедро, что мешает бежать.

– Сукин сын! – ругается Тимур. Он выдергивает нож из ноги, хромая, направляется к агенту, который еще пытается метнуть два последних ножа, но солдату, как будто уже привыкшему к маневрам противника, удается уклониться и приблизиться на опасное расстояние.

Агент в красной маске, оставшись без ножей, заносит руки, чтобы вытащить что-то из-за спины: меч! Тимур, насторожившийся при виде агента с новым оружием, падает на пол, снова прибегая к технике «человека-мяча». Таким образом он может быстро добраться до противника, несмотря на раненую ногу. В конце своего маневра, казах резко встает и поднимает над головой скрещенные руки, в каждой из которых по ножу. Его движение совпадает с маневром агента, который резко опускает меч вниз. Их руки пересекаются, но из-за близкого расстояния, лезвие меча не задевает казаха, который раскрывая руки, будто ножницы, глубоко разрезает предплечья агента-меченосца.

– А-а-а!!! – кричит агент. Он выпускает меч из окровавленных рук, порезанных его собственными ножами.

Тимур, не собираясь убивать агента, сильно пинает его в грудь, отталкивая как можно дальше. Солдат направляется к следующей двери, хромая, истекая кровью и надеясь, что больше таких сумасшедших не встретит. Но только открыв дверь, он видит что-то еще более ужасное: огнемет, который мгновенно запускается. Казах кричит, объятый огнем.

– На пол, Тим! Катайся по полу! – кричит Виктор с другой стороны коридора.

Анвар смеется вдалеке, довольный, что его огнемет сработал.

Тимур крутится по полу, отчаянно гася пламя, которое сжигает его заживо, пока наконец не удастся потушить его.

– Уф! – вздыхает солдат, который наконец-то может отдышаться. – Ну, хоть раны прижег!

В это время Лев открывает очередную дверь, заходя в пустую камеру. Он осторожно осматривается, убеждаясь, что там никого нет.

– Странно! Неужели изобретательность Исаева на этом исчерпана? – задается вопросом белорус и, не теряя времени, отправляется к следующему помещению.

На другой стороне коридора Серафимовы разделяются: солдат открывает одну дверь, а его родители – другую. Прошло уже две с половиной минуты, а они едва успели проверить десяток помещений.

Степан, открыв дверь, видит мрачный коридор. Они с Ириной осторожно входят. Место выглядит заброшенным, будто уже несколько лет оно служит свалкой. Из глубины слышится девичий стон.

– Аня! – Ирина беспокойно зовет дочь. – Это ты?

– Да, мама! – глухо отвечает та.

Ирина Серафимова бросается на голос дочери.

– Иришка, осторожно! – беспокоится Степан.

Игнорируя мужа, она бежит и задевает почти невидимую нить. Срабатывает устройство смертельной гильотины, которая была подвешена под потолком, а теперь резко опускается,

чтобы разрезать женщину пополам. Это происходит так быстро, что Ирина даже не успевает заметить упавшую на нее тень огромного лезвия. В этот момент Степан резко тянет жену назад.

– Ой! Ты спас мне жизнь! Спасибо, любимый! – восклицает Ирина, крепко обнимая мужа.

– Я тебе говорил, осторожно! Если бы не моя быстрая реакция, тебя бы разрезало надвое! – отчитывает ее Степан.

– Прости! Я беспокоилась о нашей дочке! – оправдывается Ирина.

– Все будет хорошо! Мы найдем ее и вытащим отсюда!

Они снова направляются в сторону девушки, ориентируясь на звук стонов.

– Не переживай, Анечка, мы уже рядом! – говорит Ирина, пытаясь успокоить дочь.

– Быстрее, мама! – говорит девушка сдавленным голосом, наверное, от плача.

Родители приближаются, осторожно, чтобы не попасть еще в какую-нибудь ловушку. Стоны слышны все громче, и, наконец, они видят девушку с черными волосами в углу помещения, которая сидит в тени, не двигаясь.

– Сейчас мы тебя освободим, и надо скорее найти Витю и Диму! – говорит Ирина.

– Не спешите! Вы все скоро встретитесь... В аду!!! – кричит женщина неузнаваемым пронзительным голосом, направляя на «родителей» автомат.

– Беги!!! – кричит Степан жене.

Агент начинает стрелять, Степан, уклоняясь, падает на пол, а Ирина пытается убежать. Тогда девушка целится в Ирину, но это время Степан бросает в нее тяжелый старый ботинок – первое что подвернулось под руку, и попадает прямо в лицо.

– Сукин сын!!! – кричит агент, разозлившись.

Взяв себя в руки, она целится в Степана, но его уже нет на прежнем месте.

Пятидесятилетний Степан Владимирович Серафимов, ветеран Первой Мировой Войны, может быть, и не в очень хорошей форме, но все еще достойный воин. Во время операции «Барбаросса», когда его сын пошел на фронт, отец тоже был готов сражаться, стать партизаном, если бы немцы напали на столицу. Он удивляет агента, неожиданно подкравшись сбоку и вырвав автомат из ее рук.

– Не стреляйте, пожалуйста! – умоляет агент нежным тонким голосом, сдаваясь. – Меня заставили, я не хотела никого не ранить!

Помня, как эта девушка стреляла в его жену, Степан не поддается на уловку.

– Руки за голову! Любое подозрительное движение – и я стреляю! – угрожает он. Затем оглядывается и спрашивает Ирину: – Ты нормально?

– Да, давай быстро, времени мало! – отвечает женщина.

Пользуясь тем, что Степан отвлекся, агент пинает оружие, так что оно падает на значительном расстоянии. Удивленный таким поворотом, Серафимов тянется за автоматом, но агент нападает на него, пытаясь задушить:

– Умри, проклятый!

Ирина бросается на помощь к мужу, но осторожничает, помня о возможных ловушках.

– Стой, Иришка! Уходи, тут опасно! – предостерегает Степан, стараясь высвободиться из смертельных тисков брюнетки.

– Вот еще! Я не позволю какой-то девке трогать моего мужа! – рассерженно отвечает Ирина.

Степану удается освободиться, начинается драка с агентом не на жизнь, а на смерть, и приз в этой борьбе – автомат, лежащий в полутора-двух метрах от них. Наконец, Серафимову удается прижать агента к полу, лежа на ней и держа за запястья. Ирина приближается и удивленно смотрит на эту сцену.

– Это не то, что ты думаешь, дорогая! – объясняется Степан.

– Да что ты говоришь! – возмущается Ирина.

Снова воспользовавшись тем, что пара отвлеклась, агент кусает Степана за ухо, тот от неожиданной боли отпускает девушку. Она ползет к автомату, но Ирина бросается к ней, задевая нить, которая на этот раз включает мощный огнемёт под потолком. Пламя настолько сильное, что поджигает волосы обеих женщин, которые в панике, крича пытаются погасить огонь. К их счастью, обе были на полу в этот момент, слишком низко, чтобы быть обожжёнными целиком.

Оправившись от испуга, женщины снова сцепляются в борьбе за автомат, посреди пожара, распространяющегося по складу.

– Не смей трогать моего мужа, корова! – истерично кричит Ирина, которая хоть и не занималась никакой борьбой и не служила в армии, превращается в боевую машину, когда дело касается ее близких.

– Это я корова? Ты на себя-то в зеркало смотрела, уродина?! – визжит агент, мутузя Ирину.

Степан, преодолевая боль, собирается подняться, чтобы взять автомат, но сцена женской борьбы гипнотизирует его.

– Степка, вредина! Чего уставился? Бери чертов автомат и прикончи эту сволочь! – кричит Ирина, тягая агента за волосы.

– Так точно! – подчиняется муж, приходя в себя.

Степан направляется за оружием, но прежде агент успевает пнуть его еще дальше.

– Чертовка! Ты за это заплатишь! – кричит Ирина.

Женщина, собрав все силы, бросает агента на кучу старья, которая обрушивается, погребая жертву, отчаянно молящую:

– Вытащите меня отсюда! Пожалуйста!!!!

Степан порывается ей помочь, но Ирина его останавливает, испепеляя взглядом:

– Даже не думай.

Степан, окаменевший под взглядом жены, притворяется, что потягивался:

– Ты правда думала, что я буду помогать этой твари? Еще чего! Я только разминал спину, что-то прихватило! – импровизирует Степан.

Ирина берет автомат:

– Сейчас виновный за все поплатится!

Женщина идет по коридору с автоматом в руках, за ней – муж с окровавленным ухом. «Какая женщина!» – думает Степан, следуя за женой, марширующей, как героиня, готовая спасти мир.

Однако, выйдя из помещения, они сталкиваются с несколько иной ситуацией, чем представляли: Тимур взял Исаева в заложники, приставив к его горлу лезвие меча, отобранного у агента в красной маске. Время уже почти истекло, нет возможности открыть все двери и принять все вызовы. Виктор и Лев сопровождают Исаева, приставив к его животу ножи агента в маске, Анвар идет по коридору, не имея возможности вернуться и сбежать.

– Виктор! Ты в порядке? – беспокоится Степан.

– Да, папа. Представляешь, не было никаких бомб, он это просто придумал, чтобы мы бегали туда-сюда, как сумасшедшие! Теперь он покажет нам, где Дима и Аня.

Исаев издаёт смешок, но тут же замолкает – Лев и Тимур толкают его локтями в бока.

– Отлично, – говорит Ирина. – Пойдемте скорей, и в твоих интересах, чтобы мои дети были живыми и здоровыми, негодяй!

Группа наконец заходит в помещение, где находится Дима. Десятилетний мальчик лежит без сознания в центре зала. Вокруг него на полу – десятки мин. Если наступить на одну из них, могут сработать и остальные, и все взлетит на воздух.

– Я пойду за ним, – говорит Виктор, глубоко вдохнув.

– Нет, лучше я! – говорит Степан, заслоня собой сына. – Если он очнется и увидит тебя спустя столько лет, то может разволноваться и случайно задеть мины.

– Понял. Ладно, пап, только осторожно, – соглашается Виктор.

Отец заходит в зал, аккуратно пробираясь по минному «полю». Похоже, что все помещения – примеры реальных ситуаций, с которыми солдаты могут столкнуться. Степан приближается к сыну и спокойно кладет его на плечо, возвращаясь к двери, у которой все, в том числе и Исаев, напряженно наблюдают за сценой.

– Что-то паленым запахло, – комментирует Тимур, чувствуя приближение пожара, который быстро распространяется по свалке, откуда недавно вышли Степан и Ирина.

Степан все ближе и ближе к двери, на цыпочках обходит мины. Дима, до сих пор бывший без сознания, наконец начинает двигаться и открывает глаза, испуганно оглядываясь.

– Папа, что это за место? – спрашивает мальчик.

– Все нормально, сынок. Скоро будем дома, – говорит Степан.

В этот момент ботинок мальчика соскальзывает на мину, как раз когда Степан переступает порог помещения. Заметив падающую обувь, Виктор молнией хватается отца и брата и тянет в сторону, пока остальные разбегаются.

Раздается серия громких взрывов, от которых толстые стены здания сотрясаются. Исаев вырывается из рук солдат и выбивает меч у Тимура.

– Тихо, здоровяк! – приказывает Ирина, направляя автомат на Исаева.

– Черт возьми! Что с мальчишкой?! – агент Исаев закрывает руками рот, как будто от ужаса.

Ирина сразу же оборачивается и видит, как Степан и Дима поднимаются после взрыва, вроде бы все нормально. Женщина недоуменно поворачивается снова к агенту, который пытается вырвать автомат из ее рук. В этот момент вмешивается Виктор, разнимая драку. В борьбе автомат падает прямо в пожар.

– Идиот! – выкрикивают хором Ирина и Виктор, злясь на Исаева.

Агент пытается сбежать, но его останавливает Тимур, которому удалось вернуть меч.

– Не так быстро, товарищ инструктор!

Внезапно Тимур получает удар сзади и падает на пол. За ним из полыхающего склада появляется агент, притворявшаяся Аней и погребенная под ворохом старья в стычке с Серафимовыми. Она наступает на спину Тимура, который пытается вырваться и встать на ноги.

– Опять ты? – возмущается Ирина.

– Света!?! – удивляется Исаев, увидев напарницу. – Ты как?

Агент практически неузнаваема: израненная и грязная от копоти пожара.

– Бывало и лучше, Анвар! А сам? – отвечает она, замечая, что коллега тоже выглядит не очень. Эти двое обычно ходили королями, будучи одними из самых уважаемых агентов НКВД. Теперь, в таком виде, они с трудом узнают друг друга.

– Это ненадолго! – кричит Тимур, поднимаясь со всей силой, сбрасывая с себя Светлану и пытаясь дотянуться до меча. Чтобы солдат не завладел оружием, агент пинает его и порывается добраться до меча первой. Тимур хватается за нее, не давая убежать.

– Лапы свои убрал! – злится бородач. Виктор и Степан держат гиганта, который яростно вырывается, а маленький Дима кусает его за ногу. Ирина отправляется на помощь Тимуру, чтобы разобраться с ненавистной соперницей, а Лев замечает глухой звук, доносящийся из одного помещения. Он пробирается к камере через дым по коридору, охваченному пожаром. И, наконец, находит комнату, откуда доносятся крики, но это как раз та камера, где он уже был раньше и никого не нашел. Он удивленно осматривается, но если глаза утверждают, что помещение пусто, то уши настаивают, что крики слышатся именно отсюда.

– Здесь кто-нибудь есть? – неуверенно спрашивает Лев.

Солдату слышится «да» – глухой женский голос, наверное, из-за кляпа во рту.

Глядя на огонь, распространяющийся по коридору, Лев замечает, что в интерьере помещения что-то не так. Огонь освещает камеру странным образом, как будто отражаясь с невидимого потолка на пол. Солдат, подозревая, в чем дело, бросает нож в этот предполагаемый «потолок», разбивая его на осколки. Это была сложная система зеркал, из-за которых казалось, что камера пуста, хотя на самом деле там находилась девушка, привязанная к стулу, с повязкой во рту, отчаянно плачущая.

Лев быстро входит в помещение, приближаясь к Анне, сестре Виктора, которая съезжается, пугаясь неизвестного мужчины.

– Спокойно, я друг Виктора и пришел тебя спасти! Все в порядке! – говорит солдат. Аня перестает сопротивляться и разрешает ему убрать кляп. Лев приближается к девушке и смотрит в ее глаза, отражающие пламя пожара, словно пара горящих сапфиров. Загипнотизированный Аниной красотой, Лев на секунду забывает, что собирался сделать, и закрывает глаза, как будто перед поцелуем. Она пытается кричать, все еще с кляпом во рту, и солдат возвращается к реальности.

– Ой, прости, прости, пожалуйста, не знаю, что на меня нашло! – оправдывается Лев, сгорая от стыда.

Девушка продолжает кричать, брыкаться и отворачивать голову, как будто с неприязнью.

– Нет, ну чего ты! Меня зовут Лев, я уже сказал – я друг твоего брата Виктора! Мы уже спасли твоего отца, маму и братишку, можешь успокоиться...

Не успев закончить предложение, солдат замечает, что за ним кто-то есть. Это один из агентов, который напал на них раньше и которого они затолкали в газовую камеру. Он ходит как зомби, потерянный, в горячей одежде. Белорус, наконец, понимает причину паники девушки: зрелище и в самом деле устрашающее.

Лев толкает агента, который вместо того, чтобы упасть назад, наваливается на солдата. Огонь сразу же распространяется по одежде Льва, который спешно пытается погасить пламя.

Заметив, что эта ситуация может сыграть в его пользу, Лев решает впечатлить девушку и пылающей рукой мощно ударяет агента.

– Твоему своевольству и безобразиям пришел конец! Отведай огненный кулак правосудия, злодей! – декламирует белорус, на ходу придумывая какую-нибудь героическую речь, чтобы впечатлить девушку, удивленно уставившуюся на них.

Солдат замахивается и чуть не в полете снова нападает на шатающегося агента, который падает еще до того, как «огненный кулак правосудия» настигает его. Лев страшно разочарован: разве нельзя было постоять еще секундочку? Он гасит пламя на рукаве, расстроено вздыхая, и возвращается к Ане, наконец вынимая кляп.

– Ох! Ты настоящий герой! – восхищается девушка, громко чмокая солдата в щеку. – У тебя есть какая-то сверхъестественная сила? Твоя рука горела, а тебе хоть бы хны! А еще ты так сильно его ударил, так быстро, я даже не видела, как твой кулак его коснулся!

Удивленный такой реакцией, а особенно поцелуем, Лев, который секунду назад был расстроен неудавшимся спектаклем, надувается от гордости.

– Да ладно, ничего особенного. Я лишь делал то, что должен был, чтобы тебя защитить, – будто скромничает солдат.

– Спасибо! – благодарит девушка с блестящими глазами. – А где же мои родители и братья? Они в порядке?

– Они снаружи. Ситуация пока не урегулировалась, так что нужно выходить осторожно, понятно? – объясняет Лев, развязывая девушку. У обоих мурашки по коже от взаимных прикосновений. У Ани – от сильных мужских рук ее спасителя, у Льва – от того, что он уже веками не прикасался к женщине, а тем более такой милой, как эта.

Они проходят по камере, полной осколков, к коридору, откуда слышатся выстрелы и звуки борьбы.

Посреди коридора, полыхающего огнем, Лев и Аня видят Серафимовых и Тимура, которые яростно сражаются против Анвара и Светланы. Наконец, на пожарный вызов прибегают агенты с огнетушителями. За ними появляется Берия, удивляясь масштабу разрушений.

– Кто это устроил такой бедлам?! – злится нарком.

Все указывают на Исаева, который нервно слатывает, выпучив глаза.

– Неправда! Это все они! Эти проклятые солдаты устроили здесь бардак! – оправдывается гигант.

– Теперь понятно, кто стащил огнемёт, автоматы, взрывчатки, мины и газовые шашки с моего склада! – комментирует Берия. – Я таких приказов не отдавал, Анвар! Ты рисковал целостностью здания! А этот взрыв, наверное, даже у Сталина было слышно! Это последняя капля! Можешь собирать чемоданы – ты вместе со своей бандой получаешь билет в одну сторону в Магадан!

Анвар и Светлана шокированы реакцией комиссара. Магадан – центр Дальстроя, крупнейшего промышленного треста СССР по добыче золота и драгоценных камней, с бесчисленными трудовыми лагерями. Название «Магадан» пугает само по себе, но быть отправленным туда Лаврентием Берией – самый ужасный кошмар, который агент НКВД может себе представить. Видя такую перспективу, сообщники переглядываются, кивают друг другу и, быстро сорвавшись с места, убегают в горящую камеру; Тимур и Виктор пытаются их поймать, но агенты исчезают в огне огромной пылающей свалки.

– За ними! – приказывает Берия своим подчиненным.

Часть агентов бросается за беглецами, остальные задерживают соучастников Исаева, вовлеченных в «подготовку» солдат, отправляя большинство за медицинской помощью, а затем в камеры, до вынесения приговора.

– Какой у вас ужасный вид! – замечает Берия, разглядывая солдат и родных Виктора. – Но вот вас я не припоминаю. Кто вы такие?

– Это мои родители, брат и сестра, товарищ комиссар. Исаев использовал их в качестве заложников в этой сумасшедшей подготовке. Они чуть не погибли от взрывов, пожара и ловушек, устроенных этим маньяком! – объясняет Виктор.

– Ха-ха-ха! Креативности Анвару не занимать! Даже жаль потерять такого талантливое злодея! – усмехается Берия.

Все только морщатся, услышав очередную порцию бреда от комиссара.

– В общем, так... – говорит Берия, кашляя, чтобы скрыть смех. – Пожалуй, вы успешно прошли подготовку. Освободили заложников и расправились с противниками, – комиссар указывает на агентов, выползающих из коридора с таким видом, что больно смотреть. – Видимо, не зря Сталин вас выбрал. Пройдемте в лазарет, у меня такое впечатление, что медицинская помощь и вам не помешает.

Они направляются за комиссаром, переживая, нет ли здесь еще какого-то подвоха. Как говорит Исаев: будь всегда начеку и никому не доверяй.

Глава 4. Экспедиция

Тем временем в секретной лаборатории Кремля собирается экспедиция в Арктику под руководством доктора Валка. На борту военного грузового самолета ученые планируют добраться до Архангельска, откуда отправятся на архипелаг на ледоколе.

– ...к конечному пункту нашего маршрута, – показывает доктор Валк отметку на огромной карте Советского Союза, обращаясь к агенту Кайсиной, назначенной самим Сталиным быть его глазами и ушами в этой строго конфиденциальной операции.

– Но как мы доедем до самого острова, доктор Валк? Эта карта не очень точная. Мы даже не знаем, как найти этот минерал! – возражает офицер.

– На самом деле, местонахождение камня обозначено несколько расплывчато, но с помощью наших специалистов и технологий нового поколения, думаю, мы сможем распознать элемент.

– Понятно... Но где мы остановимся на Новой Земле? Я думаю, что в какой-то момент нам придется высадиться с корабля. Там есть какой-нибудь город?

– Более-менее. Как Вы, возможно, уже представляете, регион не очень населенный. Скорее всего, мы проедем через Малые Кармакулы, самое старое постоянное поселение на архипелаге, откуда нужно будет отправить разведывательную экспедицию в специфическое место, отмеченное на карте.

Офицер внимательно смотрит на карту, пытаясь представить, как добраться до такого далекого места, где до прошлого века никому не удавалось жить постоянно.

– Скажите, Вы уже бывали в Арктике? – спрашивает доктор Валк.

– Нет, ни разу. Я с Урала, из Удмуртии, это довольно далекий регион.

– Да, конечно... Ижевск, оружейная столица СССР! Кстати, в плане геологии Урал не так далеко от Новой Земли, как Вы думаете... – замечает ученый.

– В каком смысле?

– Смотрите, вот здесь Урал, – показывает доктор на горный хребет, соединяющий Европу и Азию. – Архипелаг Новая Земля – естественное продолжение этих гор. Если бы не вот эта часть, где рельеф понижается и образуется Маточкин пролив, то он был бы полуостровом, связанным с континентальным хребтом.

– Надо же! Я об этом и не думала. Так когда мы отправляемся? – возвращается агент к теме разговора.

– Завтра утром. Октябрьское поле все еще на ремонте после высадки ребят из Берлина, поэтому отправимся из Тушино. Ровно в 7 часов, договорились?

– Отлично, – говорит Лидия, прощаясь с доктором.

Агент вспоминает о судьбоносной встрече с «ребятами из Берлина», как назвал их доктор. Ее переполняет ненависть к этим солдатам, внезапно появившимся и разгромившим авиабазу. Еще больше она ненавидит того, которому мало было устроить бардак – он посмел схватить ее и поцеловать у всех на виду. И, в конце концов, вместо того, чтобы немедленно казнить их как врагов народа, их принял сам товарищ Сталин в Кремле, предоставив доступ к совершенно секретным помещениям и строго конфиденциальной информации. Впрочем, здесь и она сыграла свою роль, и еще больше ненавидела себя за это. Они выжили именно потому, что офицер как можно скорее сообщила о находке в Кремль. Несмотря на огромную услугу, которую она оказала своей стране, а, может, и всему человечеству, Лидия чувствует себя глупо оттого, что на самом деле все это она сделала, чтобы спасти жизнь парня, поцеловавшего ее. Сердце бьется быстрее, когда она думает о Викторе. Оно выпрыгивало из груди, когда девушка увидела солдата живым и невредимым в Кремле. Трудно было сдержаться в короткую встречу с ним в секретной лаборатории и потом, во время быстрой поездки в штаб-квартиру

НКВД. Девушке невыносимо трудно было сохранять обычную, естественную для нее холодность, зная о возможности потерять молодого человека еще раз, отпустив его к грозному Берии и его кровожадным агентам. Сколько бы она ни старалась не думать об этом, каждую минуту переживала об успехе ребят в подготовке и о новой встрече, хотя бы еще одной; но это станет возможным только после экспедиции в Арктику, которая должна занять несколько дней.

«Какая же я дура», – думает Лидия, возвращаясь домой. Она живет одна на Арбате, в центре Москвы.

Причина такой ненависти и внутренних эмоциональных конфликтов по большей части заключается в ее одинокой жизни. Никогда еще ни один мужчина не тронул ее сердце так глубоко, как Виктор, несмотря на то, что их знакомство было очень коротким. Она с детства стала мужененавистницей, разочаровавшись в отношениях еще в школьные годы. Это теперь ее считают красавицей, а в школе, нескладную и угловатую, ее постоянно дразнили одноклассники, не принимая в коллектив. Отплатить им той же монетой было лишь вопросом времени, детские обиды спровоцировали агрессивность девушки и интерес к боевым искусствам и оружию. Будучи жительницей оружейной столицы Советского Союза, Лидии было не трудно поступить в вооруженные силы, где она сразу стала отличницей учебы и была направлена в спецслужбы. Ее свободное владение удмуртским языком – традиционным языком Удмуртской Автономной Республики, – стало преимуществом во время Второй мировой войны. Большая часть советского оружия производилась в Ижевске, ее родном городе; а удмуртский – язык финно-угорской группы – настолько сложный, что использовался как секретный код для сообщения между Ижевском и Москвой.

Собрав все самое нужное на несколько дней в свой маленький чемодан, Лидия выходит на балкон посмотреть на ночной город. Внушительные здания столицы и ее широкие многолюдные проспекты, по которым девушка ходит днем, теперь кажутся далеким воспоминанием на фоне спокойных тихих улиц ее района, и это словно напоминает, что пора спать. Лидия смотрит на горизонт, пытаясь представить, как там Виктор на трудной подготовке секретных агентов. Мысль о том, что он может быть ранен или даже погибнуть, наводит на нее глубокую тоску. Беспокойство отгоняет сон, но девушка знает, что должна ложиться, ведь завтра ее ждет долгий день.

В это время на Лубянке Виктор думает о Лидии с той же страстью. Даже после всех невероятных происшествий во время подготовки, устроенной им Казанским Кошмаром, солдат ни на минуту не может перестать думать о рыжей красавице.

Возле него, с такой же влюбленной физиономией, сидит Лев, думая о сестре Виктора – Анне. Они болтали не переставая, пока были в лазарете, где получали медицинскую помощь. Удивительно, как свободно лилась беседа. Им нравились одни и те же блюда, те же виды спорта, и у обоих одинаково глупое чувство юмора.

– Приходит немец к фермеру и хочет купить свинью: «Здравствуйте! Я хочу свинью, но не обычную, а именно арийскую свинью!» – рассказывает Лев, пародируя немецкий акцент. – Фермер удивляется: «А как же отличить арийскую свинью от других?» – «Объясняю», – говорит немец. – «У нее должна быть щетина, как у Гитлера, язык, как у Геббельса, и брюхо, как у Геринга!»

– Ха-ха-ха! – заливается смехом Аня. – Ой, я не могу, Лев, ты такой смешной!

Лев с нежностью вспоминает милую улыбку девушки. Ему запрещено выходить из комплекса, поэтому он смог лишь проводить Аню вместе с ее семьей до ворот одного из секретных выходов из здания, откуда их отвезли домой. Берия лично предупредил, что если кому-то разболтать о произошедшем, то их головы полетят первыми. Семья согласилась, не имея выбора, надеясь, что Исаев и его спутница тоже никому не расскажут о случившемся, хотя, став беглецами, они вряд ли на это решатся.

После инструктажа наркома Виктор попрощался с семьей, которая очень скоро, в планах Льва, должна стать и его. Если бы не одно но.

– Моя сестра? Ты с ума сошел? Она же ребенок! – возмущается Виктор, заметив, что прощаясь со Львом, Аня послала ему воздушный поцелуй, а он влюбленно смотрел ей вслед.

– Но ей скоро будет двадцать! – возражает Лев.

– Она еще даже не закончила университет!

– Ну и что? Ты тоже, но это тебе не мешает думать о рыжей!

– Это другое дело...

– Другое дело, потому что ты мужчина, да?!

Виктор, нервничая, возвращается в здание.

– Знаешь что? – говорит Лев, догоняя друга. – Не тебе решать судьбу своей сестры, кого ей любить и не любить!

– Лев, у нас сейчас другие проблемы, ладно? Давай обсудим это позже, когда все закончится.

– Ладно... – соглашается белорус.

Как старший, хоть и ненамного, Виктор чувствует ответственность за своих брата и сестру, особенно сестру. Он не то чтобы был против отношений между ней и Львом, но опасался, что это была лишь моментальная страсть после столького времени без женщин. Меньше всего Виктор хотел бы видеть свою сестру с разбитым сердцем, тем более, если виноват в этом будет его друг.

Теперь в намного более комфортных условиях, на этот раз, в комнате для секретных агентов, солдаты обсуждают пройденную подготовку.

– А про товарища черта есть какие-нибудь новости? – спрашивает Тимур.

– Пока никаких, – отвечает Лев. – Подозревают, что они погибли в пожаре, хотя трупов не нашли. Возможно, они сбежали через тайный ход в подвале, но вот куда – никто не знает.

– По крайней мере, мы ночуем на кроватях, а не на полу в холодной и вонючей камере, – комментирует Виктор, все еще недовольный тем, что его не отпустили домой.

– Очевидно, что Берия хочет снизить накал скандала, который устроил Исаев. В Кремль уже наверняка сообщили о произошедшем и о побеге агентов. Если я правильно понимаю, не придется долго ждать сталинской проверки, чтобы посмотреть, в каких условиях нас тут содержат, – предполагает Тимур.

– Я только надеюсь, что эти положительные перемены в отношении наркома к нам как-то повлияют и на подготовку, потому что еще один такой денек – и я труп! – комментирует Виктор.

– Пожалуй, неплохо бы поспать, ребята, завтра нас ждет еще один долгий день... – заключает Лев, поправляя постель и надеясь во сне встретиться с Аней, так же, как Виктор – с Лидией.

Авиабаза Тушино, 07:00. Лидия, готовая к посадке, дотошно записывает всю информацию об экспедиции: сколько контейнеров, какую технику везут, и даже температуру и влажность воздуха. Вместе с ней отправляются на борт доктор Валк, Хмельницкий, Нохчий и Самани, и еще целая команда геологов и прочих работников. Они погружают свой багаж в самолет и готовятся к путешествию. Кроме докторов и Лидии, никто больше не знает о настоящей цели экспедиции. По официальной версии ученые едут собирать образцы почвы для исследования геологического состава архипелага.

– Скажите, Вы часто летаете на север? – спрашивает Лидию один из членов экспедиции, неуклюже заигрывая.

– Только когда хочу побыть одна, – сухо отвечает девушка.

Мужчина смущенно удаляется и идет проверить буровую технику на борту самолета. Лидия в этот момент думает о своей холодности к противоположному полу. Однажды Анта-

нас сказал ей, что вся ее ненависть – от отсутствия ласки. Ее сухость и грубость в отношении к людям – это крик о внимании и нежности. Она посмеялась над комментарием коллеги и сказала, что ненавидит весь мир из-за того, что ненависть – одна из последних пока еще бесплатных вещей. «За любовь тоже не платят», – ответил Антанас, женатый, отец двоих детей.

– Добро пожаловать, товарищ Кайсина! – улыбаясь, встречает ее доктор Валк.

– Спасибо, доктор. Все готово? – уточняет офицер, делая последние записи перед отправлением.

– Да, осталось только занять свое место, взять хорошую книгу и взлететь! – отвечает доктор, всегда веселый. Он украдкой заглядывает в записи Лидии, но ничего не понимает, ведь они на удмуртском – языке из той же группы, что и его родной эстонский, но на этом сходства заканчиваются.

Они присоединяются к остальным, и огромный самолет закрывает двери, собираясь взлететь. Пилот запускает турбины и выезжает на полосу, в легкой дымке холодного майского утра.

– Вот увидите, не успеете и глазом моргнуть, как уже вернемся... – успокаивает доктор Валк агента, которая летит впервые в жизни и очевидно нервничает.

Самолет быстро разгоняется, наконец отрываясь от земли. Первоначальный страх Лидии исчезает, как только перед ней открывается великолепный пейзаж: внизу простираются обширные весенние леса Подмосковья, которые с высоты похожи на огромное зеленое море с островками дачных участков. Грузовой самолет летит спокойно, ровно пересекая облака, и это снова пугает агента, которая беспокоится, не пошло ли что-то не так, раз ничего не видно. Прежде чем сказать что-либо, она осматривается и видит, что пассажиры не подают признаков тревоги, и тоже успокаивается. Самолет набирает высоту и поднимается над облаками, теперь под ним – сюрреалистичный пейзаж бесконечного белого поля, как будто покрытого плотным снежным ковром, освещаемым утренним солнцем.

– Красота, правда? – обращается Эндель к агенту.

– Еще какая... – отвечает Лидия, восхищенная пейзажем.

– Вам следует как-нибудь полетать над Уралом. Вершины гор с высоты прекрасны!

– Вы уже их видели?

– Нет... Но я уже летал над Кавказом и Алтаем. Я бы хотел увидеть Анды с высоты, но это уже сложнее. Вы знаете, как трудно выехать из нашей страны, тем более такому человеку, как я, занятому государственными делами...

«Государственные дела» доктора Валка – это секретные кремлевские проекты. На самом деле, этот ученый настолько важен, что советская власть не разрешает, чтобы его фотографировали, снимали на видео, или еще каким-либо образом раскрывали его личность. Ходят слухи, что и Эндель Валк – не его настоящее имя. Эстонец участвует в крупнейших проектах Советского Союза: от постройки ядерных заводов до космических программ.

Довольно скоро самолет совершает посадку на архангельской авиабазе. Там экспедицию ожидают военные грузовые автомобили с солдатами, готовые к сопровождению техники в порт, где их ждет легендарный ледокол «Ермак». Судно, построенное еще для флота Российской империи, носит имя Ермака Тимофеевича, казачьего атамана XVI века, который внес весомый вклад в поразительное территориальное расширение Российской Империи, захватив татаро-монгольские земли Сибирского Ханства, откуда и происходит название Сибирь.

– Какая ирония – назвать такое мощное судно в честь уюпленника, – комментирует доктор Самани, рассматривая крепкий корпус ледокола.

– А может, это намек на судьбу корабля, – говорит Хмельницкий. – Только бы он не потонул во время нашей экспедиции...

Лидия фотографирует корабль и груз, пока ученые беседуют об истории. Она не просто так постоянно находится рядом с ними, у агента есть прямое указание избавиться от того, кто расскажет о реальной цели экспедиции.

Корабль отчаливает вместе с экипажем, быстро отдаляясь от берега в сторону ледяной Новой Земли. Расстояние немалое, но ледоколу нетрудно его преодолевать, он величаво плывет по лабиринтам Белого моря, направляясь в негостеприимное Баренцево море, омывающее западный берег архипелага.

– А Белое море-то совсем не белое, – замечает Нохчий, самый тихий из группы ученых. – Оно синее.

– Не может быть, Алмаст! – иронизирует Валк. – Может, и Черное море не черное? А Красное не такое уж и красное? А как насчет Желтого?

– Наверное, это из-за снега, – предполагает Нохчий, который никогда не отличался глубокими познаниями в истории и географии. Этого физика, занятого в развитии советской ядерной программы, отправили в экспедицию, так как знания ученого могут помочь в изучении процесса, описанного в инструкции к машине времени, касательно ядерных частиц загадочного минерала, используемого для работы аппарата. – Черное море – из-за нефти, Красное – из-за крови воинов бесчисленных цивилизаций, а Желтое – потому что китайцы в него писают, – делает он выводы. – Причем их так много, что скоро можно будет весь Тихий Океан назвать Желтым Морем!

– Ха-ха-ха! Я не могу, Нохчий! – смеется географ Камал Самани, услышав объяснение коллеги. – Но в одном ты прав: Белое море так называется потому, что большую часть времени оно находится подо льдом и, как результат, белое. Насчет других есть разные теории. Например, говорят, что Черное море обязано своим названием туркам, которые обозначали цветами стороны света, и черный у них – это север. Красное море так называется из-за особого вида бактерий, которые периодически появляются на берегу Египта и создают химическую реакцию, из-за которой вода окрашивается в красный, хотя есть и более исторические теории, утверждающие, что море названо так из-за египетской пустыни, которой древние народы дали имя «красная земля».

– Как интересно, товарищ Самани! А Желтое море почему так называется? – спрашивает Хмельницкий.

– Из-за ила и песка на китайском берегу, от которых море выглядит желтоватым, – объясняет географ. – С корейской стороны оно уже другое, и там его называют Западным, что с их точки зрения намного логичнее, учитывая географическое расположение.

– Так и мы Балтийское море называем *Läänemeri*, ведь оно находится на Западе от Эстонии, – вмешивается Валк. – Кстати, название «Балтийское» происходит от корня *balt*, что означает «белое» на литовском и латышском. То есть для них «белое» море – это Балтийское!

– По крайней мере, вы в курсе географического расположения моря. Вот норвежцы называют Северное море... Северным, хотя оно находится на юге от Норвегии, – комментирует геолог Хмельницкий.

Устав записывать разговоры ученых, Лидия решает прогуляться по кораблю, чтобы проверить груз. Агент чувствует себя одинокой и думает о Викторе: хорошо бы он был рядом. Ей остается только надеяться, чтобы экспедиция закончилась поскорее, тогда она сможет вернуться в Москву, но как найти солдата? Девушка не знает, как себя вести в такой ситуации.

Корабль причаливает к Малым Кармакулам на Южном острове архипелага. Там экипаж встречают солдаты с местной базы и проводник.

– Добро пожаловать! Большая честь для нас принимать экспедицию из столицы! Меня зовут Антон Васильевич Варзугин, я буду вашим проводником по этим живописным просторам! – дружелюбно представляется блондин, помогая спустить багаж ученых.

– Спасибо, товарищ Варзугин, правда, мы сюда не на экскурсию приехали, – отвечает Нохчий.

– Разумеется! Но это не мешает нам быть гостеприимными, – возражает проводник.

Антон Васильевич проводит небольшую экскурсию по полярной станции, которая больше всего напоминает призрачный хутор.

– Вон там мой дом, а там – наш склад. Дальше вы можете увидеть наше здание администрации, – показывает проводник.

– А что там? – спрашивает Лидия, заметив горку около четырех метров в высоту.

– Это наш курган, исторический памятник, в честь жертв столкновения с ненецкими повстанцами в 1917 году. Не знаю, известно ли вам, что имперская власть прислала несколько ненецких семей, чтобы колонизировать остров и показать норвежцам, нашим давним соперникам, что у этой земли есть хозяин. Но поселенцы восстали против русского начальства и бежали с определенного для них места. Несколько экспедиций пытались вернуть беглецов, но все безуспешно. В последней, когда группа моряков из Архангельска отправилась за дикарями, в живых остался только один мужчина, который пересек тундру верхом на олене, ставшим его единственным спутником в долгой дороге. Представляете, они стали настоящими друзьями! Этот мужчина, Олег Александрович, дал оленю имя – Ваню. Он вернулся сюда без памяти, после сражения с ненцами, поэтому неизвестно точно, что произошло, и больше не появлялось никаких известий ни о моряках, ни о дикарях. Мой отец погиб в той экспедиции, он был проводником, – грустно рассказывает Антон Васильевич.

– Значит, Олег похоронен в этом кургане? – уточняет Валк.

– Нет-нет! Он наверняка жив до сих пор, хотя память к нему так и не вернулась, чтобы прояснить случай с ненцами. Там похоронен Ваню. Моряк много раз возвращался навестить его, приплыл даже на похороны. Зверь прожил более 20 лет, а это, между прочим, рекорд для оленей! Этот курган – не просто могила животного и дань памяти погибшим соотечественникам. Это символ дружбы человека и оленя, очень важного в этих местах животного.

Лидия фотографирует курган, хоть и знает, что он не важен для ее отчета. История проводника показалась ей трогательной. Словно она сама увидела, как мужчина прибывает сюда на спине оленя, ему помогают жители станции... Какую кровавую историю хранит эта внешне спокойная тундра?

Разведывательная экспедиция с Лидией, докторами и несколькими местными солдатами, отправляется на военных автомобилях к месту, указанному на карте, в горном районе недалеко от Маточкина пролива, на северо-западе Южного острова.

Пейзаж настолько же красив, насколько суров и негостеприимен. Загадочная тундра простирается далеко по полям и плоскогорьям. Снежные вершины напоминают, что возвращение характерной для этих мест суровой зимы – лишь вопрос времени. Так же и с Лидией. Ее сердце – как эта земля, одинокое и суровое, невыносимым холодом отдаляющее любого, кто пытается приблизиться.

– Судя по карте, это должно быть где-то здесь, – говорит доктор Валк, приближаясь к месту, отмеченному в инструкции.

Автомобиль останавливается, и пассажиры выходят, начиная поиски породы, содержащей так называемый арктикум. Пока исследователи готовят устройства разведывания почв, Валк поднимается на холм посмотреть на окрестности с высоты. Лидия следует за ним, не желая упускать редкий момент, когда можно поговорить с доктором с глазу на глаз.

– А Вы никогда не задавались вопросом, кто написал эту инструкцию? – спрашивает Лидия.

– Наверняка это человек, который мог бы много интересного рассказать, – отвечает ученый.

– Неужели машиной так и не смогли воспользоваться? Описание настолько подробное, что, мне кажется, его автор путешествовал во времени, потому что он точно знал, что и как должно происходить.

– Пожалуй, этого мы никогда не узнаем. Если и смогли, то возможно, наш сегодняшний мир, – результат этого путешествия. Лично я полагаю, что Гитлер не пользовался машиной, иначе мы бы не выиграли войну.

– Понятно... – задумчиво говорит агент. – А вот еще интересно, как же немцы узнали об этом минерале, если он находится в таком далеком регионе, даже для нас. И как смогли его добыть? Полагаю, что они использовали этот элемент по крайней мере на каком-нибудь уровне создания машины.

– Наверное, они сотрудничали с кем-нибудь отсюда, но как и когда это произошло – остается загадкой.

Они смотрят на горизонт, где в нескольких километрах от них виднеется море. Разноцветная скудная тундровая растительность пробивается отовсюду, будто соперничая со снегом. Почему-то это дает Лидии надежду и спокойствие. Тундра – это жизнь, а жизнь всегда пробьет себе путь.

Проходит несколько часов, и члены группы начинают уставать. Геологические анализы почвы не совпадают с данными инструкции. Как бы тепло ни были одеты специалисты, они все равно начинают замерзать из-за долгого времени на морозе – около трех градусов ниже нуля.

– Я думаю, что эти сволочи фашисты только и хотели нас запутать, – тихо говорит Нохчий Хмельницкому. – Этот аппарат, небось, и не работает вообще. А карта может быть просто розыгрышем, чтобы мы потеряли время. Как вообще можно было подумать, что главная цель фашистов – вот эта никчемная земля!

– Спокойно, товарищ Нохчий. Мы только что прибыли на остров. Такая разведывательная экспедиция может занять несколько дней, тем более учитывая огромную территорию вероятного местонахождения минерала, – объясняет Хмельницкий, анализируя образец почвы.

Физик пожимает плечами. Не имеет смысла просто так сдаваться и уезжать спустя несколько часов после начала работ, помня, какой долгий путь они проделали. Сам Нохчий не хотел участвовать в экспедиции, даже зная, насколько она важна, но его заставили отправиться вместе с остальными по причине секретности. Сталин настоял, чтобы Лидия наблюдала за ним и другими учеными. Рыжая красавица – идеальный агент для этой операции. Она не нагоняет страх, как ее крупные и агрессивные коллеги, и может наблюдать за ситуацией, будучи невидимой и неслышимой. В этот самый момент девушка следит за недовольным ученым.

– Товарищ Нохчий, что-то не так? – заботливо интересуется Лидия.

– Нет, просто я чувствую себя бесполезным, – отвечает физик.

– Ну, пока Вы можете наслаждаться пейзажем. Не каждый день видим тундру, правда?

– Я вырос в Мурманске, – сухо говорит доктор.

– Ах, да... – бормочет рыжая, будто извиняясь.

– Пойду развеюсь немного, – говорит физик, удаляясь от группы.

Нохчий отправляется в сторону гор, дойдя до небольшой вершины, где он усаживается на камень и смотрит вдаль.

– Если фашисты хотели поиздеваться, могли бы послать нас прямо на Камчатку, – бурчит физик себе под нос.

Ученый быстро устает: сидеть на холодных острых камнях неудобно – и решает вернуться попить или перекусить. На спуске он поскользывается, теряет равновесие и падает, катясь по камням.

– Чтоб тебя!.. – ругается Нохчий.

Поднимаясь, он замечает, что земля под снегом здесь отличается от почвы, которую он видел в поле с исследователями. Возвышение, на котором он находится, состоит из темных камней с матовым, может быть, металлическим блеском. Они ни за что не привлекли бы его

внимание, если бы ученые не искали камни с таким же описанием. Физик берет образец и спускается к остальным.

– Друзья! Посмотрите, что я нашел! – кричит Нохчий Хмельницкому и Валку.

– М-м-м, как интересно, – говорит Валк. – Что бы это могло быть? Дайте-ка я придумаю название. Как вам, например, «камень»? – шутит доктор, согреваясь рюмкой водки на пару с другом. – Давай, Алмаст, по пятьдесят?

– Вот клоун! Ты разве не видишь, что этот камень похож на тот, что вы ищете? Он темнее, с матовым блеском. Я нашел его там, на горе! – физик указывает в сторону, откуда только что вернулся.

– Дай-ка посмотрю... – заинтересовывается Хмельницкий. – Похоже, здесь разные элементы, сложно определить невооруженным глазом. Пойдемте, посмотрим на него с нашей техникой.

Измельчив камень и разделив его на компоненты – большинство без особой значимости, доктор Хмельницкий находит элемент синего цвета, привлекающий его внимание.

– Арктикум, описанный в инструкции, похож на это, верно? – спрашивает геолог.

– Это правда! – соглашается доктор Валк, восторженно рассматривая маленький фрагмент в руке доктора с помощью лупы.

Лидия, которая неотлучно наблюдает за процессом, фотографирует находку.

– Вы правда думаете, что этих камешков достаточно, чтобы запустить машину? – спрашивает девушка.

– Ну, нам нужно гораздо большее их количество, – отвечает Хмельницкий, подготавливая элементы для анализа.

– Я прямо сейчас отправлю группу на Нохчий холм! – распоряжается Валк.

Члены группы быстро добираются до каменного возвышения и продолжают работу. Результаты предварительного анализа показывают, что гора представляет собой аномалию в геологическом составе региона. Так называемый Нохчий холм практически весь состоит из породы, содержащей арктикум, при том, что нигде, кроме небольшого участка вокруг возвышения, она больше не встречается.

– Как будто кто-то указал сюда: «Да будет арктикум!» – иронизирует Самани.

– Но, может быть, это всего лишь одно из месторождений, возможно, есть и другие? – сомневается Лидия.

– История науки не знает ничего подобного, товарищ Кайсина, – отвечает Валк. – Этот минерал не соответствует ни одному элементу таблицы Менделеева. Он вообще не должен существовать, согласно современным теориям химии и квантовой физики. Если и есть другие месторождения, то они пока не известны человечеству.

– Не знаю как вам, товарищи, но мне кажется, что этот холм, на самом деле, огромный метеор, который упал на Землю миллионы лет назад, – серьезно говорит Хмельницкий.

– Не может быть! – возражает Самани. – Тогда здесь должен был быть огромный кратер!

– Да я знаю, Камал, но это могло случиться миллионы или даже миллиарды лет назад! Кроме того, возможно, это лишь фрагмент еще большего метеора, который упал на дно Северного Ледовитого океана. Наверное, он отделился от основного тела во время падения, уже внутри атмосферы, поэтому сила столкновения была меньшей.

– Это объясняет, почему элемент не обнаружили раньше, ведь он встречается только в этом отдаленном регионе, – говорит Валк.

– Пока это все догадки. Необходимо провести геологическое исследование региона, чтобы выяснить, правда ли этот минерал встречается только здесь и имеет ли он внеземное происхождение, – критикует коллег Нохчий.

– В любом случае, я думаю, что если вся гора состоит из этого камня, то его хватит для начала, чтобы вернуться в Москву, – объявляет Хмельницкий. – Помните, что наша экспе-

лидия носит предварительный характер и у нас не так много времени. К тому же, мы даже не знаем, заработает ли эта машина.

Ученые соглашаются и продолжают работать. Лидия, как обычно, регистрирует все происходящее, в том числе, и разговоры о возможном внеземном происхождении камня. Доктор Валк запрашивает у экипажа «Ермака» доставить оборудование к Нохчему холму.

Раскопки занимают около двух дней, удается добыть более тонны камня. Это достаточное количество, чтобы получить около ста килограммов чистого арктикума, согласно расчетам Хмельницкого, основанным на данных инструкции. С таким количеством можно отправиться на века в будущее или в прошлое, или на меньшее время, но с большей группой людей.

Погрузив ценный камень на «Ермак», экипаж покидает Нохчий холм и, попрощавшись с Антоном Васильевичем и военными с местной базы, отправляется в обратный путь, на Москву.

– Бедные, остаются на этом пустынном острове, – комментирует Самани, глядя на станцию издалека.

– Учитывая, что совсем недавно нас могли захватить фашистские войска и мы потеряли миллионы жизней в самой кровавой войне в истории человечества, они правильно делают, что остаются там, – возражает Нохчий.

– Да, фашисты не смогли захватить даже Москву, а уж тем более добраться сюда. С другой стороны, если бы они выиграли войну, это было бы первое место, куда бы они отправились. Архипелаг был их главной целью, – говорит Самани.

– Интересно, почему же тогда они не приехали сразу сюда? – спрашивает Нохчий.

– Представь себе, каково это – отправить из Германии на Новую Землю такую же большую экспедицию, нет, еще бóльшую, чем наша? Каким бы самонадеянным ни был Гитлер, он понимал, что это самоубийство. Вместо этого он придумал взаимный договор о ненападении, чтобы затем коварно атаковать нас, захватить Москву и получить контроль над всей страной, как он и сделал в Европе.

– Ценой миллионов жизней, с обеих сторон... – вздыхает физик.

– Да, таких кровожадных тиранов, как Гитлер, Германия еще не видела. С другой стороны, с помощью машины времени он мог бы все изменить и автоматически спасти жизни солдат, которые никогда не отправились бы на войну. Другой вопрос – какую именно эпоху он захотел бы изменить. Последствия могли бы быть непредсказуемыми, – отвечает Самани.

– Нет никаких сведений о его планах на машину? – спрашивает Нохчий.

– Нет, насколько мне известно, – отвечает Лидия, которая, к удивлению ученых, все это слышала. – Осторожно с такими разговорами, товарищи. У стен есть уши.

– Простите, товарищ Кайсина! – хором говорят испуганные ученые.

Девушка отправляется прогуляться по палубе, глядя на холодное Баренцево море, и встречает доктора Валка, смотрящего вдаль.

– Любуется пейзажем? – спрашивает агент, с нотками иронии в голосе. В сером суровом море отражается хмурое небо, затянутое тучами.

– Да, моя дорогая. Когда есть такая возможность, мне нравится смотреть на горизонт. Это дает мне новые идеи для ответа на главный вопрос жизни, Вселенной и всего такого.

– А о чем Вы сейчас думаете? – спрашивает Лидия, как всегда, собирая информацию для отчета.

– Думаю, что так же, как этот корабль пересекает моря и открывает новые горизонты, машина, должно быть, преодолевает времена и открывает новые эры. А вот какие они – нам еще предстоит узнать.

Оба молча смотрят вдаль. Возможности бесконечны, а им остается только выполнять задание, чтобы узнать, какая судьба их ждет.

По возвращении в Москву, груз отвозят в секретную лабораторию в окрестностях советской столицы, где элемент выделяют из камня и формируют небольшие цилиндры, как указано в инструкции. Сталин решает перевезти машину времени в эту же лабораторию, чтобы сразу проводить эксперименты и ускорить процесс, к тому же, инфраструктура здесь более развитая, чем в кремлевском подземелье. После добычи арктикума у ученых наконец-то есть все необходимое для запуска аппарата.

– Готовы? – спрашивает Валк, готовясь к запуску заряженной машины времени.

– Да, – отвечают Хмельницкий, Нохчий и Самани. Лидия сопровождает ученых во время процесса, фотографируя и записывая все детали:

«Из соображений безопасности ученые решили сначала провести эксперименты с лабораторной мышью. Зарядив цилиндр достаточным количеством арктикума для отправления во времени на несколько месяцев, они провели через портал мышь, названную Борисом. Продолжительность путешествия во времени определена 5-ю минутами. С помощью клавиатуры, расположенной на одном из выдвижных стрелок аппарата, доктор Валк ввел точное время и направление, куда должен отправиться грызун, в данном случае – будущее. Начальное время эксперимента – 14:00 по московскому времени, Борис отправлен в 14:05. В момент включения аппарата на всем пространстве между стрелками портала появилось белое свечение. Согласно планам, Борис прошел через этот портал в 14:00 и полностью исчез, вместе с машиной. В 14:05 машина появилась на своем изначальном месте. Через портал прошла невредимая мышь, которую ученые визуальным образом исследовали и не нашли видимых изменений. Конец эксперимента».

– Ура! – кричат ученые, обрадованные положительным результатом эксперимента.

– Тост за нашего героя, крыса Бориса! – объявляет Самани, разливая водку по стаканам. – Выпьем за его подвиг и смелость стать первым известным нам путешественником во времени!

Ученые поднимают стаканы, в то время как Лидия, отказавшись от алкоголя, фотографирует лабораторную мышь.

– Вы же не будете писать в отчете, что мы тут выпиваем, правда? – спрашивает Валк шутливым тоном, немного нервничая.

– Не волнуйтесь, мои записи исключительно об экспериментах, – успокаивает Лидия.

Доктор кивает ей, улыбаясь, и обращается к коллегам:

– Ну что, друзья, кто следующий отправится в портал?

– Нужно провести еще несколько опытов, чтобы глубже изучить процесс. Кроме того, необходимо поместить товарища Бориса в карантин, чтобы изучить возможные последствия эксперимента, – отвечает Хмельницкий.

– Но уже можно сообщить товарищу Сталину об эффективности аппарата? – уточняет Лидия.

– Да, товарищ Кайсина, но важно отметить, что мы пока работаем в экспериментальном режиме, – говорит доктор Валк.

Чем меньше народу вовлечено в проект, тем лучше. За успешную работу в советских спецслужбах во время Второй мировой войны Лидия заслужила доверие Сталина, который предпочел никого больше не подключать к проекту. Чтобы никто не воспользовался машиной тайно, диктатор приказал заключить ее в помещение, закрытое на пять замков – по ключу у каждого доктора, и еще один у агента.

Глава I. Однажды в Арктике

Сильная метель заносит поселение ненцев вблизи Маточкина пролива, на архипелаге Новая Земля. Мороз достиг двадцати градусов ниже нуля, а ветры превзошли порог в 70 км/ч. Ненцы, кочевой народ российского севера, собираются в чуме. Во времена холодов и сильных метелей, как теперь, они зовут *тадебя*, местного шамана, который умеет говорить с духами природы в критические моменты.

Тадебя исполняет специальные танцы и ритуалы, но мороз только крепчает. Похоже, что духи природы больше не слышат его, может, оттого что, будучи мудрыми, они впали в спячку, как медведи.

Мюсена, один из воинов, поднимается и кричит *тадебя*, указывая на находящегося среди них иноземца, закутанного в тяжелое покрывало из медвежьей шкуры и стонущего от жара:

– Это чужак виноват, что духи нас не слышат! Я предупреждал, не нужно было его подбирать! Он ест нашу еду, которой и так не хватает, укрывается шкурой медведя, которого так сложно было убить, а теперь еще и мешает ритуалам! *Тадебя*, принесите его в жертву во благо нашего народа, и духи наконец нас услышат!

Шаман молча и терпеливо слушает речь воина, замечая, что часть поселенцев соглашается с ним. Неудивительно, что ненцы настороженно относятся к иноземцам, особенно после недавнего столкновения с русскими. Он мог бы объяснить землякам, что не все русские плохие и что этот исследователь действительно прибыл с миром, но сейчас на это не было времени. Шаман знает, что вовсе не присутствие иноземца мешает им в ритуалах, это мать-природа, столь же могучая, сколь и капризная, всегда преподносит сюрпризы тем, кто пытается обуздать ее. Поэтому принесение в жертву чужака не обязательно разрешило бы проблему – напротив, эта жертва могла бы стать еще одной причиной очередной смертельной и бессмысленной войны между ненцами и русскими.

– Постойте, – говорит шаман.

Мюсена, хоть и был самым сильным и бесстрашным воином в поселке и говорил громче всех, замолкает, прислушиваясь к спокойному шаману. Метель, кажется, усилилась, угрожая разрушить чум, который дрожит не переставая.

– Если мы хотим найти выход, если мы хотим связаться со старым духом земли, то должны объединить свои силы, а не тратить их на пустые споры.

Услышав о «старом духе земли», все вздрагивают. Имеет ли он в виду Нга, легендарного бога подземного мира, того, кто держит всех нас на своих плечах, того, чей единственный чих может покончить с нашим существованием? Действительно ли Ясавэй, старый шаман, думает вызвать его, впервые за долгие годы?

Уже давно Ясавэй не обращался к Нга, со времен последней сильной метели, много зим назад. Трудность ритуала в том, что для него нужно много человеческого тепла и минерал, который можно найти лишь в одном месте на архипелаге, не всегда доступном, так как ненцы часто кочуют. Тепло, излучаемое жизненной энергией человека, направляется на камень, который не имеет имени, из-за своей сакральной значимости для связи с подземным миром. Именно для таких экстремальных ситуаций *тадебя* всегда носит с собой кусок камня, который сопровождает их группу всякий раз во время переселения, но используется он только в редчайших случаях. Самое молодое поколение ненцев знает об этом обычае только понаслышке, предполагая даже, что это всего лишь миф.

Этот ритуал передается у *тадебя* от отца к сыну. Отец Ясавэя, мудрый Папако, дал сыну последний урок в жизни, обучив этому ритуалу, хотя духовно он сопровождает *тадебя* до сих пор. Папако всегда говорил: «Тот, кто может вызвать Нга, властен над временем». Хоть и предупреждал, что Нга – бог подземелья и тьмы, он не любит, когда его беспокоят, и, разбудив

духа без должной причины, можно навлечь на себя его гнев. Однажды, по легенде, вызванный во второй раз за зиму, Нга заставил землю трястись, как никогда раньше. Казалось, что мир перевернется, будто медведь, разбуженный во время спячки. До тех пор земля Сиртя была одним целым, но это мощнейшее землетрясение разделило ее пополам, на нынешние Южный и Северный острова, называемыми русскими Новой Землей. Поэтому ритуал для Нга выполняется только тогда, когда ни один другой из многих ненецких шаманских ритуалов не дает результата, и ситуация действительно серьезная.

Впервые Ясавэй вызывал Нга много зим назад, на полуострове Ямал, на континенте. Ясавэй был еще совсем молодым. Его отец недавно умер, и вся ответственность за духовную жизнь поселка обрушилась на его плечи. После попытки исполнить все ритуалы, что он знал, без особых результатов, ненцы стали подозревать боязливого новоиспеченного *тадебя* в профессиональной непригодности и, как можно было ожидать, сравнивали его с отцом, которого безмерно уважали. Казалось, сын не унаследовал талант своего отца. Яса, как его называли в детстве, слишком нервничал. Папы больше не было рядом, он не мог помочь, и давящая ответственность за спасение народа в экстремальной ситуации приводила Ясавэя в отчаяние. Вызвать Нга было сложной задачей, любая ошибка могла стать роковой для них: Нга мог не услышать призыва, и метель покончила бы с поселением, или, еще хуже, Нга мог быть вызван неправильно и заставить землю трястись, поглощая все и вся. Любой из вариантов был благоприятнее, чем бездействие и перспектива быть поглощенными метелью по своей же вине. В этот момент появилась Еля, мать Ясавэя, которая со дня смерти мужа не произнесла ни единого слова. Она подошла к сыну, напряженному, глядевшему на нее глазами, полными слез. Обняла его и сказала:

– Мне приснился твой отец. Он уверен, что у тебя получится.

Эти слова наполнили сердце Ясы уверенностью и легкостью, развеяв его страхи. Всем известно, что камень Нга может изменять время, и наверняка Папако видел будущее и точно знал, что его сын сможет вызвать старого духа земли. Ясавэй поблагодарил мать, поцеловав ее руки и слегка прикоснувшись лбом к ее губам. Поднялся и произнес заклинание, которому его учил отец:

– «О почтенный Нга / Мы смиренно просим прощения / Потревожив Твой сон / Нам нужна Твоя помощь / Верни нам, просим / Спокойные времена / Когда мир царит на поверхности / Отсрочь наши смерти».

Каждый стих представляет начало и конец каждого времени года, воплощая бесконечный цикл времени, который вращается вперед или назад, в зависимости от воли богов. Затем *тадебя* должен произнести те же стихи в обратном порядке, не изменяя смысла заклинания, но символически обращая вспять временной цикл. Потом, во время всеобщего обмена энергией вокруг камня, привезенного из земли Сиртя в незапамятные времена, шаман исполняет ритуальные песни и танцы в честь Нга. Так и было сделано, и в конце ритуала, когда Яса вбил теплый камень в землю, несколько минут прошли в напряжении, пока чум трясло от сильного ветра. Все смотрели на друг друга в тревожном ожидании, все, кроме Ели, которая сидела так тихо, что казалась равнодушной к происходящему. Через несколько мгновений чум перестал трястись, метель прекратилась и потеплело. Все закричали от радости и заулыбались, как дети, обнимая Ясу, которого после этого стали называть полным именем – Ясавэй, и признали могучим *тадебя*. Обняв мать, он радостно закричал:

– Папа был прав! Папа был прав!

– Я солгала, – сказала Еля без особых эмоций.

– Значит, он тебе не снился? – удивленно спросил Ясавэй, на что она покачала головой:

– Если бы я не сказала тебе то, что сказала, ты бы слишком нервничал и не смог бы вызвать духа, как твой отец. Он так же нервничал, как и ты, и это я научила его контролировать эмоции. Научись управлять своими чувствами, и ты станешь великим *тадебя*.

Этот урок навсегда остался в памяти Ясавэя.

В тишине шаман ищет в небольшом мешочке из медвежьей шкуры фрагмент камня, его форма похожа на пирамиду, он темный, как комок земли, *тадебя* медленно поднимает его, шепча заклинание. После этого он гасит небольшой костер, согревавший чум, и опускает камень в центр круга, в который собрались поселенцы. Нга также известен как бог смерти, так что сохранять их жизни не входит в его обязанности. Тем не менее, он любит темноту и соблазняется мыслью об отсрочке смертей его приверженцев, ведь так он получает еще большее удовольствие от поглощения их душ, когда они отправляются в загробный мир. Человеческое тепло, собранное во время ритуала, – это немного жизненной энергии, которую ненцы приносят в дар Нга, чтобы отсрочить свою смерть.

Всего собралось около пятнадцати человек, включая чужака, который находится вне круга из-за болезни. Необходимо, чтобы все действовали вместе, двигаясь ритмично, то ускоряясь, то замедляясь, вперед и назад, прикасаясь к камню руками. Для этого они делятся на две группы, перемежаясь. Пока один человек передает тепло своего тела камню, другой растирает ладони и согревает их дыханием, ожидая своей очереди, и таким образом движение, похожее на танец, не прерывается. В это время *тадебя* произносит заклинания и песнями просит Нга о помощи. После шестидесяти последовательных движений передачи тепла, Ясавэй опускает руки на камень, убирает медвежью шкуру, покрывавшую пол, а затем, повернув камень острой частью вниз, прочно вбивает его в землю. В этот момент все замолкают, слышно только, как трясется в лихорадке чужак. Проходит несколько минут, но, к ужасу поселенцев, метель не утихает. Тогда Мюсена берет кинжал, направляясь к иноземцу со свирепым видом:

– Я покончу с этим проклятым русским! Это он мешает нашим ритуалам!

Некоторые пытаются остановить его, в то время как матери закрывают детям глаза, страшась ожидаемой сцены насилия. Но видят они совсем другое. В дрожащей руке иноземца – яркое пламя. Ненцы раскрывают рты от удивления, видя, что человек держит огонь в голой руке не обжигаясь. Зажигалка была еще относительно новым изобретением, редким даже в столице. Мюсена отступает, думая, что это какая-то адская магия белого дьявола, но вскоре его внимание обращается к Ясавэю, который отстраняет воина, легко тронув его за правое плечо, и направляется к чужаку. Он берет пылающий предмет из руки иноземца и видит в нем идеальный и непревосходимый дар для Нга, раз именно это устройство отсрочило смерть чужака, которая ожидала его от рук Мюсены или от лихорадки, если метель не закончится. Затем *тадебя* направляется к камню, вынимая его из земли и осторожно нагревая его вершину, не поднося пламя слишком близко. Все замирают в молчании, глядя на это действие. Ненцы в недоумении, что это за волшебное пламя и как это возможно – нагревать им камень Нга. Вскоре Ясавэй вновь вбивает камень в землю, тихо произнося заклинание, едва слышно шевеля губами.

Ненцы снова замирают в опасении, наблюдая, что будет дальше. Но вот чум перестает трястись – это знак, что ветер, мучивший его, стихает. Тепло, исходящее от людей, теперь уже не рассеивается так быстро, из-за чего температура внутри чума быстро повышается. Все встают, радостно обнимаясь. Шаман кладет камень обратно в мешочек и начинает медитировать. Наконец, усталые, поселенцы укладываются спать.

Проснувшись и приходя в себя от лихорадки, Петро видит вокруг спящих ненцев. Не спит только *тадебя*, он сидит в медитативной позе с закрытыми глазами. Словно почувствовав, что за ним наблюдают, он открывает глаза – черные, колючие, будто сверлящие Петра, который, не ожидая этого, отводит взгляд.

– *Вындер...* – говорит Ясавэй, – *Ханзер» илен?*

Петро смущенно улыбается. Старый *тадебя* только что назвал его «жителем тундры». Ирония это или нет, но значит, в какой-то степени, его признали своим.

– *Сава*, – «хорошо», отвечает Петро на вопрос старца. Его тело все еще ломит, но похоже, что температура спала. – Что это за камень? – спрашивает Петро на корявом ненецком с сильным русским акцентом.

– Подарок Нга, – отвечает Ясавэй, указывая вниз.

– Он меняет небо... – восхищается Петро.

– Нет. С его помощью возвращаемся в спокойные времена, – отвечает шаман, жестикулируя и говоря медленно, с паузами. – Ты нам помог. Без твоего огня мы бы погибли.

– Вы мне помогли. Без вас я бы умер, – улыбается Петро. – Как вернуться в спокойные времена?

– Однажды Нга спас мир и подарил этот камень народу. С помощью камня мы говорим с ним. Он возвращает во времена, когда все было в порядке.

Это «возвращает во времена» привлекло внимание Петра. Буквально ли *тадебя* говорит о путешествии во времени, или он неправильно понял? Спокойные времена, насколько помнит Петро, это воображаемое время, связанное с идеей рая в различных культурах. Возможно, именно это шаман имеет в виду, но кажется, будто камень и правда возвращает во времени. Ясавэй показывает ему камень, Петро рассматривает его при свете костра. Он имеет слегка пирамидальную форму и матовый блеск, возможно, из-за металлических элементов в его составе. При других обстоятельствах Петро и не обратил бы внимания на этот камень. Тогда он вспоминает, что видел что-то подобное возле чума.

Когда он приехал в поселение несколько недель назад, это был его первый контакт с местными, то заметил похожее каменное образование, анализируя почву и типичную растительность тундры.

Первым его заметил Мюсена. Он подошел к Петру, сжимая в руке копьё и что-то крича на ненецком.

– *Ани» торова!* — поприветствовал его Петро и показал открытые ладони, в знак безоружности.

Дети поселка, игравшие на улице с самодийскими щенками, пушистыми, как снежинки, с любопытством наблюдали издали, избегая приближаться к незваному гостю, как их учил Мюсена. Петро пытался объяснить по-русски, что он друг, но безрезультатно, потому что, хоть воин сносно понимал этот язык, он не мог воспринимать человека, говорящего по-русски, иначе как врага. Собаки сразу обнюхали и начали облизывать иноземца, а значит, приняли его. Остальные жители заметили присутствие чужака и тоже наблюдали за ним, одни с любопытством, другие со страхом. Ясавэй, глядя на эту сцену, решил помочь иноземцу, говоря людям, чтобы они хорошо приняли гостя, было похоже, что он пришел с миром, и, возможно, с его помощью можно было вести переговоры с русскими. Внутри чума Петра угостили олениной, он принял еду, так как был голоден, к тому же хозяева могли бы оскорбиться отказом.

– *Ханяд тон?* – любопытствовали дети, жестами показывая, как он пришел сюда.

– *Петроградхад*, – из Петрограда, – отвечал Петро.

Жители поселка засмеялись, возможно, потому, что никогда не слышали такого слова.

– Где остальные? – злобно спросил его Мюсена.

– Я пришел один. Я не из Кармакул, и не имею ничего общего с этими людьми, я пришел помочь вам, – отвечал Петро.

Женщины и девушки, в свою очередь, хотели знать, как его зовут, и он сказал: «Петр», – они повторяли, коверкая, выходило что-то вроде «*Потер*» или «*Пиота*». Тогда он, улыбаясь, сказал: «Петро!», – и оказалось, что это имя ненецам было легче повторить. Петро посмеялся про себя, думая, как иронично получилось. Он обычно представлялся как Петр, по-русски. А здесь его приняли именно с украинским именем Петро. Как украинец, он словно лучше чувствовал народ, как если бы они были братьями, потому что у них было что-то общее: как украинцы, так и ненцы были жертвами русского империализма.

Петро сын киевлянина и смолянки. Для украинцев, особенно для семьи отца, он Петро, для русских – Петр. Его родители познакомились в Санкт-Петербурге, который позже был переименован в Петроград. Отец был инженером, а мать филологом. С детства Петро интересовался историей и культурой разных народов и читал все, что находил, о народах Российской империи: грузинах, русских, татарах, казахах, удмуртах, козаках, белорусах, эстонцах и многих других. Но больше всего его впечатляли народы севера, потому что о них было известно очень мало. Он задавался вопросом, как эти народы выживали в столь неблагоприятных условиях, если для него даже в Петербурге было уже слишком холодно. Еще в детстве Петро пытался соорудить в своей комнате чум из метел и покрывал, чтобы проверить, правду ли пишут, что такое жилище защищает от холода. Он удивлялся, почему в его городе не строили дома в форме конуса, как у ненцев, ведь так они бы лучше сохраняли тепло.

Уже подростком Петро решил, что будет изучать этнографию, чтобы записывать обычаи народов, которые традиционно не имеют письменной культуры, и неизвестны для большей части страны. Он верил, что таким образом сможет защитить их от корыстных интересов империи. Живя в столице, он замечал, что все больше и больше людей приезжали в город в поисках работы и лучших условий для жизни, и в итоге часто забывали свою культуру, как это случилось и с его отцом, Мыколой, который мигрировал в Санкт-Петербург и стал называть себя Николаем. Он редко говорил по-украински, разве что когда напевал вдруг вспоминавшиеся ему песни из детства. Поэтому Петро не выучил бы по-украински вообще ничего, если бы иногда не навещал своих родственников по отцовской линии.

Возможно, под влиянием матери он начал проявлять интерес к другим культурам. Она изучала филологию и свободно говорила на немецком и французском, помимо русского. Хорошо знала латынь и древнегреческий, которые очень интересовали Петра, так как на этих языках никто уже не говорил.

– Важно изучать прошлое, чтобы расшифровать те знания, которые оставили наши предки, – говорила мать. – Для этого мы и изучаем языки народов, которые больше не существуют, но оставили огромное культурное и научное наследие.

– Значит, мы приходим от греков и римлян? – спрашивал Петро, на что его мать отвечала:

– В некотором смысле, сынок. Давным-давно жили люди, от чьего языка произошли многие языки в мире, в том числе индо-европейская семья, к которой относятся русский, греческий, немецкий, французский, латинский и многие другие. Но помимо лингвистических теорий, я верю в общих человеческих предков, которые объединяют все народы мира.

Интересно, что мать Петра, Альфия, имела татарское происхождение, но не говорила по-татарски. Когда сын спрашивал ее о причине, она со некоторым смущением отвечала:

– Почти у всех русских есть что-то от татар, сынок. Но мало кто говорит по-татарски. Так же, как греки сегодня не говорят на древнегреческом, а древние римляне разделились на множество народов и языков; татары и многие другие народы, которые сейчас населяют Россию, сегодня говорят на общем, русском языке. Завтра таким языком может стать немецкий, арабский или китайский, кто знает...

Эта эфемерность в уклончивом рассказе матери волновала Петра: «Если одну или две тысячи лет назад никто здесь не говорил по-русски, то нет никакой гарантии, что через тысячу-две лет еще будут говорить, а даже если и будут, этот язык будет сильно отличаться от того, на котором мы говорим сегодня, настолько же, насколько язык наших предков времен Московии отличается от теперешнего русского языка».

«На атласах остается только то, что уже стало историей. Вавилон, Спарта, Теночтитлан, Карнак, – все, что дошло до нашего времени об этих цивилизациях, известно только потому, что кому-то пришлось в голову задокументировать, какой была жизнь в тех местах и в те времена, или пойти туда сегодня и попытаться „расшифровать“ их руины. Было бы замечательно,

если бы существовала машина времени, чтобы вернуться в прошлое и посмотреть, как вершилась история, или отправиться в будущее и увидеть, какими мы станем, но, к сожалению, это невозможно. Пока мы можем только документировать то, что существует сегодня, потому что даже сильнейшие цивилизации могут в один прекрасный день исчезнуть или превратиться во что-то иное. Как бы мы ни были уверены, что наша империя великая и вечная, может случиться все, что угодно, и даже если она не распадется из-за внешнего вмешательства, то изменится изнутри, под неумолимой властью времени...» – думал Петро.

Во время учебы в Петербургском университете он познакомился с Наташей, своей будущей женой, воспитанницей Смольного института благородных девиц, известного учебного заведения для девушек из знатных семей столицы. Наташа была из зажиточной купеческой семьи, и ее родственники насмеялись над идеями Петра, потому что ценили гораздо больше происходящее в Западной Европе, чем северных оленей и белых медведей. Тесть Иннокентий Петрович, однако, считал идеи зятя интересными и даже решил финансировать экспедиции Петра на север, когда тот закончил обучение. Петро завоевал расположение тестя с первой же встречи – возможно потому, что отца Иннокентия также звали Петром.

Шла Великая война, которую Петро считал абсолютно глупой. Тысячи молодых людей были вовлечены в конфликт, цели которого они сами не понимали, и погибали за царя, которого мало заботили их жизни. Петро не хотел в этом участвовать, не только потому, что он был за мир, но и потому, что не хотел прерывать свои исследования в Арктике. Иннокентий Петрович, освободивший Петра от военной службы с помощью своих влиятельных друзей, восхищенно слушал рассказы зятя о коренных народах севера, особенно о том, как, по словам Петра, когда-нибудь станет возможным быстро проехать из России в Северную Америку через Арктику, что будет угрожать выживанию и сохранению народов тундры. Что пугало Петра, то для Иннокентия Петровича означало возможность прибыли, он представлял, как сможет обогатиться, продавая меха в Северную Америку, открыв новый путь. Он сколотил состояние на продаже шуб для российской аристократии. Петро не был в восторге от такого занятия, хоть и знал, что благодаря шкурам животных человек выживает в таких холодных местах, как Россия. Как-то раз он предложил Иннокентию Петровичу разводить медведей и лисиц для убоя и производства меха. Тот лишь рассмеялся, посчитав идею абсурдной. Как это возможно – завести ферму диких зверей? Кто же будет пасти эти «стада»? Волки? Иннокентий Петрович хохотал. И все-таки Петро убедил тестя охотиться более разумно, учитывая такие природные факторы, как периоды спаривания и рождения детенышей, которые, осиротев, оказывались беззащитными и погибали.

Иннокентий Петрович жалел, что у него не было сына, который мог бы позаботиться о его делах, а была единственная дочь Наташа, которая не имела никакого таланта к управлению. В любом случае, Иннокентий Петрович приветствовал ее намерение выйти замуж после окончания учебы, ведь так у нее появится партнер, с которым она сможет вместе вести дела после смерти отца. К несчастью тестя, у Петра не было предпринимательской жилки, как только появлялась возможность, он стремился на природу. С другой стороны, это было даже хорошо, так как большая часть работы проходила на открытой местности. Петро был очень умен и имел прекрасное видение будущего, предчувствуя многие события, и за это Иннокентий Петрович любил своего зятя.

Однажды, когда кузены Наташи насмеялись над горничной, подставив ей подножку, так, что та упала, опрокинув серебряный поднос с вином бордо, и расплакалась, Петро сказал им, что в один прекрасный день бедные и угнетенные восстанут с оружием в руках и свергнут богатых и властителей, как уже было в истории, например, во время революции 1905 года, и что он хотел бы быть как можно дальше в этот день. Они смеялись и намекали, что Петро сочувствовал бедным потому, что сам был одним из них, сын хохла и татарки. Наташа заметила, что родители Петра недавно погибли в железнодорожной аварии и не стоит оскорблять их память.

Петро же, который в это время еще был в трауре, про себя вздрогнул, но внешне остался спокоен, хотя мысленно хотел бы расстрелять этих проклятых белоручек. Его родители, имевшие счастье умереть вместе во время радостного путешествия, не одобрили бы, если бы их сын потерял контроль над собой и причинил еще больше боли себе и окружающим. Петро просто посмотрел на них и ответил, что продолжать действовать таким образом только приблизит упомянутое событие. Чем больше разница между социальными слоями, тем ближе финальная классовая борьба, когда огромная масса нищих объединится, чтобы свергнуть буржуазию. «Продолжайте в том же духе, и вы увидите воочию то, о чем я говорю», – сказал Петро. И все нервно засмеялись, это был смех с примесью страха, потому что после революции 1905 года, которая принесла напряженность и политическую неопределенность, они знали, что это было очень вероятно. Смеялись же, чтобы забыть об этом, чтобы не признать свою неправоту. Позже, однако, они с горечью убедились, что Петро был прав.

В 1870-х годах российское государство привезло на архипелаг Новой Земли несколько ненецких семей, в отчаянной попытке заселить территорию, чтобы закрепить свое обладание этой землей. В норвежцах, которые появлялись там еще с варяжских времен, русские видели серьезную угрозу. Тем не менее, климат архипелага с почти непрекращающейся зимой слишком суровый, чтобы русские или скандинавы могли там постоянно жить и заявлять свои права на территорию. Попытки обеих сторон были неудачными, либо из-за географической изоляции, которая препятствовала существованию постоянного поселения, либо из-за болезней, таких, как цинга, поражавшая моряков по всему региону, либо из-за лютых морозов, особенно зимой. Однако ненцы, которые давно жили в таких условиях на континенте, лучше адаптировались к местному климату, так что они были идеальными колонистами.

Петро хотел изучать феномен переселения этого народа на архипелаг. Он видел в этом процессе что-то вроде образца того, что могло бы произойти в будущем с этой и другими нациями, переселенными или изгнанными со своих земель. Ему была интересна их адаптация и сосуществование с русскими. В Малых Кармакулах, первом русском постоянном поселении на архипелаге, расположенном на Южном Острове, Петро узнал, что процесс шел не очень-то хорошо, между русскими и ненцами появилась враждебность. Русские хотели навязать свою религию, язык и культуру ненцам, которых они считали примитивным языческим племенем, а их обычаи «варварскими» и «звериными». Ненцы, находившиеся практически в рабском положении, восстали и сбежали во время большой метели на север, на дальнюю часть острова. С ненавистью к русским, пылающей в его сердце, и жалостью к ненцам, Петро отправился на поиски последних, предчувствуя, что это решение изменит его судьбу.

Петро прибыл в ненецкий поселок один. Появиться в сопровождении гида могло бы создать впечатление, что это очередная банда русских, направленная, чтобы найти ненцев и вернуть их на «станцию», как русские называют Малые Кармакулы, и было бы похоже на правду. Также Петро не хотел вмешательства посторонних в его исследование, которое и было его настоящей целью. Кроме того, обычно в этом регионе увидеть русских означало встретить охотников, появлявшихся там в поисках меха и мяса. Поэтому ненцы по умолчанию «принимали» группы незнакомых людей в состоянии боевой готовности.

Чтобы найти и вернуть повстанцев, направлялись уже три русских экспедиции, каждый раз с большей численностью, более экипированные и опасные. Каждая экспедиция клялась отомстить ненцам за предыдущую уничтоженную. У русских, как правило, было более современное оружие, огнестрельное, что давало им преимущество в военных конфликтах с ненцами, которые обычно использовали копья. Однако иноземцы недооценивали повстанцев, знавших север лучше, чем кто-либо: все миссии катастрофически проваливались, оставляя огромные кровавые следы в бесконечном снежном поле.

Те немногие, которым удалось выжить, рассказывали о засадах, устроенных повстанцами, о том, какие ненцы живучие и коварные, как ловко они орудуют копьями, почти всегда поражая насмерть. Кроме того, они очень хорошо адаптировались к суровым условиям морозного северного климата, в то время как захватчики погибали, раненные, в отчаянии убегая в ледяную пустыню.

Петро не был захватчиком. Его целью было изучать культуру народа, чтобы зафиксировать ее в научной литературе, и задокументировать взгляд ненцев на конфликт. Раньше он уже бывал в других ненецких поселках на континенте, где мог немного изучить их язык и обычаи. Тем не менее, ненцы сильно различаются между собой из-за географической изоляции между их поселениями. Есть лесные ненцы, которые намного раньше встретились с русскими, и поэтому находятся под большой угрозой исчезновения. А тундровые ненцы, язык которых очень отличается от их лесных соседей, жили в регионах с намного более суровым климатом, куда русским тяжелее добраться.

Петро посетил и задокументировал пять ненецких поселков в регионе северного полярного круга за десять месяцев. Ему хотелось бы провести больше времени, изучая обычаи каждой из этих интереснейших групп, но он уже опаздывал. Изначально его путешествие должно было занять только шесть месяцев, отвоеванных в горячих спорах с Наташей, которая не хотела отпускать его даже на половину срока. Но Петро всегда находил какие-то оправдания, используя их в редких письмах, постоянно откладывая возвращение по разным причинам. То он болел, то ломались сани, то случался страшный буран и заносил все дороги. Он лишь надеялся, что Наташа читала его письма, ведь получать ответы было невозможно, обычно он перемещался по почти необитаемым местам.

Петро сильно скучал по жене, но еще сильнее было его желание изучить и задокументировать как можно больше территорий, узнавая больше поселений и углубляя свое этнографическое исследование. Но в этом путешествии он чувствовал себя таким одиноким, условия были настолько суровыми, что ему даже немного не хватало городского комфорта. Однако, прежде чем вернуться домой, ему нужно было поехать в очень особенное место, о котором он с детства мечтал: далекий архипелаг Новой Земли, одна из недавно заселенных территорий империи. Теперь, когда он там оказался, Петро планировал пробыть несколько недель среди ненцев, чтобы изучить и задокументировать процесс их акклиматизации на новой территории, в таких тяжелых условиях.

Впервые Петро видел ненцев не в качестве коренных жителей, ведь они были переселены в этот регион. Феномен, в самом деле, уникальный: эти ненцы были колонизаторами, колонизированными другими колонизаторами, чтобы колонизировать архипелаг. Понятие о коренном населении теряло свое значение здесь, ведь ни ненцы, ни русские не происходили из этих мест. Оба народа евразийские, оба российские. В отличие от европейских колоний в Америке, Азии и Африке, где колонизатор и колонизируемый представляли собой четкую антагонистическую пару – европеец x абориген – в России, они оба являются коренными народами одного континента. Часто русские сами использовали это аргумент, что они и есть коренное население, для оправдания оккупации определенной территории.

И норвежцам, и ненцам, и русским уже много веков была известна эта загадочная территория, называемая одними *Gåseland*, другими *Сиртя* и третьими *Новая Земля*. Быть коренным там не значило ни быть первым жителем, ни быть колонизируемым, а что-то среднее между тем и другим. На этой земле все как будто смешивалось, ничего не имело смысла, а если и имело, то подчинялось иной, непонятной логике: на территории, которую новгородские моряки знали со средневековья и называли «новой землей», ненцы колонизировали русские земли, винтовки и пистолеты не равнялись с копьями, и посреди этого всего, русский стал украинцем и пришел с миром, а не принес войну. И еще многому предстояло произойти...

В течение нескольких дней в ненецком поселке на севере Южного острова Петро делал важные записи. Эти ненцы происходят из разных территорий на континенте, от берегов Баренцева моря до Карского моря и Ямальского полуострова на востоке. Ясавэй однажды сказал Петру:

– Эти знаки, которые ты оставляешь на бумаге, очень важны. Через них будущие поколения узнают, что тут происходило.

«Старик прав», – подумал Петро, хотя Ясавэй не был таким уж старым. Ему было не более пятидесяти лет, однако из-за суровых условий севера выглядел он на все восемьдесят. – «История необъективна, как и наше восприятие реальности. Два человека, ставшие свидетелями одного события, не расскажут о нем одинаково. Каждый определяет реальность и все, что происходит вокруг, по-своему. Таким образом, письменная история всегда благосклонна к одной стороне, почти всегда это сторона победителя».

Эти семьи, которые боролись за выживание и свою честь, скорее всего, станут забытой страницей истории, если Петро ничего не предпримет. В своем дневнике он описывал все, что видел и слышал: разговоры, дороги, карты, пейзажи, привычки, все это в очень беспокойное время, ведь в любой момент может появиться новая русская «миссия спасения», чтобы увести ненцев обратно в Кармакулы, где их накажут должным образом за неповиновение. Даже если этого не случится, суровый климат острова может покончить с бедными поселенцами, которые также борются за еду и выживание в лютой враждебной тундре.

Петро спрашивал себя, что он будет делать в случае прибытия русских. Он бы дрался на стороне ненцев, несомненно. Петро готов отдать жизнь, защищая этот народ. Тем не менее, он знает, что рано или поздно все закончится, и, если он останется в живых после конфликта, то ему понадобится помощь русских, чтобы вернуться на континент. В этом случае, было бы более разумно взять на себя роль посредника, но так им удалось бы только немного выиграть время, лишь отсрочив неминуемую катастрофу. Петро знал, что если ненцы вернуться в Кармакулы, то их жестоко накажут, а, возможно, и убьют. В лучшем случае, они просто вернуться к прежнему рабскому положению, которого так старались избежать. Тогда у Петра появился план, и он попросил всех поселенцев собраться. Первый его шаг, как посредника, – выяснить требования ненцев, узнать, чего именно они хотят, чтобы сообщить об этом русским; второй – найти какую-нибудь сильную их сторону для переговоров. Что-то, что ненцы могли бы использовать и быть уверенными, что русские примут их требования.

Самая зима должна была начаться через несколько недель, и это давало ненцам какое-то время, учитывая, что в Кармакулах мало народу, и посылать еще одну экспедицию было бы слишком рискованно. В самое трудное время года, имея небольшое количество людей, русские не могли себе позволить послать своих лучших мужчин, тем более после трех проваленных операций. Скорее всего, они уже вызвали подкрепление с континента и очень скоро, вероятно в конце зимы – начале весны, придут новые экспедиции за ненцами и рано или поздно победят их.

– Все равно, – говорил Петро беженцам. – Вы здесь важнее, чем они. Вы можете жить в таких суровых условиях, позволяя империи заявлять свои права на эту территорию. Без вас они тут никто; норвежцы рано или поздно приплывут и захватят эту землю. Это достаточный аргумент, чтобы гарантировать ваши права.

– А если они будут нас убивать из мести? – спрашивали поселенцы.

– Не будут, ведь я стану посредником в случае конфликта и скажу, что если вы не захотите идти у них на поводу, то пусть они хоть убивают вас, но никакой ненец не захочет жить в таких условиях. Даже если они снова переселят сюда ненцев с континента, никто не будет им прислуживать, так как было с вами. Я им скажу, что ненцы – свободный народ, который не будет жить в кандалах тирании. Пусть привозят сколько угодно семей: десятки, сотни, тысячи – в итоге получат такие же конфликты, как и сейчас. Вы не должны быть пленниками! – ораторствовал

Петро, ощущавший себя легендарным казачьим вождем Тарасом Бульбой. Он хотел предотвратить войну любой ценой, но, если надо было, вместе со всеми дрался бы до конца.

В такие моменты Петро вспоминал свою драгоценную жену Наташу. Надежда увидеть ее снова давала ему силы работать ради мира между русскими и ненцами, это его единственный шанс вернуться домой. Петро очень хорошо знал, что в случае боя с русскими, ему будет тяжело остаться в живых, только если ненцы победят и не выживет ни один русский, который мог бы рассказать о его предательстве. Хотя, о каком предательстве можно говорить? Петро уже привык к мысли, что он украинец, его здесь называли украинским именем. Когда Мюсена говорил ненцам, чтобы они не доверяли словам этого русского, Петро им отвечал, что на самом деле он украинец, а значит принадлежит к народу, угнетаемому русскими, также как и ненцы.

– Смотрите, братья мои! Я – сын украинца, но мой отец забыл свой язык. Моя мать татарка, и тоже не говорит по-татарски. Я не хочу такого будущего для вас. И пришел вас защитить, пока еще есть такая возможность, пока вы еще говорите на своем языке и храните традиции. Что бы делали русские, если бы их заставляли говорить на чужом языке, исповедовать чужую религию и принять чужую культуру, так же, как они поступают с вами? Они бы сопротивлялись, сражались, как и любой народ под угрозой исчезновения! В Российской империи все больше и больше народов теряют свои культуры и языки, потому что поддались русским и сегодня говорят по-русски и даже восхищаются русскими традициями! Я вас призываю: не восхищайтесь культурой тех, кто насмехается над вашей! Нет такого, чтобы одна культура была выше другой! Мы все равны, и, если хотим мирно жить – с русскими или без них, – нам необходимо бороться за свои права! – восклицал Петро. – Будем торговаться с ними. Мы им нужны так же, как и они нам...

Не успел он закончить фразу, как речь Петра прервал выстрел. Затем другой! И еще! Это русские! Они не стали дожидаться конца зимы для атаки, как предполагали ненцы.

Увидев чужаков издали, Мюсена, который патрулировал поселок, сделал предупредительный выстрел, чтобы захватчики не подходили, который русские, вероятно, восприняли как угрозу и выстрелили в ответ. Поселенцы забегали в суматохе внутри чума и вокруг него. Петро закричал, чтобы все пригнулись. Внезапной атакой русские, видимо, ожидали нейтрализовать как можно большее количество ненцев, уменьшая и так небольшой контингент, с которым пришлось бы драться. Как только Петро это понял, немедленно крикнул:

– Все на пол! Никто не выходит! Они именно этого и хотят, чтобы вы вышли, чтобы перестрелять вас!

Услышав его, ненцы, даже если не очень хорошо понимали по-русски, поняли по тону и жестам, что должны остановиться. Все легли на пол, Петро нашел Мюсену и других воинов и быстро организовал план атаки. Чум находился на естественном укреплении, в углублении, напоминавшем траншею. В нескольких метрах от него была каменная насыпь, откуда Мюсена будет стрелять из своей винтовки – трофея, добытого во время второй русской миссии. Сэвтя и Хадко, два других молодых воина, прикроют его из траншеи, готовясь к наступлению русских. Как только стрельба закончится, Петро выйдет с белым платком, подаренным ему Наташей, показывая его как знак мира, чтобы договориться с нападающими. Это было рискованно, но таков договор с ненцами, Петро станет посредником и найдет лучшее решение для всех.

Увидев, что поселенцы больше не выходили из чума, русские, которых было 8 или 10 человек – трудно сосчитать с такого расстояния, тем более, уже приближалась зима, и дни были очень короткими в эту пору года, постоянные сумерки, – перестали стрелять. Петро поднял белый платок в знак мира и направился в их сторону, безоружный, ожидая, что русские заметят, что он «нененец»... и что Мюсена не воспользуется этим моментом уязвимости, чтобы выстрелить ему в спину, ведь о неприязни воина к Петру всем было известно.

Как только Петро пошел в сторону русских, они зашептались – что это за человек. Наверное, кто-нибудь его узнал – в Кармакулах было не больше тридцати или сорока жителей, когда

Петро добрался туда, хотя он не был уверен, были ли стрелки оттуда или приплыли с континента по срочному запросу со станции. Петро подходил к нападавшим ближе и ближе, а ненцы опасались все больше и больше: а вдруг иноземец, которого они приняли, на самом деле враг и наконец-то возвращается к своим? Ясавэй, по обыкновению спокойный, был уверен в обратном, в то время как Мюсена был готов расстрелять Петра, даже если это стало бы последним, что он сделает в жизни. Пока Петро приближался к русским, напряжение с обеих сторон возрастало: он был на мушке и у русских, и у ненцев.

Подойдя к русским на довольно близкое расстояние, Петро крикнул:

– Я представляю власть и народ Петрограда! Императору неуютно, чтобы здесь была война!

Русские опустили оружие, глядя на Петра теперь совсем иначе.

– Это представитель империи! – зашептались некоторые, подумав даже, будто Петро – член «Охранки» – Охранного отделения, секретной полиции императора.

– Но что он тут делает? – удивился капитан экспедиции, бородатый мужчина недружелюбного вида, большого роста и сильный, как медведь, с винтовкой за спиной и взрывчаткой в походной сумке.

Если бы русские знали, что Петро только что придумал эти слова! Фактически он ощущал себя представителем столицы и, так как голос народа – это голос императора, он чувствовал, что имел право утверждать, будто этот конфликт не интересен монарху, и, по большому счету, это не было ложью, ведь ненцев поселили на архипелаг по решению империи. Убивать ненцев или плохо обращаться с ними совсем не входило в интересы власти.

Приближающийся странный человек действительно не был похож на местного жителя, скорее на жителя столицы, судя по его элегантной внешности, хоть он и выглядел немного потрепанно, в старой одежде и с усталым видом. Петро, осторожно складывая белый платок обратно в карман своего изношенного пальто, стараясь не делать резких и подозрительных движений, подошел к русским и попросил не стрелять в ненцев. Он представился как Петр Николаевич Франко – этнограф из Петербургского университета, выполняющий миссию по наблюдению за процессом заселения архипелага Новой Земли, и был в ужасе от того, что ему рассказали в Малых Кармакулах.

– Если чиновники узнают, как вы обращаетесь с ненцами – практически как с рабами – а теперь еще и собираетесь их убить, вас отправят на каторгу, в намного худшие условия! – говорил Петро, стараясь контролировать эмоции и соблюдать дипломатический тон переговоров, но в то же время не показывая снисхождения к агрессорам.

Глава группы представился как Олег Александрович Логвин и вышел вперед, обращаясь к Петру:

– Мы приплыли из Архангельского на звонок о помощи со станции. Я не получил никаких сообщений об условиях жизни поселенцев, так же как и о вашей здесь миссии. Нам нет до нее никакого дела, и меня, как командира этой экспедиции, – указал Олег на свою команду из десяти человек, включая его самого, – интересуют только эти проклятые узкоглазые черти.

Петро успокаивающим тоном просил группу не нервничать, ведь он «не враг, а посредник, и учитывает интересы обеих сторон». Он знал, что мужчины преодолели огромное расстояние по морозу не для того, чтобы уйти с пустыми руками, так что, если они собирались вернуть ненцев, то обязательно нужно было договориться. Иначе просто-напросто все погибнут, в том числе и Петро, ведь ни ненцы, ни русские сдаваться не собирались.

Василий, один из членов группы, спросил Петра, словно пытаясь его запугать:

– Я тебя видел в Кармакулах, иноземец. Скрытный такой, как будто ни с кем не хотел иметь дела, только об этих ненцах и выпытывал. Чего ты хочешь? Кто это тебя назначил посредником-переговорщиком? Где твои сообщники?

– У меня нет сообщников. Это у бандитов, охотников или эксплуататоров есть сообщники. Ненцы меня приняли именно потому, что я пришел один, – отвечал Петро.

И без того агрессивный Василий, услышав эти слова, воспринял их как оскорбление и навел винтовку на Петра, закричав:

– Значит, мы для тебя бандиты?! Пускай так! Раз я бандит, то убью тебя прямо здесь и сейчас!

Петро посмотрел на него и, не выдавая страха, отвечал:

– А это только докажет, что ты и есть бандит. Я вас бандитами не называл, просто объяснил, как вас видят ненцы! Не заблуждайтесь – они вас не боятся! И прекрасно знают, что у них нет другого выбора: если останутся здесь, очень вероятно, что умрут от морозов, а если поедут с вами, то погибнут от плохого обращения и наказаний, помимо морозов. Имея такой выбор, для них уж лучше умереть в борьбе за свой народ, и это они могут сделать, ведь ненцы уже послали три миссии вот таких же храбрых мужиков, как вы, на тот свет. Если не хотите умереть у черта на куличках или увидеть, как погибнут ваши соратники, давайте лучше договоримся.

Глаза Василия налились кровью, но Олег вмешался, спрашивая Петра:

– И какие у них требования?

– Выполнить обещания, данные им, когда их привезли сюда с континента, обеспечить достойные условия работы и проживания, а не заставлять батрачить, поддерживая работу станции. Уважать их культуру и традиции. Они сыты по горло издевками русских, которые навязывают свою культуру и религию, – отвечал Петро.

Василий возражал с ироничной ухмылкой, но все больше раздражаясь:

– Но мы их уважаем! Настолько, что даже привезли сюда! Они получили землю, работу и доступ к высокой культуре, бесплатно, а еще жалуются! Чего они хотели? Отдохнуть у камина, жрать икру и бутерброды с лососем?! Да если бы не мы, они сидели бы на льду посреди тундры, затерянные во времени. Но нет, мы принесли им цивилизацию, мы все им дали, мы их сделали частью могучей империи, а чем они нам платят? Восстают и убивают нас! Они убили моего брата и моего лучшего друга в последней экспедиции! Сейчас я жажду только крови, и никто меня не остановит!!! – прокричав последние слова, Василий побежал в сторону чума, игнорируя призывы Петра и остальных вернуться.

Петро лучше, чем кто-либо, знал, что если Василий побежит к чуму, его расстреляют Мюсена, или Сэвтя и Хадко. С другой стороны, что он мог сделать? Василий был так разозлен, что убил бы любого, кто встанет у него на пути; просить ненцев не стрелять тоже не выход, – они будут абсолютно правы, если застрелят этого сумасшедшего.

Произошедшее следом шокировало всех: Василий, стрелявший во все стороны, только приблизившись к траншее, получил пулю в ногу, упал, но сразу же поднялся, чтобы получить еще одну, на этот раз прямо в грудь, и снова упал, теперь уже долго не поднимаясь. Ненецкие воины были настолько хорошо замаскированы за насыпью и в траншее, что не было видно, откуда они стреляли. В этот момент Петро зажмурил глаза, понимая, что эта ситуация точно не закончится добром. Глядя издали на Василия, корчившегося от боли, мужчины Олега, одетые по-граждански (вероятно, моряки из Архангельского порта, привезенные сюда Василием, – единственным, кто был с местной станции), выхватили свое оружие и приготовились идти на помощь другу, но Олег приказал им оставаться на местах. Так они вероятней всего просто растратят патроны и будут расстреляны ненцами, а миссия полностью провалится.

Пока русские обсуждали дальнейшие действия, Петро заметил, как Хадко отполз из траншеи в сторону тела Василия. Приблизившись к нему, молодой низкорослый парень лет 14 или 15, с трудом перевернул тело. Петро постарался закрыть собой обзор, чтобы люди Олега не смогли заметить происходящего, хоть так самому Петру больше не было видно чума – он стоял к нему спиной. Однако старания его оказались напрасными, когда раздался пронзительный крик Василия. Тогда все увидели: ненец пытался выхватить винтовку из окровавлен-

ных рук русского, который, ко всеобщему удивлению, еще не умер. Враги сцепились в драке на снегу. Олег снова сдержал своих соратников, которые хотели защитить друга, забыв об опасности вокруг траншеи. Стрелять издалека тоже не поможет, ведь нельзя точно рассчитать, в кого они попадут. Наконец грянул выстрел. Все: и русские, и ненцы, и Петро – замерли в страхе. Василий как-то тяжело приподнимался, весь в крови, на что Петро и воины смотрели с отчаянием, а банда с воодушевлением. Тем не менее, к их разочарованию, поднимался вовсе не Василий, а его труп, – Хадко, оказавшийся под русским, оттолкнул его тяжелое тело в сторону. Стараясь не выпрямляться во весь рост, ненец забрал винтовку и пополз обратно в траншею.

На этот раз Олег сам прицелился из винтовки в подростка, но Петро вмешался, и выстрел ушел в воздух, что сильно разозлило русских.

– Ты что, охренел?! – выругался Олег, ударяя Петра в лицо прикладом винтовки, и тут же прицеливаясь в него. – А, ты, значит, их друг?! Ну и сдохнешь вместе с этими дикарями! – продолжил гигант голосом, похожим на гром, сотрясающий тишину Арктики.

– Вы сюда приехали их вернуть или убить?! Они застрелили Василия, обороняясь, вы сами видели, как тот сумасшедший рванул, к тому же, нарушая Ваш приказ, Олег Александрович! Пожалуйста, не устраивайте бесполезную резню – убить одного из их воинов только спровоцирует еще больший гнев поселенцев, и тогда никто отсюда не уйдет живым! – быстро отвечал Петро.

Глубокие синие глаза Олега, увенчанные парой тяжелых черных бровей, излучали ярость. Из его рта шел густой пар, от чего главарь выглядел еще страшнее. Он поднял ствол винтовки, слегка касавшейся лица Петра, и крикнул своим людям:

– Потом решим, что делать с этим ублюдком! Давайте посоветуемся!

Петро вздохнул с облегчением, на этот раз он остался в живых, но положение все еще так же страшно, как голос великана Олега.

Этнограф попытался вернуться, но Олег оттащил его обратно:

– Далеко собрался?

– В чум, успокоить ненцев, – со страхом отвечал Петро.

– Ты никуда не пойдешь, пока я не прикажу, сукин ты сын! – ругался Олег.

Петро оказался в безвыходном положении. Русские обсуждали дальнейшие действия, а он стоял там, будто со связанными руками. Даже если бы он смог дойти до ненцев, то не знал бы, что делать, ведь у него не было никаких аргументов, чтобы успокоить обе стороны.

«А если бы, – рассуждал Петро сам с собой, – ...они пришли к *rax armata*, то есть, к миру, основанному на равновесии оружия с обеих сторон».

– У обеих сторон есть огнестрельное оружие, мы в тупике! – крикнул Петро. – Конфликт между вами будет смертоносным! Мы завязли в войне... в холодной войне, – заключил этнограф, имея в виду арктический климат.

Мужчины молча посмотрели на Петра. Олег что-то прошептал им, кивнул головой, и Петру это показалось похожим на смертный приговор.

«Все, сейчас они меня расстреляют!» – думал бедный этнограф, он уже сбился со счета, в который раз за этот день чувствуя приближение смерти.

Но русские просто отвернулись и пошли прочь, оставив ничего не понимающего Петра одного.

«Неужели они сдались и решили уйти?» – недоверчиво думал он.

– Куда вы? – спросил этнограф, игнорируемый удаляющейся бандой. Он оглянулся на чум и пожал плечами. А когда снова посмотрел в сторону русских, те уже шли к саням, запряженным оленями, на которых они приехали. Петро вздыхает с облегчением, обрадованный, что ситуация разрешилась сама собой, без резни и жертв, если не считать безрассудного Василия, который погиб из-за собственного упрямства. С другой стороны, проблема нен-

цев не разрешилась, а он не хотел оставлять их на произвол судьбы. Сколько бы он ни искал помощи с континента, или даже из столицы, она бы добралась слишком поздно, а поселение может просто исчезнуть, уничтоженное русскими либо безжалостной природой.

Свист кнутов и топот оленей, стремительно летящих в его сторону, вырвали Петра из вихря мыслей. Только завидев их, мчащихся на полной скорости, этнограф отпрыгнул в сторону и упал в снег, но еще успел заметить, как бандиты с разбега седлают оленей, пригибаясь так, что издали всадников почти не видно. Олени неслись к чуму сломя голову, поэтому напасть на мужчин, практически скрытых от глаз противника, было еще сложнее. Стрелять в них тоже не выход; тем более, для народа, который с древних времен живет благодаря оленеводству, ранить этих животных – нелегкое решение.

Пока олени приближались, ненецкие стрелки целились в живые мишени, опасаясь борьбы, которая последует сразу после прибытия банды. Сэвте удалось сбить выстрелом одного из моряков, который сразу же упал и за несколько секунд был затоптан оленями. Русские пытались стрелять на скаку, но помимо неудобного положения, в котором они находились верхом – практически лежа, им мешало еще и то, что небо становилось все темнее. Мюсена выстрелил в воздух, чтобы испугать оленей, и некоторые из них разбежались, но те, что были оседланы врагами, продолжали нестись вперед, подгоняемые мужчинами. Теперь можно было яснее увидеть живые мишени, и Мюсене удалось сбить еще одного всадника, к сожалению, смертельно ранив несшего его оленя. Русский упал, успев выхватить винтовку и заняв позицию стрелка, но прежде, чем успел что-либо предпринять, получил смертельную пулю от Хадко.

В этот момент сильный взрыв разрушил часть чума: это Олег воспользовался суматхой, чтобы напасть на поселок, бросив взрывчатку. К счастью, он промахнулся и не попал прямо в чум. Или он хотел просто напугать ненцев? Только Петро подумал об этой возможности, как Сэвтя упал замертво, сраженный пулей в голову. Хадко закричал в отчаяние и бросился на помощь другу, но другая пуля задела его плечо. Мюсена старался прикрыть земляка, но даже защищаться самому от нескольких нападающих уже было очень трудно. Хадко снова взялся за винтовку и гневно стрелял в русских, убив еще одного, приближавшегося к траншее, но остался без патронов. Он схватил свое копьё, лежавшее сбоку, и побежал в атаку, прежде попросив Мюсену прикрыть его. Мюсена восхищался храбростью молодого воина, который, словно одержимый, бежал добить уже подстреленного им русского. Тот еще шевелился, пытаясь добраться до своего ружья. Хадко подпрыгнул и ударил его копьём в спину изо всех сил, затем вытащил свое оружие и побежал к следующей «мишени». Мюсена заметил, что один из врагов, совсем недалеко от Хадко, пытался выстрелить в него.

Русским трудно стрелять при слабом освещении, как в случае наступающей полярной ночи. Во время долгих арктических сумерек ненцы были в выигрыше, потому что их зрение привыкло к таким условиям. Мюсена выстрелил в русского, который упал, рыча от боли, к удивлению Хадко, оглянувшегося на Мюсену и кивнувшего головой в знак благодарности. В это же время Олег готовил вторую палку динамита, чтобы бросить ее в чум, находясь в таком положении, что Мюсена не мог в него выстрелить. В этот же момент, когда Олегу удалось зажечь фитиль, Петро ударил его камнем по голове, и великан упал без сознания, к изумлению этнографа, который никогда ничего подобного не делал в своей прежней, спокойной городской жизни. Он посмотрел в панике на зажженный динамит, и вдруг у него появилась идея, настолько же гениальная, сколь и опасная. Он бросил взрывчатку в одного из русских, который, даже увидев летящий в него динамит, не успел отреагировать. Он взорвался на месте, осколки ранили еще одного русского, которого Хадко тут же пронзил своим копьём. Петро был в ужасе от содеянного. Он, убежденный пацифист, который обходил муравьев на дороге, чтобы не ранить их, убил человека. Петро застыл в оцепенении возле лежащего без сознания Олега.

В этот момент один из русских, увидев, что натворил Петро, выстрелил ему в живот. Прежде, чем мужчине удалось сделать еще один выстрел, Хадко бросил копьё ему в спину.

Сразу после этого, молодой ненец получил пулю в руку, от русского, тоже раненного взрывом. А его уже сам Мюсена отправил на тот свет пулей в голову. Уставший и израненный, Хадко упал на колени, Мюсена опустил голову на камень, тяжело дыша.

Петро все еще не оправился от шока, наблюдая хаос вокруг: десять убитых и трое раненых, включая его самого. Снег вокруг чума стал красным от крови людей и оленей. Мюсена заметил огромную дыру в чуме, образованную взрывом, и побежал посмотреть, как там поселенцы, особенно женщины и дети. Прибежав в чум, он встретил свою жену, Саване, которая вместе с *тадебя* лечила раненых. Он крепко обнял свою любимую, обрадованный увидеть ее снова, и спросил, все ли в порядке, на что шаман ответил с обычным спокойствием, что некоторые ненцы ранены, но он о них уже позаботился. Вошел Хадко, внося Петра, который потерял много крови от ранения в живот и потерял сознание.

Молодой ненецкий воин оставил раненого украинца в чуме и пошел к Мюсене обсудить, что же делать с выжившим русским, который также лежал без сознания снаружи. Они взяли полоски кожи, вроде ремней, и связали Олега, который тоже потерял много крови из-за удара Петра в затылок. Ненцы обыскали чужака и взяли некоторые его вещи: взрывчатку, пару камней кремня, которыми можно поджечь ее, кинжал и пистолет. Затем воины подняли тяжелое тело мужчины и привязали его к спине одного из оленей, Мюсена хлопнул его по крупу, и он побежал, далеко унося на себе *сэр варк* – белого медведя, как ненцы называли здоровяка.

– Не лучше ли было бы просто убить его? – спрашивает Хадко Мюсене.

– Стоит оставить кого-нибудь, кто сможет рассказать другим о произошедшем. Так русские будут знать, что мы, ненцы, – неукротимые воины. Я не хочу, чтобы *маркы хибяри* (городские) думали, что банда умерла от холода, а не от наших рук.

– Но так же, как они пришли, придут и другие, и еще больше! К тому же, это был хороший олень. Он мог бы нам пригодиться, а теперь он скорее всего будет блуждать, пока не устанет и не умрет, безо всякой пользы, – возразил младший воин.

– У нас много оленей, оставшихся от нападавших, а в это время года будет трудно прокормить и позаботиться о них всех. А что до русских, рано или поздно они придут снова, но нас здесь не найдут. Завтра мы покинем это место, как только небо станет светлее.

В это время года солнце появлялось ненадолго, а ночи были все длиннее и длиннее. Хадко и Мюсена привезли в чум сани русских, нагруженные патронами, едой, бревнами и даже лекарствами, которыми тут же воспользовались, чтобы лечить Петра и остальных раненых. Кроме саней, которые сами по себе являются огромной помощью для перемещения чума, остались еще двенадцать оленей, помимо тех немногих, которые у ненцев уже были. Для этого народа, олень – священное животное, благодаря которому они выживают. Олень – это и транспорт, и мясо, и мех, чтобы согреться в морозном северном климате. Оленьей шкурой они покрывают чум, используя кости животного, чтобы поддерживать структуру жилища, а жир – чтобы сохранить тепло внутри.

На следующий день, когда небо еще было темным, Мюсена и Саване будили всех, чтобы собирали свои вещи, ибо день обещал быть длинным. Ненцы с тех пор, как появляются на свет, привыкают к постоянным переселениям. Традиционные кочевники, жители тундры периодически мигрируют в поисках природных ресурсов, недостаточных в регионе, или убегая от какого-нибудь враждебного народа, как в этом случае. Это уже пятый раз за нынешний год, что они переселялись, с тех пор, как убежали с русской станции. После каждой побежденной русской миссии ненцы мигрировали, потому что знали, что рано или поздно русские найдут их, как будто они чуяли следы крови. Многие воины и поселенцы, в том числе женщины и дети, уже погибли в этой борьбе, которая, казалось, не имела конца. «Если бы только русские заботились, как улучшить условия жизни, и для нас, и для самих себя, а не преследовали повстанцев, история была бы совсем другой», – сказала однажды Саване.

Петро проснулся с трудом, ощущая сильную слабость от потери крови. Когда он открыл глаза, не понимая ясно, что случилось, то чувствовал сильную боль в животе, и заметил повязку. Мюсена ревновал жену к Петру, о котором она так внимательно заботилась. Он считал, что этому русскому, как и всем остальным, нельзя было доверять, и предполагал, что вчерашнее нападение организовал именно Петро, который к тому же предал своих друзей, трусливо ударив *сэр варк* исподтишка, когда понял, что ненцы побеждают. Петро ощущал пол чума, слабо освещаемый угасающим костром, убедившись, что он один. Он поднялся, в поиске поселенцев, рассматривая даже возможность, что русские победили и убили их всех, посчитав Петра мертвым и оставив там одного. Петро не помнил ничего после оглушившего его взрыва второй бомбы. Он с трудом поднялся, оставляя свою импровизированную постель – вроде спального мешка из медвежьей шкуры, и вышел из чума. Там, снаружи, он увидел ненцев, стоящих вокруг тела Сэвтя, в траурной печали о смерти молодого воина.

Ненцы не хоронят своих близких в земле – копать замерзшую землю трудно. Они сооружают деревянную могилу, покрывая тело. Сейчас, из-за того, что невозможно найти достаточно древесины для хорошей могилы, они засыпали тело воина снегом, надеясь, что однажды смогут вернуться и устроить достойные похороны. Мать воина, Сывне, которой на вид было около тридцати лет, плакала больше всех, она потеряла своего младшего сына. Ее старший сын и муж погибли в предыдущих боях, и теперь она безутешна, одна-одинешенька в этом мире. Петру очень жаль молодую женщину, потерпевшую такую утрату. Поселенцы смотрели на него, пока он выходил из чума, грустно глядя на печальную сцену, но ничего не говорили. Смотрели на него серьезно, как на виновного, ведь в этот момент, больше, чем когда-либо, Петро для них был русским, принадлежал к этому проклятому народу.

Ясавэй произносил молитвы о душе парня, двигая посохом вверх и вниз, как будто направляя его на небо и на землю. Сэвтя был славным парнем. Часто расспрашивал Петра о его жизни в Петрограде, далекой столице империи. Его глаза любознательно блестели, когда этнограф рассказывал о вещах, которые там есть. Больше всего его впечатляли рассказы о кинотеатре. Сэвтя думал, это что-то фантастическое – ловить движения всех вещей и потом показывать это сколько угодно раз, как будто это колдовство, подвластное только самому могучему *тадебя*. Петро обещал однажды привезти его в Петроград, чтобы он увидел своими глазами кинотеатр, который тогда еще был в новинку, без звука и черно-белый. Сэвтя полагал, что эти изменения случались оттого, что кинематограф крал кусочек реальности, который умирал внутри него. Движущееся изображение без цвета и звука, думал ненец, – это то, что остается, когда отрезают кусок реальности и лишают его свободы; так, растения умирают, вырванные из земли, или рыба – выловленная из моря. Этнографу была интересна версия Сэвтя, так что он решил не объяснять технические детали кинематографа. Петро не мог сдержать слезу, катившуюся по щеке, молясь, чтобы хотя бы душа Сэвтя могла отправиться в Петроград и посмотреть кино.

В этот момент все вернулись к чуму, начиная его разбирать. Петро пытался подойти к матери Сэвтя, чтобы выразить соболезнования, но она смотрела на него разгневанно, закричала что-то на ненецком и ударила, потеряв контроль над собой. Все еще ослабленный, Петро не смог устоять на ногах и упал, застонав от боли. Остальные поселенцы отвели бедную женщину в сторону, с презрением глядя на этнографа, который почувствовал себя ничтожеством. Его целью было восстановить мир в этом месте, но с тех пор, как он приехал, стало только хуже. Ему не удалось быть посредником, он не смог остановить резню. Теперь, когда поселок потерял одного из своих лучших воинов, он чувствовал себя виноватым, как представитель русскоязычного народа, который принес им столько бед. Его действия как этнографа также не могли принести каких-либо важных результатов, ведь судьба поселка была предрешена. Не позднее, чем в конце лета, русские придут снова, собрав все силы, отомстить народу, который доставлял им столько беспокойства. Петро ничего не мог поделать.

Раз все русские погибли, у него еще была какая-то возможность вернуться домой, но он не мог отправиться сейчас же, будучи слишком слабым. У Петра кружилась голова и были галлюцинации. Иногда он видел Иннокентия Петровича, улыбающегося, протягивающего ему руку; иногда, глядя на Саване, он думал, что видит Наташу; иногда фантазии отправляли его обратно в детство, когда мальчиком он играл в самодельном чуме у себя дома. Жизнь северных народов уже не выглядела такой забавной, как ему казалось в детстве. Так долго далеко от дома, в такой мороз, жить среди таких своеобразных народов иногда создавало у него впечатление, что он останется здесь, на севере, навсегда. Может, это и была его судьба – быть погребенным, как Сэвтя, в снегу. Может на севере, о котором он так мечтал, он и обретет вечный покой.

Петро засыпает. Несколько часов спустя, открыв глаза, он видит снопоподобное явление, от которого пытается проснуться даже наяву: полярное сияние. Легкие струящиеся ленты света, переливающиеся всеми цветами самых разных оттенков – от изумрудно-зеленого до ярко-алого, как будто медленно танцуют среди звезд. Они проходят, как облака, гонимые северным ветром, как будто всегда движутся на юг, вместе с созвездиями, которые, похоже, их сопровождают, образуя величественную звездную процессию. Это так красиво, что Петро, который уже сдался и не пытался больше проснуться, поднял левую руку – правая онемела – к небу, чтобы потрогать это свечение. Но прикоснуться к нему оказалось невозможным, звездная процессия двигалась быстро, и находилась чуть дальше, чем можно достать рукой. Резкий толчок вернул Петра обратно в реальность. Оглядевшись, он заметил фигуры ненцев на санях (их собственных, убитых русских и его, Петра), запряженных оленями. Рядом с ним бегали собаки самоеды, которые напоминали белые облачка, следующие за санями, привязанные за ошейники. Он также заметил, что его самого привязали к последним саням, управляемым *тадебя*, на которых тот вез разобранный чум.

Петро дрожал от холода, похоже, это жар. Раненный живот продолжал болеть, Петро пытался что-то сказать, но Ясавей, кажется, его не слышал. Сани летели по ухабам, и каждая кочка отзывалась ударом по спине, теперь уже почти онемевшей от боли. Петра везли не на санях, а привязанным к ним сзади, как простой груз, балласт, который можно было бросить в любой подходящий момент. Скорее всего, только благодаря милосердию шамана он все еще был жив. Если бы не он, Мюсена давно убил бы бедного ученого самым жутким способом, еще когда тот приехал в поселок. Но Петро его не осуждал. Учитывая ситуацию, ненцы были очень дружелюбными, принимая к себе врага. Русские, наверно, не были бы так гостеприимны, если бы какой-нибудь ненец пришел один в Малые Кармакулы, во время вражды народов.

Безусловно, судя по опыту Петра с народами, находящимися под угрозой исчезновения, в регионе Северного полярного круга, да и в других местах, к сожалению, лучшее решение, которое народ мог бы принять, встретившись с незнакомцами – безжалостно их уничтожить. Если бы ненцы, которые имели первый контакт со славянами, поступили именно так, может быть, история была бы другой. Также и колонизация Америки европейцами не произошла бы, если бы коренное население не приняло их с распростертыми объятиями. Из учебника истории, который он прочитал еще в детстве, Петро узнал, что майя – единственная из трех великих цивилизаций доколумбовой Америки, не исчезнувшая с лица земли. В отличие от ацтеков и инков, которые приняли европейцев с почестями, веря, что они боги из легендарных предсказаний, майя видели их такими, какими они были на самом деле – иноземцами, врагами. Враждебные к испанцам с самого начала, майя не покорялись им и не давали захватить свои земли на протяжении веков. В то время, как могущественные империи ацтеков и инков сдались спустя несколько лет, земли майя испанцам приходилось завоевывать шаг за шагом, с ружьями, сильными союзниками из других коренных народов Америки, и огромным арсеналом болезней, которые уничтожали целые нации. Испанцам удалось захватить последнее независимое царство майя чуть больше двухсот лет назад.

«Но мировая история написана кровью, – думал Петро. – Так и рождаются народы. Они не появляются просто так, а возникают в результате столкновений народов-предшественников. Кто знает, может ненцы, так же, как и русские, и народы современной Америки, – которую Петро отказывался называть „новым светом“, в отличие от европоцентристских историографов, – появились именно из-за таких конфликтов? Это просто – смотреть на коренных жителей где бы то ни было и думать, что они были там всегда и ведут тот же образ жизни, как и тысячи лет назад, в то время как свою историю колонизаторы видят гораздо более сложной, разделяют ее на эры и эпохи, как славяне, которые разделились на западных, восточных и южных, а потом уже, среди прочих, возникли русские, в результате различных государственных образований, войн и союзов, сопровождавших всю историю этого региона».

Все эти мысли отвлекали Петра от боли и холода, пронизывавших его тело.

«Именно потому, что народы не появляются из ниоткуда, а происходят от слияния или разделения других, трудно определить, кто иностранец, а кто нет, непросто нападать на первый попавшийся незнакомый народ».

Ненцы уже давно знали русских. Может, их первая встреча и была враждебной, но в какой-то момент появилась связь между ними, из-за любопытства, которое живет в сердцах людей.

«Бьюсь об заклад, если однажды к нам придут гости с других планет, люди рано или поздно захотят пойти на контакт с ними, потому что человечество никогда не научится, как следует разбираться с чужаками: убивать их, прежде, чем они расправятся с нами, а также потому что наше любопытство выше всего остального. Оно – двигатель цивилизации, технологии и прогресса. Если бы люди не были любопытными и не думали бы о том, как раскрывать природные тайны, просто соглашаясь со всем, как оно есть, мы бы до сих пор жили в пещерах, – размышлял Петро. – Однако есть и другая важная причина такого поведения при столкновениях между разными цивилизациями – это отсутствие единства внутри человеческой расы. Никогда мы не были едины. Всегда разделяемся: в семье, племени, клане, нации или империи. И всегда боремся друг с другом. С прибытием инопланетян, которые наверняка будут иметь более развитые технологии, чем наши, очень вероятно, что кто-то решит первым наладить контакт с межзвездными гостями, чтобы воспользоваться их знаниями против самого человечества, завладеть новым оружием и смертельными технологиями, чтобы эксплуатировать, убивать и покорять близких соперников – другие народы человеческой расы».

Глядя на звезды, Петро воображал, сколько еще таких планет, как Земля, существует в бесконечной вселенной. Сколько еще Петров было в его положении на других галактиках. Наверное, немного. Иногда казалось, что он сходит с ума, если еще не сошел. Говорят, сумасшедшие никогда не признают себя таковыми. Оставить красивую милую молодую супругу дома, а самому отправиться искать приключения в холодных северных землях – чем не признак сумасшествия?

Наташа была ревнивой и боялась, что Петро влюбится в какую-нибудь ненецкую девушку, такой сильной была его страсть к Арктике. Возможно, поэтому она не выражала восторга, когда муж рассказывал ей о своих исследованиях. Еще во время медового месяца, проведенного в Крыму, он рассказывал жене о красоте северного сияния, которое мечтал однажды показать ей. Наташа после этого не разговаривала с мужем весь день, а тот не понимал причину такого недовольства. Чтобы обрадовать ее, он решил подарить супруге ожерелье-талисман, на которое он выменял компас в саамском поселке на Кольском полуострове, – превосходная ручная работа, типичное местное украшение. Увидев подарок, Наташа спросила Петра, откуда ожерелье. Петро, застегивая его на шее супруги, ответил, а она сначала не поняла. Наташа не блистала знаниями географии и никогда не слышала о саамах. Когда она спросила, находится ли Кольский полуостров недалеко от Крымского, и услышала в ответ слово «Арктика», то сорвала ожерелье с шеи, выбросила его в окно и разрыдалась. Петро разбирался в женщинах

не так хорошо, как в народах севера, поэтому он был в ужасе от истерики возлюбленной. Он осторожно подошел к несчастной и наивно спросил: «Тебе не понравился цвет?» – и получил звонкую оплеуху в ответ. Наташа убежала в спальню, крича: «Ненавижу Арктику! Ненавижу саамов! Ненавижу тебя!» – и заперлась. След от пощечины не проходил все выходные. Вспоминая об этом случае, Петро поглаживает щеку с некоторой ностальгией, скучая по тому, как она пылала после удара, по тому теплу, несмотря на то, что тогда ему было очень больно. Холод пронизывал его тело. Зима приближалась, обещая быть суровой.

Тем временем, в нескольких километрах на юг от ненцев, ремни, удерживавшие Олега на спине оленя, разболтались и наконец высвободили его тяжелое тело, которое упало на землю. От удара здоровяк очнулся, испуганный, с трудом открыв глаза, из-за намерзлых сосулек на ресницах и бровях, выросших от пара его дыхания. Он не замерз насмерть только благодаря теплу оленя. Олег плохо помнил, что случилось, казалось, он потерял память. Он не знал ни где он, ни как попал сюда. Ноги онемели так, что ходить было невозможно. Он ощупал свое тело в поиске ранений, потом голову, нащупал небольшую шишку, еще грязную от свернувшейся крови, но не помнил, откуда она появилась. Последнее его воспоминание было о том, как он направился в порт Архангельска по пути на Южный остров, где находятся Малые Кармакулы. Он был капитаном торгового судна и охотником за вознаграждениями в свободное время, особенно, когда имелся драгоценный груз для перевозки. Он и его моряки – алкаши и дебоширы – были специалистами в плавании по морям и рекам Северной Европы, известные как «Арктические пираты». Они слышали о ненецких повстанцах из Новой Земли и решили отправиться туда. После этого он уже ни о чем больше не помнил, зная точно одно: он должен добраться до Малых Кармакул любой ценой.

Голова раскалывалась, и Олег не слишком хорошо ощущал свои конечности, что беспокоило его, ведь это было похоже на начало гангрены. Он тяжело опирался на оленя, который пытался поест, разрывая снег в поисках растительности. Олег старался размять суставы, шевелил руками и ногами, чтобы разогнать кровь по телу. Затем искал кремь в кармане жилета, надеясь развести костер и согреться, но не нашел его. Морской волк чувствовал себя как будто после кораблекрушения, выброшенный на незнакомый берег и заблудившийся на забытой богом земле. Он пробовал найти какой-нибудь след, по которому можно добраться до станции, но в слабом освещении трудно сориентироваться. Олег знал, что если останется здесь, то замерзнет насмерть, поэтому доверился своим инстинктам и чувству ориентирования в пространстве, определяя направление ветра и выбирая, куда пойти, наугад, с закрытыми глазами.

«50% шансов пойти по правильному пути, 50% – по неправильному», – подытожил Олег, намеренно проигнорировав факт, что в 360-градусном поле шансы угадать правильный путь минимальны. «50% шансов выжить, 50% шансов умереть. Вот и вся история моей жизни», – посмеялся он сам с собой.

Олег взобрался на оленя и поехал верхом по пути, который ему подсказывала интуиция. Бедный зверь еле выдерживал вес здоровяка, медленно передвигаясь. После пары часов такой езды, Олег заметил, что быстрее будет идти рядом с животным.

– Эх, сейчас бы нам здоровую бутылку водки, а, коллега? – шутил Олег.

Он знал, что олень мог бы стать его спасением в случае, если бы блуждания затянулись надолго. В голенище сапога у него был спрятан ножик, которым можно было заколоть его и питаться его мясом, но эта идея не очень нравилась моряку, было жалко убивать спокойное миролюбивое животное, спасшее ему жизнь своим теплом, однако этот вариант тоже нужно было рассматривать на крайний случай. Вдалеке он увидел странный элемент для типичного пейзажа тундры. Приблизившись, Олег понял, что это тело человека славянской внешности, хорошо сохранившееся на морозе, и кажется, он погиб от пулевых ранений и истощения. Похоже, он умер, убегая от чего-то. Чего-то страшного. Олег, стараясь не думать о нем как

о себе самом в будущем, решает обыскать труп, в надежде раздобыть что-нибудь полезное. Он находит карту, компас и кремни, – все самое необходимое, в обратном порядке по значимости. Мысленно поблагодарив мертвеца, моряк определяет свое местонахождение и отправляется в путь, на юго-запад, чувствуя себя неловко от осознания, что прежде, по интуиции, двигался в обратную сторону, но обрадованный тем, что нашел это тело, которое, вероятно, спасло ему жизнь.

Капитан продолжал свой путь, собирая по дороге мох, лишайник и веточки, чтобы кормить Ваню – это имя он только что придумал для своего спутника – и чтобы потом развести костер. Ветер дул сильнее, и моряк опасался, что это могло быть предвестием бурана. Ему нужно укрытие, на случай, если метель застанет его врасплох. Спустя несколько часов Олег и Ваня, оба измученные, видят горку камней на горизонте, выделяющихся на плоской и гладкой местности. Они направляются к насыпи и находят место для ночлега, хотя сама ночь была понятием относительным в это время года.

Олег собрал все веточки кустарников и лишайники, которые смог найти, чтобы поджечь их, выбивая искру из кремня. Сам он чувствовал искушение есть мох, как и его друг Ваня, но даже того, что он собрал, было бы мало. Он знал, что если не согреться хотя бы немного, то умрет от холода, не сразу, а долго и мучаясь от угрожающей ему гангрены. Когда наконец удалось развести небольшой костер, достаточно теплый, чтобы согреть руки и ноги, и Ваня лег у огня, наконец обретя заслуженный отдых, Олег заметил совсем недалеко несколько светящихся точек в темноте.

Это не огни на горизонте. Они движутся парами, приближаясь. Не очень понимая, что происходит, Олег привстал, чтобы получше разглядеть, потому что пламя костра ослепляло его. И тогда понял: это тундровые волки! «Как же я об этом раньше не подумал!?» – Олег хлопнул себя по лбу. Огонь привлек внимание троих волков, которые подходили ближе и ближе. Они уже учуяли мягкое мясо Олега и Вани. Моряк поднимает камни и бросает их в волков, но это только рассерживает их и раззадоривает. Ваня заметил хищников и тихо наблюдал за их приближением, но он слишком устал, чтобы что-то делать. «Если б только у меня был факел...» – сокрушался Олег, пытаясь придумать какой-нибудь план, чтобы отпугнуть зверей. Он взял из костра зажженную веточку и начал отмахиваться ей от волков, которые подошли теперь на опасно близкое расстояние. Похоже, они боялись огня, но веточка маленькая, и пламя быстро погасло.

Один из волков, на вид самый агрессивный, двигался в сторону Олега, который, собрав все силы, поднял с земли огромный булыжник и бросил, придавив им зверя к земле. Остальные двое испуганно завывали, пока их вожак корчился от боли. Олег закричал:

– У, проклятые волки! Думали нас сожрать, да? Это у меня сегодня будет шашлык из волков!

Его громогласный крик отпугивал зверей, которые в страхе отступали, однако, еще кружили по насыпи, даже после того, как Олег продолжал бросать в них камни. Капитан поднял булыжник с уже мертвого животного и оттащил труп к костру. С помощью ножа, он начал разделывать тушу, отдирая шкуру, как вдруг услышал шум за спиной. Это был другой волк, хитро обогнувший стоянку, чтобы напасть сзади. Олег заметил его в тот момент, когда зверь уже был готов прыгнуть в его сторону, начав борьбу не на жизнь, а на смерть между *сэр варк* и *сэр сармик* – «белым медведем» и белым волком. Хищник набросился на Олега, стараясь ухватить его зубами, а тот пытался задушить зверя. Ножик выпал из кармана и оказался у костра. Глядя на нож, Олег заметил, что другой волк готовился напасть на Ваню, который едва приподнялся, встревоженный угрозой, нависшей над его другом.

– Сзади! За тобой, идиот! – закричал Олег, как будто олень понимал по-русски, а волк, раскрыв оскаленную зубастую пасть, напал на бедного оленя, который прыгал и уворачивался, пытаясь освободиться от хищника, впившегося ему в спину.

Стеная от боли, Ваню упал в костер, потушив его своим телом. От его падения в снег ножик отбросило в сторону Олега, который из последних сил боролся с волком, отталкивая зубастую пасть от своего бородатого лица. Но зверь острыми когтями разрывал изношенную одежду морского волка, который разъяренно рычал на тундрового волка, так дико, что трудно было разобрать, кто из них зверь, а кто человек. Олег освободил одну руку, чтобы нащупать ножик в темноте вечных сумерек, пока Ваню изворачивался и, обезумев, барахтался в снегу, стараясь стряхнуть с себя дикого зверя, не оставляющего попыток поужинать оленем. Клыки волка уже почти дотягивались до носа Олега, рука которого угрожала отказать от усталости, позволяя хищнику вонзиться зубами в лицо здоровяка, а это означало бы его конец. Олега тошнило от зловонного запаха из пасти волка, который рычал прямо в его лицо, это мешало думать. Как будто сама по себе, правая рука Олега в суматохе искала ножик, лежащий всего в нескольких сантиметрах.

После нескольких безуспешных попыток, Олег наконец нащупал пальцами ножик. Капитан быстро схватил его и вонзил в живот волка, теплая кровь полилась на его руку, продолжавшую наносить удары, пока зверь не перестал сопротивляться. Тогда великан поднялся и молнией подбежал к волку, атаковавшему Ваню, пнув его так сильно, что хищник улетел на несколько метров, завыв от боли. Последнее, что зверь увидел в жизни, – устрашающая фигура русского гиганта, с окровавленным ножом в руке, а затем огромный ботинок, раздавливающий его кости. Олег подошел к Ваню, который тяжело дышал, не двигаясь. Бедный олень сильно пострадал от нападения, но его толстую шкуру было не так просто прокусить. Олег гладил бедное животное, не зная, как ему помочь. Он решил развести новый костер, используя остатки относительно сухого мха, собранного раньше неподалеку. На этот раз он сделал костер более незаметным, скрытым в углублении среди камней, так что издали он не был виден никакому хищнику.

При слабом свете огня Олег разделал ножом шкуру одного из волков, укрыв ей Ваню, прижал пальцами над местами ранений, чтобы остановить кровотечение. Моряк, как и обещал, приготовил шашлык из волка на ужин – жарил окорок на костре. Он пил кровь зверя, еще теплую, испытывая жажду и веря, что кровь животного придаст ему сил. Капитан предложил кусок окорока Ваню, который, тяжело дыша, отвернул морду с отвращением. Олег засмеялся и легко похлопал оленя по спине:

– Эх ты, травоядный мой друг. Не знаешь, от чего отказываешься!

Капитан «Арктических пиратов» вдруг вспомнил о своих компаньонах. «Где бы они могли быть?» – думал он. Найдутся ли они в Малых Кармакулах? Пока что Ваню выполнял роль его компаньона, на котором он и улегся, укрывшись шкурой волка – отличное одеяло для такой холодной ночи. Олег спрашивал себя, после стольких лет на борту легендарного «Морского царя» – так назывался его корабль – стал ли он зависимым от общества. Одиночество – самый большой страх в жизни морского волка, всегда окруженного друзьями и женщинами, за исключением моментов, когда необходимо бороться с врагами, которых он тоже имел немало. Теперь, когда он оказался один, потерял память, только Ваню и спасал его, давая ощущение, что он не всеми брошен и позабыт.

Измученный великан наконец задремал, глядя в изумлении на представление природы, который северное сияние устроило над его головой. Олений живот служил ему большой подушкой, и Олег провалился в глубокий сон, мечтая найти своих соратников и вернуться к цивилизации.

После почти целого дня в пути, ненцы остановились, выбрав место для нового поселка, в нескольких километрах на северо-запад от предыдущей стоянки. Мюсене хотелось пойти еще дальше, если возможно, даже на Северный остров, на другую сторону света, тогда бы русские точно не добрались до них, но из-за плохой погоды караван шел трудно, медленно. Видя, что

ненцы не могли уже идти дальше, Мюсена, который вел группу, сжалился над несчастными и решил остановиться. Как это ни грустно, на самом деле он знал, что куда ни направляйся, русские все равно их отыщут. Вместе с Хадко и Ясавэем, он начал ставить чум. Вокруг была горная ухабистая местность, что доставит неудобства поселенцам, но и вероятным экспедициям также будет сложно добраться до них. Хотя, поднявшись на одну из ближайших гор, чтобы осмотреться, Хадко заметил, что они находились недалеко от моря, а это могло быть опасно. Близость к берегу означала более высокую влажность, а значит, еще и пронизывающий холодный ветер. С одной стороны, горный рельеф местности, где решено было поставить чум, создавал естественный барьер для врагов, будь то люди или дикие звери – волки и медведи, – однако, здесь опасность могла угрожать им с другой стороны, в виде вражеских кораблей. Море еще не вполне замерзло, так что сюда могло прибыть даже большое судно.

В такой ситуации необходимо быть осторожными и не подавать знаков своего присутствия, которые могут заметить с берега. Вернувшись к поселению, Хадко рассказал о своей разведке Мюсене, починавшему сани. Они обсуждали, что предпринять в случае нападения, пока поселенцы, в большинстве своем, женщины и дети, собирали мох и веточки, чтобы развести костер.

Ясавэй подошел к Петру, лежавшему в импровизированном спальном мешке, в мучениях от жара и галлюцинаций. Петру показалось, будто это не старый шаман пришел, а его отец Мыкола.

– *Тату, це ти?* – спрашивал он по-украински: «папа, это ты?»

Ясавэй понял только то, что мужчина бредит, и начал жестикулировать, говоря что-то по-ненецки. Петру, на этот раз по-русски, отвечал:

– Ничего себе, папа...! Я... не знал, что украинский настолько... отличается от русского! – и ему было чему удивиться, ведь ненецкий не похож ни на один из языков индо-европейской семьи.

Ясавэй решил, что лучше затащить иноземца в чум, где уже собирались разжечь костер.

Народ собрался внутри чума на обед. Саване думала дать немного еды Петру, который ничего не ел с тех пор, как его ранили, и потерял много крови, но угрюмый Мюсена не пустил ее, не комментируя свое решение ни единым словом. Для него было бы лучше, чтобы иностранец просто сдох. С самого начала он был против присутствия русского и принял его в чум только из уважения к Ясавэю. Еще вчера было несколько моментов, когда воин целился в Петра, и не выстрелил только потому, что был занят другими русскими. Кроме того, *тадебя* осудил бы его за такой поступок, а раз нельзя убить, пусть нежеланный гость умрет от жара, корчась от боли. Это даже приятнее, наблюдать, как он страдает от медленной и мучительной смерти, чем устроить ему быстрый и безболезненный конец.

Погода заметно ухудшалась, чум трясся от сильного ветра. После взрыва, устроенного *сэр варк* во время сражения, жилище было местами повреждено, его залатали на скорую руку, используя доски из саней пиратов и шкуру погибших в стычке оленей.

– Будет метель, – сказал Ясавэй, чувствуя холод от ветра, приносящего маленькие снежинки.

– Нам обязательно нужно поесть и отогреться хорошенько, – наставляла Саване детей, собирая их вместе.

Старый шаман оглядел горы вокруг и покачал головой: «Похоже, здешние духи недовольны. Я чувствую плохую энергию, ненависть и обиду вокруг меня», – рассуждал старик, беспокоясь о жизни Петра. Он знал, что большая часть этой энергии исходила от Мюсены, презиравшего иноземного исследователя.

Мюсена сильно изменился. Раньше он был славным скромным парнем и ненавидел драться. Ему пришлось научиться воевать, когда ненцы убежали на север острова, а русские преследовали их. Во время первого же сражения отец Мюсены, Саваня, храбро погиб, защи-

щая убегающих поселенцев и отвлекая внимание русских в другую сторону от чума, чтобы ненцы смогли скрыться. Во время второй атаки русских, Мюсена отправился по следам отца навстречу верной смерти, после того, как мать, раненная пулей в легкое, умерла у него на руках. Обезумев от гнева, он пошел с копьем против русских, собственноручно убив троих. Когда же бой закончился, с ножевыми ранениями, избитый и с простреленным боком, он все еще рвался воевать, не различая, где враги, а где друзья, ослепленный ненавистью. Только с помощью Саване он научился сдерживаться, начал пропускать свой гнев через винтовку и стал отличным стрелком. В то время они были влюблены друг в друга и, среди хаоса и войны, попросили *тадебя* соединить их тела и души, чтобы быть вместе навсегда, что бы ни случилось.

Саване немного младше Мюсены, ей около 17 лет, но она обладает умом и рассудительностью зрелой мудрой женщины. Она единственная могла поддерживать психическое здоровье Мюсены. Пока еще единственная, так как – воин не знал об этом – Саване ждала от него ребенка. Все, чего хотела девушка, – родить в спокойном месте, где дитя могло бы вырасти счастливым и здоровым. Очевидно, что место, где они находились, не было подходящим. Это самое «спокойное место» существовало, по-видимому, только в мечтах Саване, ведь они все время переезжали из-за жутких обстоятельств. Но даже так она не теряла надежды и верила, что, в конце концов, все будет хорошо. А если сейчас не все хорошо, значит, еще не конец. Только она подумала об этом, как чум затрясся. Это метель наконец подобралась к ненцам.

Снег, прежде тихо падавший маленькими снежинками, танцующими на легком ветерке, теперь резко обрушился сильными ударами невидимой плети. На самом деле, не такой уж невидимый: это ветер невидим, а снег, который он несет, завихряется и рисует красивую, но страшную картину. Ветер дул изо всех сил, так что вскоре ненцы снова пошли просить *тадебя* сделать что-нибудь, чтобы остановить жестокое представление метели. Ясавэй, который до тех пор спокойно сидел в уединении в своем углу чума, открыл глаза и выслушал просьбы поселенцев. Некоторые спрашивали, почему чум не поставили ближе к подножию горы, чтобы защититься от ветра, и Мюсена сразу отвечал:

– Посмотрите, сколько снега на вершинах гор! Мы поставили чум в самом лучшем месте из всех, что можно было найти вокруг, и изучили все возможные выходы из ситуации, в которой оказались. Здесь наш чум уязвимее для метели, но зато дальше от возможных лавин!

По нервному тону голосов Мюсены и поселенцев шаман заметил, что ситуация становится критичной. С одной стороны, они позаботились, чтобы их не поглотила снежная лавина, с другой стороны, если их подметет бураном – такой исход будет не лучшим для и без того много переживших людей. Ясавэй поднялся и начал исполнять ритуал для духов-хранителей ветра, с песнопениями, размахивая посохом, но все зря.

После каждой безуспешной попытки поселенцы, нервничая, глядели на шамана, притихнув так, что слышались только стоны иноземца, который лежал в чуме, мучимый жаром.

Тадебя исполнял специальные танцы и ритуалы, но мороз только крепчал. Похоже, что духи природы больше не слышали его, может, оттого что, будучи мудрыми, они впали в спячку, как медведи...

– *Тадебя*, а где еще можно найти этот камень? – любопытствует Петро. – Я хотел бы лучше его изучить.

Ясавэй показывает жестом идти за ним. Снаружи чума день кажется светлее, а погода значительно приятнее, чем вчера вечером. С трудом Петро идет по следам шамана на снегу. После того, как они добрались до вершины одного холма, *тадебя* останавливается и смотрит вдаль.

– Знаешь, Петро... – начинает объяснять по-русски старик после долгой паузы, перебитый кашлем, мучившим этнографа. – У этой земли, называемой нами *Сиртя*, есть такие секреты, которые человек объяснить не может. Под нашими ногами находится бог Нга, который

держит весь мир. Только самые могущественные из шаманов могут общаться с ним, с помощью силы того камня, что я использовал. Я последний шаман, у которого есть такая сила. Тот камень передается из поколения в поколение, происходит он из этого самого места, где мы сейчас находимся. Я верю, что случившееся вчера – это ветер судьбы, предсказавший, что скоро произойдет нечто грандиозное. Грандиозное, но не обязательно хорошее. Я верю, что ничего не бывает просто так, и ты сюда приехал с целью, поставленной богами. Если ты сможешь раскрыть тайны этого камня и познать его настоящую силу, ты будешь способен сделать великие подвиги ради человечества.

Петро слушает внимательно. Он понимает значимость момента, и видит, что вся его жизнь до сих пор была как будто одной большой головоломкой, и он только что нашел важнейшую деталь, чтобы ее решить. Его детские мечты о том, чтобы путешествовать во времени и увидеть древние цивилизации, отправиться в будущее и посмотреть, какими мы станем... Как будто сейчас он мог потрогать эту мечту своими замерзшими руками, как будто его боль отступила, он был охвачен чувством эйфории, словно получил сокровище, которое всегда искал, сам того не зная.

– Но есть одно но, – предупреждает старик. – Сила камня Нга неизмерима и может быть использована во благо и во зло. Я вижу, что ты дух добра, принесенный сюда богами, ты свободен от жадности и злодейства. Ты – посредник, который должен принести силу этого камня миру, став его хранителем. Я не могу завести на полную мощность этот неоценимый подарок, но ты посланник богов, который сможет развить силу этого камня до невообразимого уровня. Используй его во благо, и он принесет Земле мир. Используй его во зло, и пострадаешь от жутких последствий!

– Я чувствую, будто вся моя жизнь была подготовкой к этому моменту, друг *тадебя*. Хотя мне еще понадобится многое исследовать, прежде чем раскрою тайну этого камня. А ведь я еще даже не знаю, доберусь ли живым до континента!

Шаман улыбается и смотрит на молодого человека, который не очень хорошо понимает такую реакцию старика. Петро собирается спросить, понял ли его шаман, но тут видит вдалеке какое-то судно.

– Вот об этом я и говорил! Теперь мы точно пропали... – жалуется ученый. – Русские в этот раз приплывают на корабле. *Тадебя*, нельзя ли провести ритуал еще раз, чтобы вернуть спокойные времена и отменить их прибытие?

Тадебя делает глубокий вдох и начинает раскапывать ногами и посохом снег вокруг себя. Петро не понимает, что происходит, но он уверен, что шаман не игнорирует его. Старик владеет русским гораздо лучше, чем он представлял.

– Нга не любит, чтобы его беспокоили. Кроме того, ты хорошо знаешь, что ритуал занимает много времени и стараний, а в результате меняется только погода, *вындер*, – говорит шаман, продолжая раскапывать снег.

– Тогда разберем чум и сбежим отсюда! Русские найдут нас сразу, как только высадятся на побережье! – встревоженно восклицает Петро.

Корабль все приближается, проходя по берегу холодного моря. Это пароход, большой и тяжелый, на котором, похоже, заметил присутствие поселенцев. В этот момент Ясавэй показывает Петру камень, выглядывающий из-под снега. Он точно такой же, как камень Нга, к удивлению этнографа. Теперь он понимает: когда шаман сказал, что тот камень, который он все время носил с собой, происходит именно оттуда, где они находились, то имел в виду не архипелаг, и не целый арктический регион, а буквально место, где они стоят. Посохом Ясавэй отбивает несколько фрагментов камня и подталкивает их к Петру, у которого совсем опустились руки от отчаяния.

– Вы не понимаете, Ясавэй! Смотрите, там, на горизонте! Корабль огромный, он может везти десятки воинов, у нас нет никаких шансов против них! Я не вернусь на континент, а буду

бороться и погибну вместе с вами, нет обратного пути... – говорит Петро, тщетно пытаюсь сохранять спокойствие.

– Давай, давай, бери эти камни. Их должно хватить на твоё исследование. Возьми их и спускайся быстро, мы торопимся.

Петро действует, как сказал ему шаман, рассыпая куски камня по карманам. Они идут обратно в поселок, где встречают обеспокоенного Мюсена, который тоже увидел корабль и опасался наихудшего. Они с Хадко начинают разбирать чум, решив переместиться в горы, где они были бы в большей безопасности, но добраться туда будет уже труднее. Петро идет за своими вещами и, складывая камни в рюкзак, находит свою подозрительную трубу, о которой совсем уже было забыл. Ученый поднимается на горку и смотрит в трубу на судно. К его удивлению, на корабле не российский флаг, а норвежский. Он смотрит снова, чтобы удостовериться, и изумленно убеждается в этом.

Обрадованный, он спускается, чтобы рассказать ненцам, что тот корабль не российский и можно пойти на контакт, чтобы сбежать с острова. Норвежцы не обязательно друзья, но они враги ненецких врагов, так что могли бы проявить солидарность и предложить им переехать на континент.

– Ты уверен? – спрашивает Мюсена, подозревая, что это может быть «еще один обман белого дьявола».

– Абсолютно! Смотри! – протягивает ему подозрительную трубу Петро.

– А откуда ты знаешь, что они нам помогут? – спрашивает воин.

– Я узнаю, только если попытаемся, – отвечает этнограф. – В любом случае, другого выбора у нас нет. Я могу поговорить с ними, чтобы нас отвезли на континент, желательно подальше от России.

Петро, еще чувствуя усталость и боль от ранений, спешит к побережью, примерно в двух километрах от них, зажигает факел и машет кораблю. Издалека, через подозрительную трубу, Мюсена и Хадко наблюдают за происходящим. Корабль сначала, казалось, медленно двигался на север, но постепенно развернулся. Петро ликует. Судно приближается настолько это возможно, но берег покрыт льдом, так что ближе подойти никак нельзя. Этнограф направляется к кораблю, на борту которого читается «Åsgard», к нему спускают приставную лестницу. С определенными усилиями ученый поднимается и видит лица, обрамленные светлыми волосами, с ледяными глазами, наблюдающие за ним. Они обсуждают между собой странного человека, который забирается на палубу.

Моряки приветствуют Петра, который знал несколько слов на их нордическом языке, благодаря предыдущим встречам с норвежскими путешественниками по Арктике. Он спрашивает, говорит ли кто-нибудь по-немецки или по-русски, и один из них, капитан Андреас Амундсен обращается к гостю по-немецки. Петро чувствует себя увереннее, наладив общение, и объясняет ситуацию капитану, прося у него убежища в Норвегии.

– Это китобойное судно, у нас нет никаких полномочий на территории Норвегии, и там вас могут осудить как незаконных мигрантов, – объясняет Амундсен.

– Я отлично понимаю, капитан. И осознаю, на какой риск мы идем, но быть в нелегальном положении в Норвегии все равно гораздо лучше, чем оставаться на этой негостеприимной земле. Оставьте нас где угодно на норвежском побережье, мы разберемся, мы стойкие.

Капитан задумывается и просит дать ему минуту обсудить этот вопрос с экипажем. Петро пытается разглядеть вдалеке чум, почти слившийся с горным пейзажем. Он думает про себя: а что, если ненцы решили бросить его там с этими иностранцами, забрав его вещи, либо из-за страха перед норвежскими гостями, либо из-за решения, скорее всего, Мюсены, переехать и избавиться от чужеземца.

– Вот что, мой друг этнограф... Как Вам известно, наша работа – охотиться на китов. Мы не имеем никакого отношения к политике и не хотим впутываться в проблемы, – говорит Амундсен.

Сердце Петра сжимается, будто не желая смириться с мыслью, что он получает отказ, но он знает, что выбора нет.

– Тем не менее, – продолжает капитан. – Мы можем вас довести до такой же забытой богом земли, как эта, только на норвежском побережье. При условии, что вы никому не сообщите – ни русским, ни норвежцам – что это мы вас туда доставили!

– *Tusen takk!* – горячо благодарит его Петро по-норвежски. Он жмет руку Андреаса и шутит: – Скажем, что охотились на зайцев в российской части полуострова и сами не заметили, как оказались на норвежской стороне!

Около часа спустя, ненцы направляются к кораблю вслед за Петром. Возглавляют процессию Хадко и Мюсена, одетые в тяжелые медвежьи и олени. Под ними воины несут свое оружие, готовые защищаться при первых признаках опасности. Ясавэй ведет оленей, Саване сопровождает детей и женщин. Огромный китобойный пароход открывает вход, обычно используемый, чтобы затаскивать на палубу китов, а теперь с этой стороны поднимаются на корабль ненцы. Экипаж также принимает иноземцев на борт с осторожностью.

Все на месте, корабль отправляется на запад, в сторону Норвежского моря. Петро печально смотрит вдаль. Он рад, что помог ненцам, но ему грустно из-за всего, что произошло. Путешествие его мечты на Новую Землю закончилось неожиданно и мучительно. Петро исхудал, чувствовал себя угнетенно, его сердце разбито на осколки. Вся его жизнь кажется одним сплошным разочарованием. Прикоснувшись к месту ранения, еще ощущая боль, Петро нащупывает куски камня Нга в своем рюкзаке. Что еще готовит ему судьба? Ученому нравилось думать, что когда жизнь устраивает испытания, значит, должна быть и награда за них. Может, этот камень и есть награда?

В это время в нескольких километрах к югу Олег и Ваню наконец добираются до Малых Кармакул. Измученных, голодных и замерших, их заметили из окна местной администрации. Несколько человек сразу же выходят с оружием, чтобы посмотреть, кто это. Один из них, самый молодой, узнает Олега, который в это время уже упал возле оленя:

– Это же пират, который ездил разбираться с ненцами!

– А куда подевались остальные?

– Вроде никого больше нет, только олень... Видимо, дикари доставили ему хлопот. Смотри, он еле дышит. Похоже, он единственный остался в живых и смог вернуться!

С большим трудом мужчины относят тяжелое тело пирата в импровизированный лазарет в доме одного из них. Олег едва открывает глаза и замечает странный красный флаг, развевающийся снаружи. «Что это за флаг?» – удивляется он, но тут же теряет сознание.

После пары дней плавания экипаж «*Åsgard*» наконец видит норвежскую землю. Корабль в это время выглядит не очень оживленным, с одной стороны ненцы, спящие где придется, с другой – моряки, молча управляющие кораблем. Петро – единственный, кто может общаться с обеими группами, хотя у него нет для этого особого настроения, разве что для разговоров с капитаном Андреасом. От него исследователь узнал, что в России произошла революция и, судя по всему, империя вернула свои войска, выйдя из великой войны, которая все еще продолжалась. Путч, кажется, устроили коммунисты, которые теперь пришли к власти и, по слухам, казнили членов императорской семьи. В этот момент Петро только и мог думать о Наташе и ее семье: как они там. Он знал, что должен вернуться домой как можно скорее.

Причалив к берегу, Петро и ненцы прощаются с экипажем, который продолжает свой путь на Ян-Майен. Теперь они снова одни. Петро чувствует себя одиноким, после всех этих

событий, где он постоянно находился между двумя группами, двумя народами, двумя культурами – между русскими и ненцами, либо ненцами и норвежцами, а он не относил себя ни к тем, ни к другим. Для ненцев он никогда не станет своим, тем более теперь, после столкновения с русскими, когда его недолюбливали и относились к нему еще более настороженно. Да и русским он себя тоже не ощущает. Не из-за своего татарско-украинского происхождения – с ним он всю жизнь прожил как русский, но потому что не идентифицировал себя с менталитетом этих людей, как тех бандитов, которых он помогал победить. Он себя чувствовал одним в этом мире. Родители его покинули, жену он оставил в погоне за глупой мечтой, и что получил в итоге? Только горе и беды. Может, и жены он не застанет, вернувшись. Может, возвратившись, он не найдет ничего из той жизни, от которой так старался убежать. Все, что Петро может сделать сейчас – идти по своему пути и стараться навести порядок в своей жизни. В этот момент этнограф возвращается из задумчивого полусна от легкого хлопка Ясавэя по плечу:

– *Вьндер*, пожалуй, пора прощаться.

Как будто прочитав мысли Петра, *тадебя* буквально сорвал слова с его уст. Этнограф смотрит на людей, которых Нга, кажется, скорее проклял, чем спас. Уставшие, замерзшие, истощенные, они пытаются делать то, что умеют лучше всего: приспособливаться к новому. На незнакомом месте, на заснеженном горном побережье северной Норвегии, окруженном фьордами, они начинают ставить чум и обустраиваться снова, надеясь, что здесь их не тронут. Петро старается не унывать, а приспособливаться, как ненцы. Возможно, это самое важное, чему он научился у стойкого народа: адаптироваться к любым обстоятельствам, какими бы они ни были. Он берет свои сани и тяжело двигает их впереди. Мюсена приводит двух оленей, чтобы помочь ему. Петро вглядывается в лицо воина, ожидая увидеть на нем радость оттого, что старый враг уходит навсегда, но вместо этого видит тяжелый, грустный, почти траурный взгляд. Мюсена молча возвращается в чум, а Хадко подходит к Петру и дарит ему свое копье.

– Я не достоин такого подарка, Хадко... – отказывается ученый.

– Тебе пригодится, – настаивает воин.

Петро думает о волках и медведях – они вполне могут встретиться на пути, который не обещает ничего, кроме трудностей и опасностей, и благодарно принимает подарок. Не находя смелости попрощаться, Петро разворачивается и уходит, отдаляясь от поселения. Но тут же слышит быстрые приближающиеся шаги сзади: это дети не выдержали и побежали его обнять, окруженные прыгающими самоедами. Петро улыбается и машет на прощание поселенцам, которые провожают его взглядом.

Петро не знает куда идти, но это волнует его меньше, чем хотелось бы. Если он нашел ненецких повстанцев наугад, на незнакомой земле, то интуиция должна подсказать дорогу и в этом негостеприимном месте.

Глава 5. Сталинская гвардия

После долгого трудового дня ученые, наконец, закрывают лабораторию, и Лидия отправляется к Сталину, чтобы сообщить об успехе первого эксперимента. Тихие улицы огромной крепости Кремля хранят тайны многовековой истории. Это место помнит Ивана IV Грозного, Петра I и Владимира Ленина. Девушка думает о фантастическом эксперименте, свидетелем которого она стала сегодня, и о результатах, которые машина принесет истории человечества.

Лидия проходит мимо знаменитой Царь-пушки, огромного бронзового орудия весом более 39 тонн, отлитой в XVI веке для защиты Кремля, но ни разу не использованной по назначению, и Царь-колокола, творения XVIII века, третьей попытки в безуспешной серии создания огромных колоколов, тоже из бронзы, весом более 200 тонн и тоже ни разу не звонившего, треснувшего во время пожара. А напротив она видит знакомые лица: Виктор, Лев и Тимур тоже куда-то идут. Заметив Серафимова, девушка старается сдержать волнение, которое не превосходит разве что переживание о внешнем виде солдат – они выглядят исхудавшими и усталыми. Уже больше месяца они не виделись, с тех пор как военных отправили на Лубянку, а Лидия поехала на Новую Землю. Виктор узнает девушку и, не в силах скрыть удивление и радость, подходит поговорить с ней.

– Здравствуйте, товарищ Кайсина! Давно не виделись! – сияет солдат, будто увидев яркое солнце после долгой непогоды.

– Добрый день, товарищи. Как подготовка? – спрашивает агент, стараясь выглядеть не слишком заинтересованной.

– Спасибо, неплохо, – отвечает Лев, бледный, как призрак. На самом деле солдаты практически не видели дневного света за все время, проведенное в подвалах Лубянки.

– Да, легкотня! – комментирует Виктор, пытаясь впечатлить агента. – Было пару занятий по военной стратегии, тир, лекции агентов, ничего особенного!

– Занятно. Мне рассказывали совсем другое, – недоверчиво замечает девушка.

На самом деле много всего произошло с тех пор, как ребята прошли ужасные испытания Исаева. После побега Казанского Кошмара и его сообщников, которые до сих пор не найдены, солдатам провели настоящую промывку мозгов. Цель тренировки – выдрессировать их, превращая в убийственные машины, для которых преданность Сталину превыше всего. Многие кандидаты погибают или сходят с ума во время подготовки, но для этих троих, ветеранов Великой отечественной, это всего лишь рутинная.

– А экспедиция все-таки состоялась? – интересуется Тимур.

– Разумеется, – отвечает Лидия. – Товарищ Сталин приказал – и, конечно же, все выполнено.

– И вы нашли, что искали? – любопытствует Лев.

– Скоро узнаете, – сухо отвечает Лидия. – Теперь, когда вы – сталингвардейцы, полагаю, у вас много дел.

– Да, скоро будет Парад Победы, – комментирует Виктор. – Можно ли будет Вас там увидеть?

– Если Вы меня увидите, значит, я плохо выполнила свою работу, – отвечает агент, продолжая свой путь.

Виктор задумчиво провожает ее взглядом. Почему она так холодна? Неужели и правда ненавидит его?

Солдаты направляются к казармам, расположенным в Кремлевском Арсенале, внутреннем здании в стиле классицизма. У входа их встречают трое военных.

– Здравия желаю, товарищи! Вы, должно быть, Букейханов, Литвин и Серафимов, верно? – спрашивает один из охранников.

– Так точно. А вы охранники Сталина? – уточняет Виктор.

– Какие еще охранники? – подмигивает тот. – Разрешите представиться – Ярослав Атаманов, а это мои товарищи Стефан Кантемир и Владимир Воеводин.

Стефан и Владимир лишь сурово кивают головами, и новички отвечают тем же.

– Пройдемте, мы проводим вас в казарму, – говорит Ярослав, приглашая в здание.

Солдатское общежитие, предназначенное для проживания элитной гвардии Сталина, довольно просторное и удобное для тех, кто прибыл с немецкого фронта и прошел столько испытаний, как эти трое солдат, хотя спальные помещения все равно общие – так военные могут следить друг за другом. Официально этого подразделения не существует. По документам, это часть патрульного взвода Кремля, но в отличие от остальных, они не участвуют в собственно патрулировании и подчиняются лично главнокомандующему. Сталину, как наиважнейшей политической фигуре, необходимо иметь собственную мощную систему безопасности, поэтому у него есть тайная охрана, всегда сопровождающая его о на расстоянии, не привлекая к себе внимания. Это оправдывает суровую подготовку на Лубянке, ведь сталиногвардейцы также являются агентами советской разведки – охраной охран, глазами, ушами и кулаками генсека.

– ...так мы и оказались здесь, – заключает Лев, рассказав об их приключениях, начиная с произошедшего в Берлине. Хотя гвардейцам уже было известно о «триумфальном прибытии» солдат на Октябрьское, до сих пор ничего не сказано о доставленном ими грузе.

– А вы? – любопытствует Тимур.

– Скажем так, продемонстрировали некоторые способности, которые привлекли внимание товарища генсека, – говорит Владимир, зажигая сигарету.

– Какие? – спрашивает Виктор.

– Способности, которые делают нас очень опасными людьми, – отвечает Стефан, черные глаза и волосы которого в тени кажутся естественным камуфляжем.

Поняв, что у этих мужчин тоже есть свои секреты, солдаты решают больше ничего не спрашивать. Они все еще не могут поверить, что живут в Кремле – сердце советской столицы и социалистического мира. Через окно они наблюдают знаменитые политические и военные фигуры, изумительные машины и здания – мир, который они и представить не могли, что увидят так близко. Солдаты отправляются к главному входу Арсенала полюбоваться пейзажем, который все еще кажется им нереальным.

– Смотрите, это не Жуков там? – спрашивает Лев, указывая на высокопоставленного военного, проходящего по Кремлю.

– Нет, Жуков такой, покрепче, чем тот мужик. Это, наверное, Конев! – предполагает Тимур.

– Не могу поверить, что живу в Кремле! – восторгается Лев. – Это странно, но такое ощущение, будто я дома, как будто я здесь уже был... Может быть, это из-за моих предков, которые захватили Кремль в XVII веке! – говорит белорус, посмеиваясь.

– В смысле? Твои предки были французами? – удивляется Виктор.

– Нет, что ты, французы захватили Москву в XIX веке. Я говорю о вторжении Речи Посполитой, за два века до того, – отвечает Лев, любитель истории.

– Ничего себе... А я-то думал, что Кремль неприступен! – поражается Тимур. – Сколько же раз крепость захватывали?

– Ну, кроме нас с поляками и литовцами в XVII веке и французов в XIX веке, еще большевики во время Октябрьской революции, – говорит Лев наставительным тоном. – Не говоря о татаро-монгольском иге, которое владело территорией, ныне называемой Россией, веками, еще до Кремля.

– Это у нас общее, – комментирует Тимур. – Монголы тоже оккупировали наши земли.

– Общее с русскими, не с нами, – парирует Лев. – Нас татаро-монголы не завоевывали. Они захватили территории от побережья Японского моря до Москвы, а через наши болота не прошли!

– Надо же, я и не знал, что и белорусы на нас нападали, – заинтригованно говорит Виктор, – А я думал, мы братские народы!

– Разумеется: братьев не выбирают! – иронизирует Лев. – Смотри, вон Красная площадь. Памятник Минину и Пожарскому почему там стоит?

– Потому что они... создатели города? – нерешительно гадает Виктор.

– Нет, они возглавили народное ополчение, освободившее Кремль от войск Речи Посполитой, когда царь сбежал, поджав хвост. Памятник поставлен в честь этого события. Но ты, наверное, слышал о старом соборе Казанской Богоматери, который тоже находился на Красной площади до 1936 года?

– Ну, слышал... – Виктор морщит лоб, пытаясь вспомнить храм, разрушенный коммунистами.

– Его построили по приказу Пожарского по той же причине: в честь победы над нашей армией. Красная площадь – символ России, полный символов побед в войнах с иностранными державами. Вон старый храм Василия Блаженного, возведенный по приказу Ивана Грозного в честь взятия Казани, после трех неудачных попыток. Идея Кремля вообще происходит от татар, как можно догадаться, анализируя намного более древний Казанский кремль, также и архитектура этого собора не лишена татарского влияния, он напоминает мечеть с многочисленными башнями. Так что, выходит, самые знаменитые символы России и русского народа, по сути – татарские. Забавно, правда?

Прежде, чем Виктор успевает что-то ответить, беседу прерывает Атаманов:

– Извините, что мешаю вашему уроку истории, но у нас важное собрание. Надевайте форму и поднимайтесь, – вручает он солдатам три тяжелых свертка.

– Собрание? – спрашивают солдаты.

– Так точно. Как вам уже известно, 24 июня будет парад в честь победы над фашистской Германией. Это потребует усиленной системы безопасности Сталина, так как событие будет иметь невиданные ранее масштабы, и нужно обсудить наши позиции, – объясняет Ярослав.

– Так точно, – подчиняются солдаты.

Охранники собираются в Сенатской башне Кремля, перед Красной площадью, где пройдет парад. Атаманов, стратег группы, определяет места, где будет находиться каждый охранник.

– ...значит, войска прибывают сюда и останавливаются на флангах. Товарищ Сталин будет здесь с регулярной охраной, а ты, Кантемир, – вот здесь, около мавзолея. Ты, Воеводин – тут, на Северном входе, а я – на крыше ГУМа.

– Извините, что перебиваю, товарищ Атаманов, но почему между Вами и Сталиным такое расстояние, и что Вы будете делать на крыше ГУМа? – спрашивает Тимур.

– Это стратегические точки, с которых можно предвидеть вероятные нападения или подозрительные движения. С крыши ГУМа я буду наблюдать за парадом вместе с моей старой доброй подругой... – отвечает Ярослав, показывая свою самозарядную винтовку СВТ-40, разработанную легендарным Федором Токаревым.

– А мы, товарищ Атаманов? – спрашивает Виктор.

– Вы должны находиться в радиусе не более 10 метров от Сталина и его сопровождающих. Будьте бдительны. В случае любого подозрительного движения, действуйте не задумываясь!

– Так точно, – отвечают солдаты, восхищаясь лаконичностью плана и автономией охраны. Никаких сложных стратегий. Сами охранники собираются и решают, где чье место и какие у них действия, вот так запросто.

– Ну что ж, до скорого! – прощается доктор Валк, отправляясь к светящемуся portalу машины времени.

Утро 23-го июня 1945 года, 8:00, секретная лаборатория в Кунцево. Ученые и агент Кайсина становятся свидетелями отправления во времени первого, насколько известно, человека. Доктора неустанно работали в течение нескольких недель, производя расчеты и необходимые урегулирования, чтобы, наконец, протестировать машину на людях.

В инструкции, на первый взгляд достаточно подробной, не хватало ключевой информации для полного владения функциями машины, как, например, использование контрольной панели, с помощью которой определяется временной отрезок. Имея только данные из инструкции, невозможно было отправиться ни в будущее, ни в прошедшее более чем на 24 часа, а также провести через портал более одного человека. У ученых складывалось впечатление, что автор не раскрыл всего потенциала машины, из-за халатности, либо из-за секретности информации. Лидия предполагала, что он не хотел делиться всем своим знанием и стать бесполезным человеком, опасаясь, что тогда гитлеровские агенты сразу же избавятся от него из соображений безопасности. Может быть, именно поэтому карта, указывающая место расположения арктикума не очень ясная, ведь так у автора была возможность торговаться с фашистской властью, скорее всего, став их гидом в такой же экспедиции, как проведенная кремлевскими учеными, но в другой ситуации, в случае победы Германии и аннексии советской Арктики к их *Lebensraum* – жизненному пространству.

Зная о планируемом на следующий день Параде Победы, эстонец решил отправиться посмотреть на великое событие, программируя машину на 09:00, 24 июня 1945 года, когда ученые, включая его самого, вместе с Лидией должны встретить его и вместе пойти на парад.

– Ты и глазом не успеешь моргнуть, как вернешься, кроме того, с другой стороны портала мы тебя уже ждем, как будто ты никуда и не отправлялся, – ободряет его Нохчий.

Валк издает нервный смешок, сдерживая охватывающую его дрожь, окидывает взглядом коллег и входит в портал, глубоко вдохнув.

– Поехали! – командует доктор, исчезая вместе с машиной, как будто он и не стоял там секунду назад.

– Хм... Мне понравилось это «Поехали!» – замечает Нохчий, записывая в блокнот. – Надо будет предложить ребятам из космонавтики!

Хмельницкий и Самани не могут сдержать радость.

– Получилось! Сработало! – кричат они обнимаясь.

Лидия, более хладнокровная, предупреждает ученых:

– Товарищи, спокойно! Мы сможем быть уверены в успехе только когда доктор вернется!

– Вы правы, товарищ Кайсина! – возвращаются с небес на землю доктора. – Но разобраться с этой машиной было непросто... Такая радость, что получилось! – объясняет Хмельницкий.

– А я уж подумал, вы радуетесь, что Эндель испарился! – иронизирует Нохчий.

– Очень смешно! – неодобрительно смотрит на коллегу Хмельницкий. – Мы рады за нашего товарища! Теперь осталось только дождаться его с новостями из будущего!

– Кстати, когда он должен вернуться? – уточняет Лидия, заканчивая описывать эту часть эксперимента в тетради.

– Сейчас скажу... – Самани смотрит на часы: – Пять... четыре... три... два... один...

Помещение снова освещается порталом, но на этот раз ученый возвращается.

– Здравствуйте, товарищи! – улыбается Валк.

– Эндель! Ты вернулся, живой и невредимый! Вот здорово! – порывается обнять друга Самани.

Постой! – удерживает коллегу Хмельницкий. – Сначала надо выяснить, все ли с ним в порядке.

– Лучше, чем когда-либо! – заверяет эстонец. – Вы же видели, что и с Борисом ничего такого не случилось, не переживайте!

– Ура! – восклицают доктора, поздравляя коллегу.

– Ну и как там «было» в будущем, товарищ Валк? – интересуется Лидия.

– Ну, сам парад был бы грандиознейшим, если бы не одна маленькая, но очень важная деталь, превратившая его в фиаско, – рассказывает эстонец. – Необходимо предупредить товарища Сталина, чтобы он не открывал парад верхом на коне, как ему хотелось!

– А что такое было? В смысле, будет? – заитригованно спрашивает Хмельницкий.

– Представьте себе, товарищи, мы приходим посмотреть восхитительный парад, где все солдаты выстроены безукоризненно, и на наших глазах происходит катастрофическая сцена! – вещает доктор. – Товарищ Сталин решает, за несколько минут до парада, открыть церемонию самостоятельно, на своем коне, хотя не секрет, что он никогда не был великим наездником. Даже после просьб и молений его приближенных, он решает, что слава грандиозного момента должна принадлежать ему, а не Жукову, назначенному для открытия парада еще на репетициях. Угадайте, что произошло?

– Он упал с коня прямо на Красной площади? – хором спрашивают слушатели.

– Хуже! Завтрашнее утро будет дождливым, и конь будет поскользнуться на мокрой мостовой, к ужасу всех присутствующих.

– Уууу! – воображая сцену, морщатся ученые.

– А после этого, да, товарищ Сталин упадет с коня, сломав правую руку, – предсказывает доктор.

– А затем?!

– Солдаты немедленно прибегут, помогая ему снова оседлать коня. Превозмогая боль, Сталин закончит свое шествие, скорее катастрофическое, чем триумфальное, и быстро направится в Кремль для получения медицинской помощи. Там же я поговорил с ним и объяснил, что прошел через машину, и она работает. Впечатленный, он попросил меня, отправившись назад в прошлое, предупредить его, чтобы не случилось беды. Мне нужно сделать это как можно скорее! – почти на бегу заключает ученый.

– Доктор Валк! Постойте! – окрикает его Лидия. – Это вся информация?

Доктор на секунду задумывается, как будто вспоминая какую-то важную деталь.

– Ах, да! Один охранник, такой высокий, зеленоглазый! – в спешке описывает доктор.

«Виктор!» – сразу понимает офицер: – Что с ним?

– Я думаю, он в вас влюблен! – улыбается доктор. – И, судя по Вашему взгляду, это взаимно!

– В каком смысле?! – покраснев, возмущается женщина. – Доктор Валк! – напрасно кричит она. Ученый выбегает из лаборатории со скоростью, впечатляющей для шестидесятилетнего.

После пробежки и быстрой поездки на машине, доктор Валк наконец встречает вождя, обсуждающего со своими советниками последние детали парада.

– Товарищ Сталин! Товарищ Сталин! – восклицает доктор, заходя в помещение.

– Да, товарищ Валк? Откуда такая спешка? – спрашивает генсек.

– Мне срочно необходимо с Вами поговорить... лично с Вами! – говорит доктор, стараясь отдышаться.

– Ну, говорите уже, что такое важное Вы хотите мне сказать?

– На самом деле, это *Вы сами* хотите себе сказать...

Начиная понимать, о чем речь, Сталин, теперь задумчивый, жестами просит удалиться всех, кроме Валка.

– Сработало? – спрашивает Сталин.

– А как же! – подтверждает Валк.

– Ну?

– Ну вот, я принес Вам сообщение, которое Вы сами себе отправили, только завтра. Вы передали мне его, находясь в кремлевском лазарете, с рукой в гипсе, после катастрофического падения, когда Вы не сможете справиться с поскальзывающимся конем на завтрашнем мероприятии. Вы меня попросили, чтобы сегодня я предупредил Вас ни в коем случае не пытаться завтра самостоятельно открывать парад верхом. «Быть на трибуне мавзолея», – это Вы сами меня попросили передать.

Диктатор подозрительно смотрит на ученого. Может ли это быть заговор, в котором машина времени – всего лишь элемент дерзкого плана против его жизни и советской власти? Неужели это ловушка запада? Он уже подозревал что-то неладное в этой машине, с тех пор как узнал, что это немецкий военный трофей, но прежде всего, это сообщение якобы из будущего похоже на бред, оскорбительное усомнение в навыках верховой езды советского вождя.

– Разве Вы сомневаетесь в моих способностях, как наездника?!

– Разумеется, нет! Вы замечательный наездник! Как я и говорил, я просто выполняю Ваш приказ!

– И почему я должен в это поверить? – спрашивает диктатор, все больше распаляясь. – У Вас нет никаких доказательств, точнее, невозможно доказать, что я скажу это завтра!

– Должен признаться, Ваша мудрость не имеет границ! Вы сами предугадали, как нелегко будет Вас убедить, и передали себе вот это:

Сталин разворачивает небольшую записку, полученную от ученого, в которой написано по-грузински: «ძალა ერთობაშია».

– Я не знаю ни что это значит, ни как это читать, но Вы должны понять, – комментирует доктор Валк.

– *Дзала эртобашиа...* «Сила в союзе», – удивленно читает грузин. Почерк, несомненно, его.

– Итак, что будем делать? – осторожно, почти шепотом спрашивает доктор, глядя на погруженного в мысли советского вождя.

Генсек переводит взгляд на Энделя, как будто только что очнулся. Его глаза, теперь ясные, блестят, зажженные великой идеей.

– Готовьте машину! Я хочу отправиться в 2017 год, чтобы увидеть Столетний юбилей Великой Октябрьской революции!

Ученый удивленно смотрит на Сталина, услышав такой приказ. Даже прекрасно зная о непредсказуемости генсека, доктор поражается такому желанию: это вне всяких возможных прогнозов. Сначала Валк думал, что как только машина будет готова, Сталин отправится в прошлое, чтобы изменить историю, а не в будущее. Предотвратить Вторую Мировую? Или даже Первую? Отправиться в средневековое Московское княжество, чтобы захватить мир с помощью современного, советского оружия? Все это можно было предположить, но нет, советский вождь собирается на экскурсию в Москву на 72 года вперед! Будет ли это только первым путешествием, или остальные планы уже вычеркнуты? Какие еще идеи использования машины времени скрываются в этой гениальной голове? На этот вопрос может ответить только сам Сталин.

– На 72 года... в будущее? – шепчет доктор, не веря своим ушам.

– Совершенно верно! Хочу посмотреть, как Советский Союз будет отмечать столетие Великой революции! Только представьте, наше дело достигнет невообразимых высот! Коммунизм уже наступит, весь мир примет нашу идеологию, СССР будет центральной силой, а наш флаг будет развеваться даже на других планетах! Сила – в союзе! В Союзе Советских Социалистических Республик! – восклицает Сталин пророческим голосом.

– Но... прямо сейчас, товарищ Генеральный Секретарь? – уточняет Валк.

Эстонец думал, что записка – всего лишь пароль, чтобы сегодняшний Сталин поверил сообщению, которое отправил ему завтрашний Сталин, но, похоже, простая на вид бумажка оказалась чем-то намного большим. Если текст означает именно это, то почему сам завтрашний Сталин не сказал ученому прямо? Неужели он боялся, что тот скроет информацию? Или интерпретация записки сегодняшним Сталиным настолько неожиданна, что на самом деле завтрашний Сталин даже не подумал бы о таком путешествии? А возможно, Сталин, бесконечно мудрый, подумал обо всем этом, как только понял, что Валку удалось отправиться в будущее, но знал, что когда тот вернется обратно, чтобы предупредить инцидент с лошадью, будущее изменится, а значит, и его идея тоже. Отправить сообщение и назначить доктора Валка ответственным за предупреждение фиаско на Параде Победы гарантировало сохранение идеи диктатора, даже если будущее изменится. Сталину из прошлого, то есть, сегодняшнему, придется выполнить миссию, что бы ни случилось.

– Ну... – задумчиво говорит генсек. – Может быть, сейчас не самое подходящее время. Я очень занят планами на завтрашний парад. Особенно теперь, когда надо проверить каждый этап подготовки! Но как только парад закончится, хочу, чтобы моя секретная охрана была направлена в лабораторию, где находится машина, для стратегического собрания. И об этом никто больше не должен знать, понятно?

– Так точно, товарищ Сталин! Но... как же мои коллеги? Я не имею самостоятельного доступа к машине, – отвечает Валк.

– С ними я разберусь. Теперь можете быть свободны, – говорит Сталин.

Ученый, нервничая, уходит. Фраза «С ними я разберусь» крутится в его голове. Он опасается за жизнь своих коллег, которые теперь стали неудобством для сталинских планов, а вождь не особо ценит человеческие жизни, и вряд ли поможет то, что эти ученые – одни из самых умных голов СССР, а Кайсина – одна из самых ценных спецагентов. С другой стороны, он никому не может сообщить о планах диктатора, опасаясь за собственную жизнь. Даже если его коллеги станут бесполезными для проекта, у него самого еще есть шанс выжить, благодаря знанию управления машиной. Сталину понадобится его помощь, по крайней мере, чтобы отправиться через портал времени, а что потом – неизвестно.

Валка, вернувшегося в лабораторию коллеги, обсуждавшие в этот момент удачное путешествие на День Победы, встречают расспросами о разговоре со Сталиным.

– Ну что, Эндель, как там? – любопытствует Хмельницкий.

– Да, как все прошло? Он больше не собирается играть в Александра Невского? – присоединяется Нохчий.

Вопросы ученых застают Валка врасплох, он вдруг понимает, что в мыслях о решении Сталина отправиться в будущее и об угрозе, которую этот план представляет для жизни его коллег, он совершенно забыл спросить вождя, изменит ли тот планы насчет своего триумфального выхода на коне.

– Да, все отлично, дорогие мои! – напрягаясь, возвращает доктор привычную улыбку. – Товарищ Сталин решил не раскрывать план своих действий, а просто поблагодарил за ценную информацию.

– Ха-ха-ха! Хотел бы я посмотреть на его реакцию, когда он услышал о завтрашнем фиаско! Наверное, покраснел от стыда! – шутит Нохчий.

– Только если он поверил, – сомневается Самани. – Зная, какой у нас вождь, он, наверное, не поверил сообщению.

– Ну что вы, товарищ Сталин доверяет мне, ведь он в курсе каждого нашего шага, не так ли, товарищ Кайсина? – обращается Валк к агенту, которая продолжает конспектировать все происходящее.

– Пожалуй, будем действовать согласно изначальному плану. Соберемся здесь завтра в 08:00 и встретим Вас, верно? – серьезно спрашивает Лидия, возвращаясь к теме.

– Именно. И вместе направимся к трибуне у мавзолея, откуда и будем наблюдать шествие, которое, полагаю, будет безупречным! – подтверждает доктор Валк. – То есть, если бы не дождь...

– Дождь?! И что?! – удивляются присутствующие.

– Ну, завтра будет дождливое утро, но это не помешает событию, хотя демонстрацию ВВС придется отменить... – отвечает доктор, немного погрузнев.

– Эндель, а не лучше ли сразу перенести парад на другой, солнечный день? – качает головой Нохчий.

– А ты попробуй перенести такое значимое событие! – возражает Хмельницкий. – Кроме того, если провести парад позже, то могут появиться другие факторы. По крайней мере, Эндель уже был там, узнал, что инцидент со Сталиным будет единственной серьезной проблемой, помимо непредсказуемого дождя.

– Да, друзья, Сева прав. Переносить – не вариант. Но не переживайте, я работаю над изобретением, с помощью которого мы скоро сможем разгонять тучи для таких мероприятий! Я назову его «разгон облаков»! – сообщает доктор Валк, полный энтузиазма.

– Опять ты со своими безумными идеями, Эндель! – шутит Нохчий.

– А что стало бы с миром, если бы не такие сумасшедшие изобретатели, как мы? – улыбается Валк.

Глава 6. День победы

Как и было запланировано днем ранее, Лидия и ученые приходят в секретную лабораторию, чтобы встретить Валка, который должен скоро появиться через портал.

– 5... 4... 3... 2... 1... – считает Самани, глядя на часы.

Выражения нетерпеливого ожидания на лицах, особенно доктора Валка, сменяются удивленными взглядами.

– Ты точно правильно посчитал, Самани? – спрашивает Валк, пытаясь понять, в чем проблема.

– Абсолютно! Ты должен был появиться ровно... 9 секунд назад! – отвечает доктор, глядя на наручные часы и убеждаясь, что они синхронизированы с лабораторными.

Спустя несколько минут молчания, Валк снимает очки, чтобы потереть глаза, и обращается к коллегам, которые пытаются найти объяснение не-случившемуся:

– Товарищи... Кажется, случилось то, чего я опасался... Боюсь, это не та реальность, в которой я был!

– Как?! – удивляются коллеги.

– Сегодня не тот день 24 июня 1945 года, в который я отправлялся... по крайней мере, уже не тот, – вздыхает эстонец, держась за голову. – С тех пор, как я поговорил с товарищем Сталиным, будущее изменилось. Линия времени состоит из бесчисленных комбинаций переменных. Изменив их, я изменил направление линии. То 24 июня 1945 года, где я выхожу из этой машины, стало частью другой реальности. Той, где Сталин упал с лошади, где я навещал его в лазарете и он передал через меня сообщение себе в прошлом, создав, таким образом, будущее, то есть, уже настоящее, в котором мы находимся... Та реальность больше не существует, или, по крайней мере, стала частью другой комбинации переменных, параллельной, недостижимой.

Пораженные, ученые пытаются придумать альтернативное объяснение, но не находят аргументов против этой теории.

– Значит, вы оказались заключенным в этой «недостижимой» реальности? – спрашивает Лидия, пытаясь разобраться в ситуации.

– Ну, товарищ Кайсина, это зависит от Вашего представления о «заклучении», – отвечает Валк. – С одной стороны, я вернулся вчера. А с другой, еще один я, так же как и вы, находится в той, параллельной реальности, вместе со всем человечеством. Учитывая окружающие нас бесчисленные возможности, в том числе, и эту, можно утверждать, что мы всегда заключены в какой-либо реальности. Так же, как поезд меняет направление, отправляясь по другим рельсам, мы изменили линию времени, и последствия нам еще предстоит изучить...

Лидия думает об этих словах. Никто и никогда не увидит тот парад, который смотрел Валк. Это событие потерялось в черной дыре времени, созданной изменением, которое доктор вызвал своим действием. О скольких еще бесчисленных возможных реальностях мы даже не подозреваем? С тех пор, как та реальность перестала существовать, даже портал не поможет вернуться в нее. Как будто линия времени, доступная машине, только одна, и все ее измененные части оказываются недостижимыми. Откуда она происходит и что определяет последовательность событий, из которых она состоит? Существует ли возможность добраться до потерянных переменных, параллельных реальностей? Тогда возможности были бы безграничными. На секунду она думает, что Удмуртия, откуда она родом, «добровольно присоединенная» русскими в XVI веке, могла бы победить их и других врагов и сохранить независимость. Удмурты могли бы даже править миром, в одном из этих бесчисленных сценариев! Эта идея революционно изменяет само понятие о времени.

– Товарищ Кайсина? Вы в порядке? – беспокоится Валк.

Лидия приходит в себя и смотрит на ученых, которые все еще обсуждают не-появление доктора.

– Да-да, – отвечает она, возвращая прежний серьезный вид. – И что теперь делать? Вы уверены, что ваше второе «я» не появится?

– Это единственное объяснение случившемуся, то есть, не-слушившемуся, – отвечает эстонец. – Будущее, которое мы видим сейчас, то есть, уже настоящее, совсем не то, что я наблюдал. Теперь Сталин точно не упадет, мне не придется навещать его в лазарете, и он не передаст мне записку, которую я ему уже отдал. И теперь я не знаю, какими будут последствия моего путешествия. Знаю только, что, если бы я появился сейчас, как мы ожидали, то мои путешествия между вчера и сегодня замкнулись бы в бесконечный цикл, умножая меня неопределенное количество раз.

– Но почему это не произошло с Борисом? – спрашивает Самани.

– Временное изменение было минимальным во время того эксперимента, – объясняет Нохчий. – Насколько я понимаю, реальность, в которую наш коллега отправился, изменилась до такой степени, что реальность, где мы сейчас находимся, оказывается частью альтернативного будущего, как результат этого изменения. Нам еще предстоит исследовать, как именно это работает.

– Точно. Нам понадобится больше времени, чтобы разобраться. Но если сейчас случится конец света, то мне хотелось бы, по крайней мере, в последние моменты жизни, увидеть парад. Что скажете? – предлагает прагматик и немного фаталист Хмельницкий.

– Всеволод прав, – соглашается Нохчий. – К тому же, посмотрев парад, мы увидим, подтвердится ли теория Валка. Если товарищ Сталин не въедет на Красную площадь на своем коне, значит, и наш коллега не должен был появиться в портале.

Следуя этой логике, они едут в Кремль, где наблюдают с трибуны грандиозный парад на всю Красную Площадь. Прибыв на место, Лидия сталкивается с Виктором. На секунду голубые глаза агента встречаются с зелеными глазами солдата, и дыхание обоих задерживается на мгновение, которое длится для них целую вечность. Виктор слегка поклоняется в знак приветствия, улыбаясь девушке, старающейся выглядеть серьезной, хотя внутри ее переполняет радость от встречи с мужчиной, заставляющим ее сердце биться сильнее. Пока остальные ученые идут смотреть парад, Валк замечает парочку и улыбается Лидии, которая сразу же отводит взгляд. Виктор, разочарованный ее холодным безразличным поведением в очередной раз, вздыхает, счастливый видеть ее, но печальный из-за невзаимности своей любви.

«Неужели всегда со мной так будет: любить лишь тех, кто меня не любит?» – переживает солдат, грустно восхищаясь грациозной походкой удаляющейся возлюбленной.

«Почему мое сердце бьется быстрее и мурашки по коже, когда я вижу этого придурка?» – думает Лидия.

Агент решает вместе с остальными следить только за парадом, который уже начинается. Войска проходят по площади, создавая великолепный рисунок одного огромного человеческого ковра, разделенного на маленькие квадраты, через которые проезжают верхом маршалы Жуков и Рокоссовский. Сталин наблюдает за ними с трибуны, вместе со своими министрами. Главнокомандующий машет Валку, который отвечает тем же и обращается к своим коллегам:

– То ли я прав, то ли окончательно сошел с ума, товарищи! – пораженно выдыхает он.

– Скорее всего, теперь мы знаем, что бывает в такой ситуации... Пожалуй, в этот раз нам не придется увидеть двух Валков, – заключает Самани. – И это был бы сложный случай. Представьте себе, возвращать его в прошлое, откуда бы он снова отправлялся сюда, и так до бесконечности...

– Не время и не место для подобных разговоров, товарищ Самани, – шепчет Лидия, обращая внимание ученого на людей вокруг.

Группа снова возвращается к параду, а Виктор смотрит на Лидию, издали, находясь рядом со своими коллегами, которые наблюдают за событием, держась всегда неподалеку от Сталина и других присутствующих именитых членов Политбюро, как Вячеслав Молотов, Михаил Калинин и Климент Ворошилов.

Раздаются выстрелы в честь символической церемонии, в которой советские солдаты бросают на землю штандарты фашистских войск, захваченные на немецкой территории, в том числе и 1-ого отряда СС Лейбштандарта СС Адольфа Гитлера, личной охраны фюрера. Этот символический жест означает, прежде всего, личную капитуляцию фашистского вождя перед советским и развал наци-фашизма перед мощью коммунизма. Мероприятие заканчивается, без каких-либо серьезных препятствий, под морозящим дождем. Сталин победоносно удаляется, прежде показав жестом своим гвардейцам идти за доктором Валком. Тот сообщает им:

- Парни, у нас в лаборатории будет собрание.
- Что-то случилось? – заинтригованно спрашивает Лев.
- Приказ товарища Сталина. Объясним на месте. Позовите остальных, – говорит Валк.

Группа отправляется на военном автомобиле в секретную лабораторию. Дорога к Кунцево, промышленному городку недалеко от Москвы, недалёкая, так что скоро сталингвардейцы оказываются в помещении, где находится портал, который Ярослав, Стефан и Владимир видят впервые.

- Что это такое? – спрашивает Ярослав. – Где товарищ Сталин?

Прежде чем ученые успевают ответить, генсек заходит в помещение, незаметно, как обычно.

– Это машина времени, товарищ Атаманов. Из-за этого фантастического аппарата вы оказались здесь и сейчас. Мы отправимся в будущее и первую поездку совершим в 2017 год!

Все, кроме доктора Валка и самого Сталина, поражаются.

- Но почему в 2017-ый? – спрашивает Лидия, удивленная решением советского вождя.

– Чтобы посетить мероприятие в честь столетия Октябрьской Революции, естественно! – отвечает Сталин. – Благодаря этому великолепному изобретению, будет возможно увидеть самый ожидаемый момент в истории человечества, то, что должно перевернуть наш образ жизни, то, за что мы так боролись со времен революции, идеал, который объединит весь мир под одним красным флагом – окончательная победа коммунизма!

Все испуганно смотрят на советского вождя, впечатленные его мощной речью. Действительно, можно представить, что после победы в самой великой войне всех времен, СССР должен стать центром мира, а коммунизм, о котором все так мечтают, – глобальной реальностью, спустя столетие после социалистической революции.

– Для такой цели необходима строжайшая секретность, – говорит диктатор. – Кроме вас, никто не должен знать о нашей поездке. Я лично отдал распоряжение Берии уничтожить вас и ваших родственников в случае предательства.

Валк покрывается холодным потом. Вот что Сталин имел в виду, когда говорил ему, что он позаботится о его коллегах. Грозный нарком теперь имеет карт-бланш. «Случаем предательства» может стать все, что угодно, что посчитает таковым глава НКВД.

- А когда Вы хотите отправиться? – спрашивает Тимур, нервничая.

– Прямо сейчас, дорогой, – отвечает генеральный секретарь.

– Товарищ Сталин, пожалуйста, дайте нам немного больше времени, чтобы изучить машину! Мы еще не пробовали отправиться в такую далекую эпоху! Вспомните, это не мы изобретатели, мы даже не знаем, о чем думали наши военные противники, когда создавали этот артефакт! – предупреждает Хмельницкий, пытаясь отложить поездку.

– Кроме того, последствия такого путешествия еще неизвестны! Из-за нашего вмешательства могут быть созданы альтернативные реальности. Будущее человечества никогда не будет прежним! – вмешивается Самани.

– Хватит! – злится диктатор. – Довольно проверок, довольно вопросов! Товарищ Валк уже совершил пробное путешествие, для меня этого достаточно, чтобы поверить, что машина работает и мы можем ей пользоваться. Солдаты, вы пойдете первыми, чтобы убедиться, что все в порядке!

– Прямо сейчас? – испуганно спрашивает Тимур.

– Разумеется! Или вы хотели сначала устроить пикник? – иронизирует диктатор.

– Вы не думаете, что было бы лучше для начала проверить машину, отправляясь в прошлое, товарищ Сталин? – спрашивает Нохчий. – Будущее нам неизвестно, мы не знаем, что вы можете там встретить!

– Товарищи, нет причин для беспокойства, – возражает Сталин. – Я не отправляюсь ни на войну, ни в другую страну. Это всего лишь пробная поездка, на часик-другой.

– Вы должны быть в курсе, что все равно это путешествие довольно рискованно, – предупреждает Лидия. – Машина будет с вами, так что мы не сможем отправиться позже, чтобы вас спасти, если что-то пойдет не так.

– Естественно, дорогая! – отвечает Сталин. – Поэтому я и поеду со своими лучшими охранниками, которых неслучайно столько же, сколько и частей разобранной машины. Она будет с нами в полной сохранности, не переживайте!

Лидия нервно смотрит на охранников, будто не веря, что поездка будет такой простой и спокойной, как говорит Сталин.

– Ну что, готовы, солдаты? – спрашивает Сталин.

– Всегда готовы! – отвечают военные, натренированные беспрекословно следовать приказам генсека в любой ситуации.

– Тогда, думаю, вам пригодится это... – указывает Валк на шесть больших рюкзаков, в которых должны храниться шесть частей портала, вместе с арктикумом.

– И это, – добавляет Хмельницкий, отдавая окончательные инструкции к машине, на русском, Сталину.

– Присядем на дорожку, – говорит Нохчий.

Все садятся и молчат несколько секунд. Лидия как будто чувствует неладное, переживает о Сталине и его гвардии, но не может ничего сказать.

– Вам не кажется, что было бы лучше отвезти машину в кремлевскую лабораторию, чтобы было проще добраться до Красной Площади, где, скорее всего, и будет проходить празднование? – спрашивает Самани, пытаясь уменьшить риски путешествия.

– Нет, товарищ Самани. Я предпочитаю отправиться отсюда, чтобы незаметно посмотреть на город по дороге на Кремль! – возражает Сталин, поднимаясь, вместе с остальными.

– Но вы окажетесь в Москве будущего, на 72 года от нас! Много всего будет по-другому, даже дороги в центр города, – настаивает доктор.

– Не случайно меня сопровождает лучшая личная охрана в мире, товарищ Самани. Именно такую реальность я и хочу увидеть, где все будет по-другому, где наши мечты и цели будут воплощены! – говорит Сталин с горящим взглядом.

Валк направляется к машине и начинает настраивать панель, под взглядами Сталина и его гвардейцев, которые до сих пор не были знаком с процедурой запуска машины.

– Так, никаких сложностей в управлении панелью нет, все описано в деталях в инструкции, – говорит эстонец, указывая дату и время, в котором путешественники во времени должны оказаться: 8 утра, 7 ноября 2017 года. Согласно расчетам ученого, это достаточно рано, чтобы Сталин и его гвардия могли добраться до Красной площади и увидеть парад, который начинается каждый раз 7 ноября в 10 часов утра.

В это время Лидия обращается к доктору Хмельницкому, удаляясь от остальных.

– Как Вы думаете, возможно ли отменить эту поездку по техническим причинам? Я почти уверена, что в таком случае товарищ Сталин передумает, и мы выиграем время! Если честно, мне кажется, это внезапное путешествие добром не закончится.

– Зачем же, товарищ Кайсина? Машина в отличном рабочем состоянии, мы уже провели все тесты! Нельзя же выдумать поломку, это саботаж, за это нас могут посадить или вообще расстрелять!

– Знаю... Но мы никогда не проводили таких длительных опытов. А если через 72 года Землю разрушил какой-нибудь метеорит? Всякое может быть! – аргументирует Лидия.

– Не волнуйтесь. Первыми отправятся охранники, чтобы убедиться, все ли в порядке. Время открытия портала можно контролировать с помощью панели управления, и если никто не вернется, мы поймем, что что-то пошло не так, и отключим машину, таким образом, не потеряв ее, – объясняет доктор, но вместо успокоения девушка нервничает еще больше, опасаясь за жизнь Виктора, которого отправят как пушечное мясо, и она никак не сможет спасти его.

– Надеюсь, вы правы, и все пройдет успешно... – говорит агент, стараясь успокоиться и зацепиться за единственную ниточку надежды.

– Все готово! – объявляет доктор Валк, активируя портал. – Еще есть время передумать...

– Я не тот человек, который передумывает, товарищ Валк! – парирует Сталин, в его глазах отражается яркий свет портала. – Товарищи, я не хочу рисковать вами всеми сразу, поэтому пусть первым отправится кто-нибудь один, чтобы обеспечить охрану по ту сторону.

Солдаты одновременно делают шаг вперед.

– Бросим жребий! – предлагает Ярослав.

– Не нужно, я отправлюсь. Это я нашел машину, я и должен идти, – отвечает Виктор.

– Как это ты нашел машину? Мы с тобой вместе ее нашли, разве ты забыл??! – возражает Лев.

– Да, но только один должен идти первым. Я возьму ответственность на себя, в конце концов, вы все сейчас здесь из-за нашей находки, – отвечает Виктор.

– Минуточку, вы нашли огромный металлический сейф, который не смогли бы открыть без моей помощи! – вмешивается Тимур. – Без меня вы даже не узнали бы, что там внутри!

– Но если бы не мы, тебя бы даже не позвали! – восклицает Лев.

– А если бы не я, вы бы не только не узнали, что это за аппарат, но и вообще не были бы живы! – выпаливает Лидия.

– Хватит! – прерывает их Сталин. – Так и моя бабушка может отправиться! Товарищ Серафимов, вперед!

Все замолкают. Виктор кивает головой в знак согласия и направляется к portalу. Он оглядывается на своих товарищей и на Лидию, которой, наверное, все равно, вернется ли он живым, потому что он ей очевидно безразличен.

«Может, так даже и лучше. Лучше умереть, чем быть отвергнутым возлюбленной. Столько раз уже я избегал смерти, может, именно сегодня пришел мой час», – думает солдат.

Пока молодой человек предается мрачным мыслям, доктор Валк, наоборот, радостно улыбается: он уже путешествовал на машине времени и уверен, что она работает превосходно.

– Все будет хорошо! – подбадривает его ученый.

Виктор скромно улыбается и подходит к платформе портала, обращаясь лицом к яркому свечению, которое так ослепительно, что он закрывает глаза и видит, как вся жизнь пронесется перед ним, начиная с детства в простой рабочей семье, до службы в армии и Великой Отечественной войны, битвы за Берлин и случая на Октябрьском поле, где он познакомился с загадочной рыжей красавицей, и неожиданного поцелуя, посреди взрывов на аэродроме. В этот момент он чувствует присутствие девушки рядом, как будто она материализуется из его памяти. По спине пробегают мурашки от ее легкого прикосновения к его шее. Солдат откры-

вает глаза, чтобы убедиться, что это всего лишь игра воображения, и видит прямо перед собой Лидию, надевающую что-то ему на шею.

– Возьмите это. Мы называем ее *шудо кизили* – «счастливая звезда», по-удмуртски. Она будет Вас защищать, – объясняет девушка, которая всегда носила талисман в виде восьмиконечной звезды с собой.

Виктор, впечатленный этим жестом, едва может подобрать слова от удивления.

– Я не могу... Это Ваше... – бормочет он.

– Вот именно. И Вы принесете мне его обратно, чего бы это ни стоило, понятно? – парирует агент к удивлению всех присутствующих.

– Отставить сантименты, товарищ Кайсина! – не выдерживает Сталин. – Он сейчас же вернется, не переживайте так! Вперед, товарищ Серафимов, портал не будет вас ждать вечно!

– Я скоро! – обещает Виктор, глядя на агента и сослуживцев в последний раз, и исчезает в портале.

Секунды пролетают быстро в беспокойном ожидании.

– Вот-вот он появится и сообщит, что все в порядке, и мы можем отправляться следом! Битая посуда два века живет! – успокаивает Лев Лидию.

– Нет никакой возможности связи с той стороной? – спрашивает Тимур, беспокоясь о друге.

– К сожалению, нет, сынок. Представь себе, что твой коллега находится в другом измерении, на этом же месте, но десятилетия спустя. Невозможно получить картину того, что там происходит, – отвечает доктор Самани.

– Что-то он задерживается! – замечает Сталин, с каждой секундой теряющий терпение. – Сколько времени уже прошло?

– Полторы минуты, – говорит Самани, глядя на часы. – Думаю, что он осматривает местность, чтобы убедиться, что там безопасно...

Глава 7. Темное будущее

В это время, с другой стороны портала, Виктору открывается страшное зрелище: большая современная лаборатория, откуда он прибыл, находится в руинах, абсолютно заброшенная и опустошенная. На самом деле, только появившись там, солдат подумал, что он телепортировался куда-то далеко, может быть, в какое-то здание, расположенное в развалах немецкой столицы, где он нашел артефакт. Однако, постепенно он узнает местность, убеждаясь, что он в том же сооружении, но в другой эпохе.

«Странно! Как это возможно, чтобы такая важная лаборатория превратилась вот в это?» – думает солдат, осторожно проходя по помещению.

Не заметны следы присутствия человека, только металлолом и мусор, разбросанный по остаткам однажды внушительного здания, теперь наполовину разрушенного. Устоявшие стены пестрят разноцветными рисунками, образующими фигуры в преувеличенных пропорциях, с надписями огромными деформированными буквами на русском и, видимо, других языках, которые сложно расшифровать. Тусклый свет попадает внутрь через трещины в потолке, и освещает следы пожара тут и там.

Солдат проходит по руинам, и с каждым шагом его одолевают все большие сомнения: что сказать Сталину? Первое, что приходит в голову – немедленно вернуться и описать поразительные изменения, прося отменить миссию.

«Спокойно, Виктор, подумай хорошенько перед тем, как принять решение!» – думает солдат сам себе. – «Конечно, ситуация хуже, чем я думал, и я не был готов к такому. Однако, этому зданию примерно 80 лет, не так уж и удивительно, что оно в руинах. Может, власть его закрыла, может быть, тут произошел пожар или какой-то несчастный случай. Такое не раз происходило с самим Кремлем, но это же не конец света».

Виктор замечает свет из соседнего коридора. Он приближается и находит там полуразрушенное окно. Через него видны сосны, улица со зданиями странной для глаз солдата архитектуры, но, кажется, жилыми. Рядом с ними что-то похожее на машины, но отличное от автомобилей 1940-х годов. На спокойной улице нет почти никого, кроме нескольких детей, играющих около домов.

«Ну, кажется, не все тут в руинах», – с облегчением думает Виктор. – «Было бы здорово поговорить с местными, чтобы убедиться, что они советские и что все в порядке».

...

– Уже прошло почти пять минут, и никаких новостей от солдата... – нервничает Нохчий.

– Наверное, он изучает периметр, чтобы убедиться, все ли безопасно, чтобы товарищ главнокомандующий отправился следом, – говорит Ярослав, стараясь выиграть время для сослуживца.

– Мне это совсем не нравится... – говорит Сталин, поглаживая усы. – А если его поймали там, с другой стороны, и теперь кто-то может добраться до нас. Нужно закрыть этот портал немедленно!

– Нет! – отчаяно кричит Лидия. – Дайте ему еще минуточку, товарищ Сталин! Он должен вернуться, не переживайте! Кроме того, Ваши охранники здесь, готовые к любой ситуации. Если кто-нибудь рискнет зайти сюда через портал, они сразу же его расстреляют!

– Товарищ Кайсина, я понимаю, что Вы переживаете о своем любовнике, но нам неизвестно, что случилось с ним и какая угроза может ожидать нас по ту сторону. Так что лучше отключить машину, пока не поздно! – восклицает Сталин, направляясь к аппарату.

– Подождите хотя бы, чтобы было ровно пять минут, и тогда отключим машину, пожалуйста! – умоляет Валк, обычно спокойное и уверенное лицо которого сейчас выглядит нервным и огорченным.

– Сколько секунд осталось? – спрашивает Сталин.

– Тридцать, – отвечает Самани, нарочно увеличивая отрезок втрое.

– Ладно, подождем. Солдаты, займите позиции и стреляйте во все, что появится из портала и не выглядит как красноармеец! – приказывает Сталин.

Виктор по-прежнему не подает никаких признаков жизни. Все беспокойно смотрят на портал, в ожидании какого-нибудь изменения.

– Так, товарищ Самани, сколько времени уже прошло? – спрашивает Сталин.

– Пять... четыре... три... два... один... – считает ученый секунды, как можно медленнее, в надежде, что Виктор появится.

– Сейчас, товарищ Валк! Отключайте машину! – приказывает Сталин.

– Товарищ главнокомандующий, разрешите мне зайти в портал, чтобы вернуть моего сослуживца! – просит Лев.

– Не разрешаю! Я не могу себе позволить потерять треть моих лучших охранников. Я вас специально выбирал, ваши способности очень ценны. Потеряв одного из вас, я не хочу потерять и другого! – говорит Сталин. – А Вы, доктор Валк, отключайте машину, немедленно!

Лидия молнией вклинивается между ученым и панелью управления:

– Пожалуйста, доктор Валк, товарищ Сталин, подождите еще немного! Он вот-вот должен появиться!

– Это уже беспредел! – взрывается Сталин. – Признаюсь, никогда не думал, что разочаруюсь в таком агенте, как Вы, кто всегда меня впечатлял своей преданностью и результативностью. А теперь, из-за какого-то мужика, Вы показываете свое истинное лицо, товарищ Кайсина, действуя против моих приказов! И Вы за это заплатите!

Диктатор направляется к Лидии, чтобы силой отстранить ее от машины. Девушка, отличный боец, находится в очень сложной ситуации. Она не хочет ранить главнокомандующего, но знает, что если он отключит портал, Виктор потеряется во времени навсегда. Агент уклоняется от нападения Сталина, который злится еще больше. Ученые и охранники пораженно наблюдают за этой сценой, не зная, как поступить. Они должны оставаться верными советскому вождю, хотя каждый и боится отключить машину.

По другую сторону портала Виктор пытается выбраться из руин здания, чтобы продолжить свою разведывательную операцию на месте, пообщаться с местными жителями и понять, что это за эпоха и что произошло здесь с 1945 года. В поисках выхода, он вспоминает о машине и что должен возвращаться как можно скорее, ведь остальные ждут от него новостей. Солдат думает о Лидии, и, как будто чувствуя конфликт с другой стороны портала, подбегает к машине, целует талисман и ныряет в стену света.

...

– Товарищ Серафимов! – восклицает Лидия.

– Товарищ Кайсина! – восклицает Виктор.

– Ну что, как там было? – спрашивает Сталин, поправляя костюм.

– Ну... – начинает солдат. – Эта лаборатория не то чтобы великолепно выглядит спустя 72 года, но окрестности, вроде, в порядке, только я не успел выйти, чтобы хорошенько осмотреться.

– Уф! – все вздыхают с облегчением, еще секунду назад они опасались, что там произошел конец света или что Виктор умер сразу же, войдя во враждебное пространство.

– Значит, воздух и земля в функциональном состоянии? – спрашивает доктор Хмельницкий.

– В смысле «функциональном»? Они такие, как есть! – отвечает Виктор.

– А людей ты там видел? – спрашивает Владимир. – Они свои?

– Людей я видел издалека, через окно, там на площадке играли дети, но в ближайших окрестностях лаборатории не было никого, с кем можно было бы пообщаться. Вроде, все спокойно, мирное время.

– Дети – это хороший сигнал, – говорит Самани, анализируя ситуацию.

– Отлично, ребята! Это значит, наша очередь заходить в портал! – обращается Сталин к гвардейцам.

– Так точно! – подчиняются солдаты, занимая свои позиции вокруг главнокомандующего.

Лидия старается скрыть за холодным выражением лица грусть оттого, что Виктора снова отправляется в другую эпоху. Солдат вздыхает, увидев, что девушка отдаляется от него, и отворачивается к сослуживцам.

– Давайте, товарищи, не бойтесь. Какой бы ни была временная дистанция путешествия, вы вернетесь скоро, может, через минуту, для этого нужно просто настроить машину, а мы будем ожидать вас здесь, – уверенно улыбается доктор Валк.

– Да, спасибо, что напомнили! – радостно замечает Лев. – Мы скоро вернемся, вот увидите!

– Так точно, солдат, а теперь вперед! – поторапливает Сталин.

Солдаты первыми заходят в машину, за ними – Сталин. Наконец, портал закрывается и полностью исчезает.

Лидия смотрит на место, где стояла машина, и вздыхает. Плохое предчувствие не покидает ее.

...

– Что здесь произошло?! Одни руины! – возмущается Лев, оглядываясь вокруг.

– Ну, я пытался предупредить... Сначала я тоже удивился, даже думал, будто это другое место или другая реальность, но потом понял, что здесь та же лаборатория, только на 72 года в будущем, – говорит Виктор, указывая на коридоры, стены и помещения, которые совпадают с теми, что были в лаборатории 1945 года.

– Неумолимый ход времени был беспощаден к этому зданию... – замечает Сталин.

– Однако, как я вам и говорил, в окрестностях все более-менее в порядке. Конечно, я не успел разобраться в деталях, что там происходит, но, по крайней мере, вроде, достаточно безопасно, чтобы можно было разведать обстановку, – продолжает солдат.

– Да, тут смотреть, похоже, нечего, – говорит Ярослав.

– А что это за надписи на стенах? – любопытно смотрит Тимур на граффити.

– Не знаю, но мне кажется, они появились, когда здание уже было заброшенным, – предполагает Виктор.

– Смотрите! – показывает Лев на место на свастику на стене.

– Фашисты?! – поражается Сталин. – Как эти ублюдки сюда попали? Солдат, я требую объяснений! Почему Вы не сообщили об этом?!

– Клянусь, я не видел этого рисунка! Я старался найти безопасный способ выйти из здания и пообщаться с местными жителями о событиях последних десятилетий, – объясняется Виктор.

– Невероятно, мы разгромили Германию и ее союзников, уничтожили фашистскую армию, взяли Берлин... Не может быть, чтобы они вернулись! – восклицает Сталин, пытаясь найти логическое объяснение.

– Может быть, они все-таки использовали машину времени, чтобы отомстить нам после войны, – размышляет Владимир.

– Это невозможно! Сразу после окончания войны мы завладели аппаратом. Только если что-то еще случилось еще на советской территории... Нам осталось выяснить, находимся ли мы на вражеской земле! – заключает Сталин.

– Тут есть коридор, через который, я думаю, можно выйти из здания, – указывает Виктор в сторону окна, через которое он смотрел на улицу.

Сталингвардейцы разбирают машину времени и складывают ее фрагменты в рюкзаки. Затем проходят по коридору, ступая по горам мусора, которыми завалены руины, плохо освещенные этим холодным облачным осенним утром. Они заходят в другое помещение, где уже меньше мусора, а в центре расчищена площадка, на которой горит слабый костер. Пламя едва освещает фигуру, которая греется у огня и едва различима в горе хлама. Красноармейцы выхватывают оружие, держа на мушке неизвестного и тихо приближаясь.

– Ты окружен! Руки вверх! – кричит Ярослав.

– Не стреляйте, ради Бога! – кричит мужчина пьяным голосом, поднимая грязные руки, в одной из которых держит бутылки водки.

– Ты кто такой? – спрашивает его Сталин.

– Вася *ик!* Вася Букин! А вы... с телевидения, что ли *ик!*? – спрашивает пьяница, уже с меньшим испугом.

– Теле... чего? – удивляется Ярослав.

– Телевидения! Вы похожи на актеров, это какой-то фильм про СССР? *ик!*

– Вы уже говорили с этим гражданином, товарищ Серафимов? – спрашивает диктатор.

– Нет, конечно, товарищ Сталин. Я даже не заходил в это помещение. Я, как и вы, впервые его вижу, – отвечает Виктор.

– Сталин?! Ха-ха-ха! Ну, конечно! Ты и правда похож на него... *ик!* Значит, фильм про Сталина снимаете? Это вы не туда зашли. Товарищу Сталину не понравилось бы, во что превратилось это место, да и во что превратилась эта страна! – комментирует бездомный, отхлебывая водку из горла.

– В смысле, «во что превратилась эта страна»? – интересуется Сталин.

– Ну, в совке, может, и не было так *ик!* круто, но после его конца все стало еще хуже! – говорит пьяница, подбрасывая доски в костер. – Я сам воевал в Афганистане, веря, что служу родине, даже не очень понимая, что это за безумная война. В итоге потерял ногу, и, когда наконец-то вернулся в Москву, родины, за которую я воевал, больше-то и не было. А раз все бывшие республики стали независимыми государствами, я, значит, нелегально живу на своей земле, это ж я был прописан в Бишкеке, где служил до распада, и вот стал киргизским гражданином. Я – киргиз! Ха-ха-ха! – рассказывает бездомный, то ли смеясь, то ли плача, отпивая еще глоток.

Сталин и его гвардейцы слушают рассказ пьяного бездомного все более серьезно, хотя и не понимают, о каких исторических событиях идет речь. Советский вождь вспоминает о своей инициативе консолидировать народ с помощью постоянных миграций внутри страны, таким образом, стимулируя смешивание многочисленных национальностей, чтобы создать единственную культурную идентичность. Он не представлял, что его идея вызовет такие последствия, как у бездомного, в невероятном случае распада СССР, когда из-за прописки человек становится гражданином другой страны.

– Какая война в Афганистане? Что за распад? – спрашивает Тимур.

– Вы шутите? Ха-ха-ха! Где камера? Вы отправите видео в интернет, или сразу в телевизор? – спрашивает Вася.

– Да он пьян, что говорить с этим дураком! – говорит Владимир, поворачиваясь к окну и пытаясь рассмотреть окрестности лаборатории.

– Именно это сказала моя бывшая жена, когда меня бросила и забрала детей *ик!*... – грустно замечает бездомный. – Можно было догадаться, какая судьба меня ожидает после войны: инвалид, нищий, алкаш... С моим дедушкой было так же. Старик Букин, Станислав Геннадиевич, потерял ноги – подорвался на немецкой мине в Сталинграде – и вернулся домой инвалидом...

От этих слов Ярослав вздрагивает. Станислав Геннадиевич, то есть Стас Букин – один из его сослуживцев. Они воевали вместе в тот день. Во время войны, Стас спасал жизнь Ярослава и других солдат много раз. Ярослав винил себя в том, что не смог уберечь друга, когда тот наступил на мину, и тащил его на себе по траншее, к санитарам, против воли самого Стаса, который хотел умереть, понимая, что после войны ему не будет места в этом мире, независимо от того, победят они или нет. «Я не могу тебя оставить! Ты меня спасал столько раз, вытащил столько наших, и хочешь, чтобы я оставил тебя умирать!?» – говорил тогда он Стасу. С тех пор они не виделись, но для Ярослава друг стал вечным символом храбрости и товарищества, у него он научился многому в военной тактике и обращении с оружием, усовершенствовав меткость до такой степени, что стал одним из лучших стрелков СССР.

– А что с ним произошло? – пораженно спрашивает Ярослав.

– После войны он вернулся домой, но его жизнь никогда не была прежней, – вздыхает Вася. – Он стал инвалидом, презираемым сообществом, ради которого столько воевал. Ценность его подвигов как будто исчезла вместе с ногами, как бывает с многими солдатами. Без работы, без помощи государства, в городе, который предпочитает закрыть глаза на таких, как он, дедушка оказался крепким человеком, знаете? Многие покончили с собой, но он не сдался, и даже выходил из дома, живя на пятом этаже в здании без лифта. Он смастерил себе дощечку с колесами, чтобы передвигаться по городу, старался найти работу, вместо того, чтобы просить деньги на улице, но люди смотрели на него с отвращением... Больше всего он переживал, что к памятникам в честь солдат Великой Отечественной войны, не возможно было даже подъехать таким, как он, тысячам увечных солдат... Так и в России, почти ничего не сделано, чтобы облегчить жизнь инвалидов. Пандусы? Лифты? Указатели? Ничего подобного! Если ты слепой, глухой, немой или калека, то и хрен с тобой!

Ярослав хватается за голову, пораженный историей. Пока он воевал в Сталинграде и операции «Багратион», освободившей оккупированные фашистами территории, получая награды и, в итоге, оказавшись в личной охране Сталина, его товарищ попал в беду. И эта история происходила именно в той эпохе, откуда они прибыли на машине времени.

– Все в порядке, Атаманов? – спрашивает Виктор, замечая ужас на лице сослуживца.

– Расскажи мне! Что с ним случилось потом? – беспокоится стрелок.

– Не знаем... – говорит Вася, отпивая еще водки. – Одним обычным утром, когда он вышел встретить боевых товарищей, возвращавшихся с войны, дед исчез. Это часто бывало с такими людьми, как он. Говорили, государственная служба убирала инвалидов с улицы, чтобы они не «портили вид». Никто не знает, куда эти люди пропадали. Наверняка их всех убили, ведь даже в Сибири они бы негодились...

– Красная Армия не для слабаков! – высокомерно заявляет Воеводин. – Советский союз не для слабаков! Только труд приведет нас к коммунизму. Нам не нужны инвалиды, на которых общество только будет тратить деньги. Без таких людей власть сможет вкладываться в тех, кто приносит пользу обществу: военных, рабочих, инженеров, а не бесполезных существ, как ты и твой дед!

– Заткнись! – прерывает его Ярослав, к всеобщему удивлению.

– Что такое, Атаманов, тебе жалко этого алкаша и его дурацкого деда? Так им и надо! Лучше они б погибли в бою, вместо того, чтобы позорить родину своей инвалидностью!

Ярослав, известный своим спокойствием и хладнокровием, характерными для стрелков, подбегает к Владимиру, одержимый зверским гневом. Держа винтовку двумя руками, как большую палку, он прижимает сослуживца шеей к стене, душа его. В ужасе, Владимир пытается отбиваться кулаками, но Ярослав будто не чувствует боли, поднимая его, отрывая от пола чудовищной силой.

– Он спас мою жизнь, гнида! Стас был примером храбрости, великим товарищем, каким ты никогда не станешь! – кричит Ярослав, выйдя из себя.

Остальные гвардейцы подбегают разнять их, видя, что Владимир задыхается и почти теряет сознание, и с трудом удерживают Ярослава, вырывающегося, подобно бешеному псу, чтобы расправиться с Владимиром, который, упав на пол, понемногу приходит в себя.

– Фашисты тоже так думали! Для них, инвалиды были бременем общества, злом, которое надо было искоренить из их идеального арийского мира! Ты ничем не лучше фашистов, ты – дерьмо! – гневно кричит Ярослав.

– Спокойно, солдаты! Я не могу позволить, чтобы вы передрались! Вы должны держаться вместе несмотря ни на что! – вмешивается Сталин, стараясь их успокоить. Несмотря на конфликтную ситуацию, советский вождь восхищается нечеловеческой силой и скоростью Ярослава, а на Владимира он смотрит с презрением. Не из-за его бесчеловечной речи, сравниваемой Ярославом с фашистской, а из-за слабости. Он бы погиб, если бы не вмешательство товарищей. Для вождя, Ярослав был бы совершенным воином, если бы научился управлять своими порывами.

– Простите, товарищ Сталин. Я слишком резко отреагировал и вышел из себя. Солдат, о котором говорил этот бездомный, воевал вместе со мной, защищая город, названный в Вашу честь. Он, как и многие солдаты нашего полка, был героем, спас мне жизнь, многому меня научил. И я не могу позволить, чтобы кто-нибудь отзывался о нем в таком тоне!

– Интересно, что Вы про фашистов сказали... – говорит Вася, осторожно возвращаясь на свое место после драки. – Стыдно, как это в стране, которая победила фашистов в Великой Отечественной войне ценой миллионов жизней, теперь процветают неонацистские паразиты! Здесь, в Москве, несложно вычислить таких хулиганов, за которых даже Гитлеру было бы стыдно. У них ничего в голове, только бухают и смолят, и, когда не смотрят какой-нибудь футбол, бьются с хачами и чурками...

– Хачами? Чурками? Ты о чем вообще говоришь? – удивляется Сталин.

– Ты че, Сталин, прикальываешься? – смеется бездомный.

Тимур и Стефан направляют оружие на Васю.

– Не смей так говорить с советским вождем! – сердито кричит Стефан.

– Да оставьте его, он все равно несет ахинею, – снисходительно замечает Сталин. – Представьте себе, Москва, полная фашистов! Только пьяный дегенерат и мог бы додуматься до такого. Пойдемте скорее, у нас осталось мало времени, чтобы добраться до Кремля!

Солдаты расходятся из помещения, продолжая искать выход, Ярослав грустно оглядывается на бездомного, который, пожав плечами и что-то поворчав, присасывается к бутылке.

– Сюда! – указывает Лев на узкий слабо освещенный коридор.

– Нашел выход? – спрашивает Виктор.

– Вроде бы... – отвечает Лев.

Группа направляется в конец коридора, по которому можно выйти на улицу, заблокированный большой бетонной плитой, наверное, это обрушившаяся часть верхнего этажа. Солдаты пытаются пролезть через щель, но она слишком узкая для взрослого человека. С трудом, солдаты отталкивают плиту, которая с грохотом падает на землю.

– Наконец-то выбрались из этого лабиринта! – восклицает Лев. – Не представляю, как там можно жить.

Едва он закончил фразу, часть здания обрушивается, вместе с коридором, из которого они только что вышли. Падение образует облако пыли и оглушительный грохот, привлекая внимание прохожих. Приходя в себя от испуга, Сталин и его охранники отряхиваются от пыли и замечают, что вокруг уже собралась небольшая толпа зевак.

– Товарищи! Подскажите, как отсюда проехать в Кремль? Мы очень спешим! – обращается к местным жителям Владимир.

К его удивлению, люди сразу же начинают смеяться. Мужчины, женщины, дети – все хохочут, глядя на солдат. Владимир оборачивается к товарищам, но те удивлены реакцией не меньше.

– Это не шутки! Нам необходимо срочно сопроводить товарища Сталина на парад в честь столетия Октябрьской революции! – восклицает охранник, забывая о тайности операции.

Раздается еще один взрыв хохота, такой сильный, что люди не могут говорить от смеха и едва не валятся с ног. Сталин хватается за голову и понимает, что зря не поговорил отдельно со своими гвардейцами, и особенно с Воеводиным, о секретности экспедиции, полагая, что это само собой разумеется.

– Это серьезно! Отвечайте, а не то пострадаете! – кричит Владимир, выхватывая револьвер, но к нему тут же подбегают дети, желая поиграть с оружием. Серьезность и невозмутимость сползают с лица красноармейца при приближении малышей.

– Это какая-то реклама для телевидения? А где камеры? – спрашивает одна бабушка.

– Да-да, на каком канале покажут? – интересуется молодой человек в спортивном костюме.

– Вы что, не видели? Это из того фильма, где Сталин путешествует во времени, я видел рекламу по ящику, скоро покажут! Это, наверно, какая-то акция в поддержку кино! – замечает один старичок.

– Что это за разговоры? – раздражается Сталин. – Я не знаю ни о каком фильме!

– А ну разойдитесь! – кричит Владимир детям, стреляя в воздух.

– Ничего себе! А выстрелы вообще как настоящие! Не удивительно, что сегодняшнее кино так реалистично! – впечатляется стоящий неподалеку парень. – Дай-ка посмотреть!

– Не приближаться! – кричит Ярослав, направляя винтовку на парня.

Предполагая трагическую развязку событий, Виктор подбегает к Ярославу и объявляет:

– Да-да, друзья, это просто кино! Скоро покажут в кинотеатрах, не пропустите! А теперь расходимся, нам еще нужно успеть в другие районы! Пойдемте, товарищи! – жестами солдат показывает сослуживцам следовать за ним.

Зеваки расходятся по своим делам, оставляя Сталина и гвардейцев в растерянности.

– Товарищ Серафимов, это что такое?! – спрашивает Владимир, удивленный поведением сослуживца.

– Ты с ума сошел, Воеводин!? Эта операция совершенно секретная! Нельзя вот так вдруг начать палить в воздух и ругаться с народом! – возмущается Виктор.

– Товарищ Серафимов прав! Пусть каждому из вас будет ясно, что никто не должен знать о нашей миссии без моего распоряжения! Права на еще одну ошибку у вас нет, понятно?!

– Так точно, товарищ Сталин! – подчиняются гвардейцы.

Они продолжают идти в сторону зданий, которые видели из лаборатории. Некоторые машины проезжают и весело сигналият солдатам.

– Может, на машине будет быстрее? – предлагает Владимир.

– Ты что, не слышал? Мы не можем просто остановить машину, вступая в конфликт с гражданами, – отвечает Лев. – Кроме того, не представляем, как управлять такими автомобилями.

– Видимо, нам придется найти какое-то отделение НКВД, где мы будем в безопасности и сможем найти материально-техническое обеспечение, – заключает Сталин, скрывая свою стратегическую ошибку – он ожидал, что лаборатория будет в рабочем состоянии в 2017 году, с готовыми автомобилями, на которых можно было бы добраться до Кремля.

– Я не вижу никаких знаков НКВД, и эти здания какие-то странные, – говорит Тимур, рассматривая огромный лабиринт комплекса серых пятиэтажных зданий с полуразваленными балконами.

– Нужно найти какого-нибудь патрульного. Как только увидим такого, я сам поговорю с ним, – решает Сталин, стараясь держать ситуацию под контролем.

– В свете последних событий, честное слово, это ему проще будет нас найти. Я думал, что мы легко ориентируемся в окрестностях, но все так сильно изменилось, что я себя чувствую в другом мире! – замечает Ярослав.

Советские воины с удивлением рассматривают новые дома и людей в разноцветной странной одежде, женщин в коротких юбках, машины странной формы, каких они никогда прежде не видели. Некоторые люди, кажется, разговаривают сами с собой, ходя по улице, с маленьким аппаратом в ухе. Разноцветные афиши рассказывают о различных продуктах и услугах, мешая сориентироваться, а еще эти странные рисунки на стенах и заборах, с непонятными словами. Снова они замечают черную свастику на стене, на этот раз зачеркнутую красным, со словом: «ANTIFA», и эта надпись снова перечеркнута черным.

– Эй, смотрите, кто там идет! Сталин и его компания! – замечает их какой-то очевидно пьяный парень с татуированной свастикой на бритой голове, одетый в черное. – Колян, Саш, зырь, какие лохи! Ха-ха-ха!!!

Его товарищи, тоже бритоголовые и в черном, поворачиваются к солдатам и начинают отдавать честь, насмешливо распевая военный марш. Приглядевшись к ним повнимательнее, охранники замечают, что на их одежде фашистская символика – свастика и аббревиатура СС. У некоторых они еще и вытатуированы на руках и других частях тела, как у парня, который первым увидел солдат.

– О, у них там чурка! – замечает один из неонацистов, у которого не хватает нескольких зубов и фингал под глазом. – Че это вонючий азиат делает в советской форме?!

Солдаты достают оружие и выстраиваются вокруг Сталина. Парни, в свою очередь, вытаскивают ножи.

– Думаете, что напугаете нас своими игрушечными пистолетиками? Ха-ха-ха! – смеется лысый парень с татуировкой, видимо, главарь банды, разбивая об скамейку бутылку водки вооружившись полученной «розочкой». – Ты! Да-да, ты! Снимай форму, ты ее не достоин! – тычет парень пальцем в Тимура.

Военные смотрят на Букейханова, понимая, что это его назвали азиатом, а не Сталина. Казах наводит на скинхеда автомат ППШ-41, широко применяемый в Великой Отечественной войне, но парня это, похоже, не пугает.

– Тим, не делай этого. У нас будет еще больше проблем, если ввяжемся в драку с этими хулиганами, – предостерегает Виктор.

Похоже, Тимур его не слышит. Виктор порывается подойти к другу, но Сталин, внимательно наблюдающий за начинающейся дуэлью, его останавливает.

– Правильно делаешь, Сталин! Не лезь! У нас личный разговор с этим узкоглазым чертом! – заявляет главный неонацист.

Тимур спокойно смотрит на парня, который приближается, сжимая в руке «розочку».

– Как ты меня называл? – спрашивает солдат.

– Ты глухой? Узкоглазый! – скинхед дразнит его, растягивая в стороны уголки своих глаз. – Вот в чем штука с этими нерусскими, они даже язык наш не понимают, а этот еще

и думает, что может тут разгуливать в красноармейской форме! Снимай форму, ублюдок! Только белым можно ее носить!

Тимур, пораженный, пытается понять, как человек может докатиться до такого уровня. В нормальное время, то есть, в его понятии, в советское мирное время, этот парень должен был быть комсомольцем, учиться или служить в армии. Он вспоминает слова Васи о неонацистах в России и понимает, что этот человек не сравним даже с тенью гитлеровского солдата, как те, которых он в огромном множестве убивал на войне. Если бы он в самом деле уважал и следовал нацистской идеологии, то был бы против любого знака Красной армии и Советского Союза, страны, которая победила фашистскую Германию, вместо того, чтобы возмущаться, что он не белый, а носит советскую форму, что само по себе глупо, ведь СССР, имеющий в составе сотни разных национальностей, располагается преимущественно в Азии. К тому же, Тимур осознает, какая ирония в том, что парень называет его нерусским, так же, как немцы называли «остальные», по их мнению, народы, в том числе и русских, «неарийцами». Кроме того, Лев, Стефан, Ярослав и сам советский вождь Иосиф Сталин тоже нерусские. Казах делает вывод, что перед ним стоит какой-то недоумок-расист, использующий свастику в качестве ярлыка, и гордясь своей недалекостью вместе с другими такими трусливыми дегенератами, как он.

– Смотрите, пацаны, как надо! Приходится нам очищать улицы от этих чурок и хачей, которые тут понаехали, отбирают у нас работу, телок, и загрязняют нашу родину и нашу славянскую рас...

Прежде, чем скинхед успеет закончить предложение, его тело вздрагивает от очереди пуль из безжалостного автомата Тимура. Окровавленный труп падает на землю, как мешок фарша, перед пораженными неонацистами и прохожими, наблюдавшими за происходящим издалека. Фашисты уносят ноги, зеваки в ужасе и с криками разбегаются.

– При мне такой фигни не было! – с отвращением замечает Сталин.

Тимур качает головой и убирает автомат, поворачиваясь обратно к сослуживцам.

– Ты с ума сошел, Тим! Смотри, какая паника! Люди вызовут милицию, и мы пропали, и все из-за тебя! – беспокоится Лев.

– Именно этого я и хотел! Теперь это лишь вопрос времени, когда к нам приедет милиция. Я поговорю с ними, и все решится, – возражает главнокомандующий.

– А наш разговор о том, чтобы не вступать в конфликты с гражданами? – удивляется Ярослав.

– А ты это фашистское дерьмо называешь гражданами? Это дикие звери, Букейханов просто защищался, дав противнику более чем достаточно времени, чтобы одуматься. Конфликта с ними никак нельзя было избежать, вы сами видели. Милиция должна нас поблагодарить за то, что мы покончили с таким бандитом. Кроме того, как только она подъедет, мы объясним, в чем дело, и получим необходимую помощь, – объясняет Сталин.

Виктор опасается за безопасность группы, но не может подвергать сомнению сталинский приказ.

– Не знаю как для вас, но для меня слова бездомного начинают обретать смысл, – комментирует Стефан, рассматривая флаг на ближайшем доме.

– Этот флаг, это разве не... – бормочет Лев, увидев бело-сине-красное полотнище.

– Флаг белых, предателей! – удивляется Сталин.

– Но как это возможно? – спрашивает Лев.

– Никак. Приедут милиционеры, и мы сразу сообщим о сволочи, которая развесила на окне эту тряпочку. Полный абсурд! – ругается Сталин.

– Может, еще рано, но я до сих пор ни разу не видел советского флага, с тех пор, как мы тут оказались, – комментирует Виктор. – Вместо этого, мы видели, как люди здесь смеялись над нашей формой и смотрели на нас, как на инопланетян! А если и правда Советский союз

распался, как сказал тот Вася? Он был прав насчет неонацистов, которые, по-моему, никак не могли бы существовать в СССР.

– Да нет! Как это наша страна могла распасться? Может, была еще одна Великая Отечественная война, из-за которой все стало таким? Может, снова напали белые и взяли страну под контроль? – рассуждает Владимир, вспоминая, что бывший имперский флаг использовали русские, особенно белые, националистские движения, после Октябрьской революции.

– Вот сейчас и узнаем, товарищи, – говорит Сталин, увидев две подъезжающие патрульные машины. Из остановившихся автомобилей выходят четверо вооруженных стражей порядка.

– Бросайте оружие! Руки вверх! – кричит один из них, толстяк лет сорока.

– Товарищи! Как хорошо, что вы приехали! Мы только что нейтрализовали фашиста! – дружелюбно встречает их Сталин.

– Товарищ Сталин, Вы заметили, что эти машины не похожи на наши милицейские? – шепчет Владимир, замечая, что на автомобилях крупными буквами написано «ПОЛИЦИЯ».

– Ну, 72 года прошло, не удивительно, что название службы и внешний вид автомобилей изменились... – отвечает Сталин, понимая, что у него нет особого выбора, и не приходится рассчитывать ни на что, кроме сотрудничества местных властей.

– Бросить оружие! Руки вверх! – повторяют полицейские, направляя на них пистолеты.

Тимур приближается к Сталину, из-за чего полиция нервничает еще больше.

– Этот герб какой-то странный, – говорит солдат, указывая на изображение святого Георгия, убивающего змея, на машинах.

– Может, это просто недоразумение, – успокаивает его Сталин и поворачивается к полицейским: — Нам нужна ваша помощь, чтобы добраться до Кремля и успеть на столетие революции. Подробности могу объяснить по дороге, но у нас мало времени!

Солдаты уже ожидают в очередной раз услышать смех, хотя единственной надеждой их остается понимание и помощь полицейских. Однако, вид окровавленного тела мертвого скинхеда, видимо, лишило полицейских чувства юмора, потому что, услышав слова Сталина, они даже не улыбнулись.

– Тебе придется много чего объяснить, Сталин, но уже в отделении! – кричит полицейский. – Бросайте оружие, или мы стреляем!

– Постойте, я понимаю, что это непростая ситуация, и в ней не так легко разобраться... – объясняет Сталин, откашливаясь. – Мы прибыли из 1945 года, чтобы увидеть коммунистическое будущее в столетие революции. Разумеется, характер нашего визита строго конфиденциален, поэтому я рассчитываю на ваше сотрудничество...

– Вы что, из психушки сбежали? – спрашивает один из полицейских.

– Наверное, это какая-то банда, которая нарядилась в советскую форму на разборки со скинхедами! – догадывается второй.

– Банда или нет, но вы задержаны с поличным и обвиняетесь в умышленном убийстве! У вас есть три секунды, чтобы опустить оружие и сдаться, или мы откроем огонь! – предупреждает толстяк.

– Но мы свои, мы граждане СССР, как и Вы! – возражает Сталин успокаивающим тоном.

– Вот и не нужно было оттуда высовываться! – парирует полицейский и начинает отсчет: – Три...

Сталин пораженно смотрит на полицейского. Эти слова его удивили, особенно «оттуда», как будто здесь не советская территория. История бездомного Васи, реакция гражданских на их внешний вид, столкновение с неонацистами, триколор, и эта «полиция»... Все складывается в голове генсека, как части головоломки, на которой Россия оказывается перевернутой вверх дном, и мир сильно отличается от того, что он представлял, думая о столетии револю-

ции. Советский вождь, который на этой земле – всего лишь тень забытого прошлого, смотрит на своих солдат, в напряжении ожидающих приказа.

– Нет времени объяснять, расстрелять их! – восклицает Сталин, указывая на полицейских, которые еще не закончили отчет.

Услышав команду вождя, Тимур, со своим ППШ-41, стреляет в полицейских с одной стороны, пока Ярослав палит по другим из мощного СВТ-40 с безошибочным прицелом. Одному из полицейских удается пригнуться и спрятаться за дверью автомобиля, но его настигает Стефан, перемахнув через машину на невероятной высоте и метнув один из своих ножей-убийц, который пронзает голову полицейского насквозь прежде, чем он успевает отреагировать. Все действие занимает меньше трех секунд, вызвав еще большую панику среди местных жителей, наблюдавших за ним из окон и из-за углов зданий. Стефан, после акробатического прыжка, выдергивает нож из головы мертвого полицейского и вытирает лезвие от крови о форму труп.

– *Одихнеаскэ-се ын паче.* – «покойся с миром», шепчет Стефан по-молдавски.

Сталин окидывает взглядом поле боя, в которое в считанные минуты превратилась тихая площадка, впечатляясь, как «тепло» его приняли на этой сумасшедшей земле и представляя, что ожидает впереди.

– Это не страна, а дурдом какой-то! Надо что-то сделать, чтобы вернуть нашу родину в нормальное состояние, и быстро! – восклицает Сталин.

– Нужно убираться отсюда поскорее, а то прибудет подкрепление! – замечает Виктор, направляясь к одной из машин.

– Мы еще можем вернуться в лабораторию и выбраться из этой ловушки, – предлагает Владимир.

– Ни в коем случае! – возражает Сталин. – Я хочу знать, что случилось в этой стране, что она превратилась в такой бардак. Кроме того, мы еще почти ничего не увидели. Возвращаться поджав хвост после первой трудности, практически ничего не увидев в этой эпохе, даже не обсуждается как вариант! Покажем этой стране, что такое сила советского человека!

– Так точно! – подчиняются гвардейцы, теперь с поднятым боевым духом.

Солдаты забирают оружие убитых полицейских и садятся в машины. Виктор и Владимир занимают места водителей, не зная точно, как управлять этими странными автомобилями.

– Ну... Не такие уж они и странные, судя по всему, – замечает Виктор, рассматривая панель. – Если я не ошибаюсь, то это ключ зажигания, и...

Мотор издает звериный рев. Владимиру тоже удается завести машину, и оба трогаются, двигаясь рывками, пока, наконец, им не удастся разобраться с управлением.

– Ха-ха! Не сильно-то и отличается от «бобика»! – шутит Виктор, сравнивая ВАЗ-2121, с бронемашинкой БА-64, широко используемой во время Великой Отечественной войны, в том числе самим Виктором и его сослуживцами, которые называли ее «бобиком».

Владимир трогается, хотя и не предстает, в какую сторону ехать, за ним – машина Виктора.

– Хорошие новости, я нашел карту! – сообщает Ярослав после поисков в бардачке.

Военный аккуратно разворачивает старую потрепанную бумагу, пытаясь найти подсказку, как доехать до центра. Называется брошюра «Атлас Автодорог России, стран СНГ и Балтии» и сопровождается изображениями флагов и короткой информацией о каждой стране.

– Товарищ Сталин... Думаю, Вам стоит взглянуть на это... – пораженно говорит Ярослав.

Сталин пробегает глазами атлас и возвращает его охраннику с изумленным видом, чем привлекает внимание водителя.

– Что там? – спрашивает Владимир.

– Похоже, Вася был прав, – объясняет Ярослав. – СССР распался, пока не понятно когда, и сегодня это несколько разных стран. По-видимому, они образуют сообщество независимых государств.

– Как же это произошло?

– Откуда мне знать? Это карта дорог, а не учебник истории!

– Мне кажется, не было никакой войны, – сухо комментирует Сталин. – Границы стран практически совпадают с границами советских республик, они по какой-то причине разделились. В случае войны, гражданской или какой другой, политическая карта должна была бы измениться, как в случае с Европой после больших войн. Осталось узнать, по какой причине произошла эта ужасная катастрофа и кто ее допустил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.